

ISSN 2226-3365

www.vestnik.nspu.ru

DOI: 10.15293/2226-3365.1702

ВЕСТНИК
*Новосибирского государственного
педагогического университета*

*Novosibirsk State
Pedagogical University*
BULLETIN

2 2017

Учредитель журнала:

ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный педагогический
университет»

Электронный журнал «Вестник Новосибирского
государственного педагогического университета»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС77-50014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И СОВЕТ НАУЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Редакционная коллегия

главный редактор

Пушкарёва Е. А., д-р филос. наук, проф.

заместитель главного редактора

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

педагогические и психологические науки

Синенко В. Я., д-р пед. наук, профессор

Богомаз С. А., д-р психол. наук, проф. (Томск)

философские и исторические науки

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

Зверев В. А., д-р ист. наук, проф.

физико-математические и социально-

экономические науки

Трофимов В. М., д-р физ.-мат. наук, проф.

Ряписов Н. А., д-р экон. наук, проф.,

биологические, химические, медицинские науки

Айзман Р. И., д-р биол. наук, проф., член-корр.

МАНВШ, заслуж. деят. науки РФ

Просенко А. Е., д-р хим. наук, проф.

культурология, филологические науки

Чапля Т. В., д-р культурологии, проф.

Трипольская Т. А., д-р филолог. наук, проф.

Международный редакционный совет

Айзман О., д-р филос., д-р мед., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Ангелика Ригер, д-р, проф. (Ахен, Германия)

Анна Паола Бонола, проф. славистики,
Миланский университет (Милан, Италия)

Балгимбеков Ш. А., д-р мед. наук, проф.,
(Алматы, Казахстан)

Бухтова Б., д-р наук, Университет им.
Масарика (Брно, Чехия)

Валькенхорст Ф., д-р наук, проф., университет
Кельна (Кельн, Германия)

Винго Чарльз С., д-р мед. наук, проф., ун-т
Флориды (Гейнсвилль, Флорида, США)

Либерска Х. д-р психол. наук, проф., ун-т
им. Казимира Великого (Быдгощ, Польша)

Логунов Д., н.с., ун-т Манчестера
(Великобритания)

Мауриция Калузио, д-р наук, ст. исследов. по
русс. лит. (Милан, Италия)

Мукатаева Ж. М., д-р биол. наук (Павлодар,
Казахстан)

Чагин А., д-р филос., н. с., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Челси Д., д-р филос., проф., (Уппсала, Швеция)

Шмайс Й., д-р наук, Университет им. Масарика
(Брно, Чехия)

Юй Вень Ли, д-р политического образования,
Пекинский университет (Пекин, Китай)

Редакционный совет

председатель редакционного совета

Герасёв А. Д., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Афтанас Л. И., д-р мед. наук, проф., академ. РАМН, вице-
президент РАМН, Президент СО РАМН (Новосибирск)

Баликоев В. З., д-р экон. наук, проф. (Новосибирск)

Безруких М. М., д-р биол. наук, проф., почетный
профессор НГПУ, академик РАО (Москва)

Бережнова Е. В., д-р пед. наук, проф. (Москва)

Винокуров Ю. И., д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)

Галажинский Э. В., д-р психол. наук, проф.,
академик РАО (Томск)

Дымарский М. Я., д-р филолог. наук, проф. (Санкт-
Петербург)

Жафяров А. Ж., д-р физ.-мат. наук, проф.,
член-корр. РАО (Новосибирск)

Жукоцкая З. Р., д-р культурол., проф. (Нижевартовск)

Иванова Л. Н., д-р мед. наук, проф., академ. РАН
(Новосибирск)

Казин Э. М., д-р биол. наук, проф., заслуж. деят. науки
РФ, академик МАНВШ (Кемерово)

Ключко В. Е., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Князев Н. А., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кондаков И. В., д-р филос. наук, проф., академ. РАЕН,
почетный работник общего образования (Москва)

Красноярцева О. М., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Кривошеков С. Г., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Кудашов В. И., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кустова Г. И., д-р филолог. наук, проф. (Москва)

Медведев М. А., д-р мед. наук, проф., академик РАМН,
заслуж. деят. науки РФ (Томск)

Мокрецова Л. А., д-р пед. наук, проф. (Бийск)

Овчинников Ю. Э., д-р физ.-мат. наук, проф.
(Новосибирск)

Печерская Т. И., д-р филолог. наук, проф.
(Новосибирск)

Пузырев В. П., д-р мед. наук, проф., академик РАМН
(Томск)

Серый А. В., д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

Федоров В. И., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Чупахин Н. П., д-р филос. наук, проф. (Томск)

Шошенко К. А., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Основан в 2011 году, выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский отдел:

630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

Номер подписан к выпуску 30.04.17

The founder
Novosibirsk State
Pedagogical University

The registration certificate
The electronic journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin»
is registered in Federal service on legislation observance in sphere of
communication, information technologies and mass communications
The registration certificate ЭЛ № ФС77-50014

EDITORIAL BOARD AND EDITORIAL COUNCIL OF SCIENTIFIC ELECTRONIC JOURNAL «NOVOSIBIRSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY BULLETIN»

Editorial Board

Editor-in-chief

Pushkareva E.A., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Deputy editor-in-chief

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Pedagogical Sciences and Psychology

Sinenko V.Ya., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor

Bogomaz S.A., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Philosophy and Historical Sciences

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sciences, Professor

Zverev V.A., Dr. of Historical Sciences, Professor

Physics, Mathematics, Social and Economics Sciences

Trofimov V.M., Dr. of Physical and Mathematical

Sciences, Professor

RyapISOV N.A., Dr. of Economic Sciences, Professor

Biological, Chemical Sciences and Medicine

Aizmam R.I., Dr. of Biological Sciences, Prof. of the

NSPU, Corr-Member of IASHS

Prosenko A.E., Dr. of chemical Sciences, Professor

Culturology, Philology Sciences

Chaplya T. V., Dr. of Cultural Sciences, Professor

Tripolskay T. A., Dr. of Philological Sciences, Prof.

International Editorial Council

Aizman O., Ph.D., M.D., Karolinska Institute,
(Stockholm, Sweden);

Angelica Rieger, Dr., Professor (Aachen, Germany)

Anna Paola Bonola, Professor Università Cattolica
del Sacro Cuore (Milan, Italy)

Balgimbekov Sh.A., Dr. of Medical Sciences,
Professor (Almaty, Kazakhstan)

Buhtova B., Ph.D., Masaryk University (Brno, Czech
Republic)

Chagin A., Ph.D., Karolinska Inst. (Stockholm, Sweden)

Charles S. Wingo, M. D., Professor, University of
Florida (Gainesville, Florida, USA)

Gianni Celsi, Ph.D., Professor, Uppsala University,
(Uppsala, Sweden)

Liberska H. Dr. of Psychol. Sciences, Prof.,
Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz, Poland)

Logunov D., Ph.D., University of Manchester
(Manchester, United Kingdom)

Maurizia Calusio, Senior Researcher
in Russian Literature, PhD (Milan, Italy)

Mukataeva Zh.M., Dr. of Biological Sciences
(Pavlodar, Kazakhstan)

Walkenhorst Philipp, Dr., Professor, University of
Cologne (Cologne, Germany)

Šmajš Jozef, Dr. of Philosophy, Professor, Masaryk
University (Brno, Czech Republic)

Yu Wen Li, Ph.D., Professor Peking University
(Peking, People's Republic of China)

Editorial Council

Chairman of Editorial Council

Gerasev A.D., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Aftanas L.I., Dr. of Medical Sc., Prof., Acad. of RAMS
(Novosibirsk)

Balikoev V.Z., Dr. of Economical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Bezrukih M.M., Dr. of Biological Sc., Prof. (Moscow)

Berezhnova E.V., Dr. of Pedagogical Sc., Prof. (Moscow)

Chupahin N.P., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Tomsk)

Dymarski M.J., Dr. of philological Sciences, Professor
(St. Petersburg, Russia)

Fedorov V.I., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Galazhinsky E.V., Dr. of Psychological Sc., Professor,
the academician of RAE (Tomsk)

Ivanova L.N., Dr. of Medical Sc, Prof., Academ. of RAS,
Institute of Citology and Genetics (Novosibirsk)

Kazin E.M., Dr. of Biological Sc., the academician of
IASHS, Professor (Kemerovo)

Klochko V.E., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Knyazev N.A., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Kasnoyarsk)

Kondakov I.V., Dr. of Philosophical Sc., Prof., Academ.
of Russian Academy of Sciences (Moscow)

Krasnoryadstceva O.M., Dr. of Psychological Sciences,
Professor (Tomsk)

Krivoshekov S.G., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Kudashov V.I., Dr. of Philosophical Sciences, Professor
(Kasnoyarsk)

Kustova G.I., Dr. of philological Sciences, Professor
(Moscow, Russia)

Medvedev M.A., Dr. of Medical Sc., Prof., the
Academic. of RAMS, Institute of Medical Genetics
(Tomsk, Russia)

Mokretsova L.A., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor
(Biysk, Russia)

Ovchinnikov Yu.E., Dr. of Physical and Mathematical
Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia)

Pecherskaya T.I., Dr. of philological Sciences, Professor
(Novosibirsk, Russia)

Puzirev V.P., Dr. of Medical Sc., Prof., the Academician
of RAMS, Institute of Medical Genetics (Tomsk, Russia)

Seryi A.V., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Kemerovo)

Shoshenko K.A., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Vinokurov Yu.I., Dr. of Geography Sc., Prof. (Barnaul)

Zhukotskaya Z.R., Dr. of Cultural Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Zhafyarov A.Zh., Dr. of Physical and Mathematical Sc.,
Prof., Corr.- Member of the RAE (Novosibirsk)

The journal leaves 6 times a year

The academic journal is established in 2011

Editorial publishing department:

630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

- Никитенко З. Н., Янченко В. Д., Никитенко Е. А., Дейкина А. Д.* (Москва, Россия). Творческая самореализация учащихся в процессе изучения русского языка как иностранного 7
- Ишутина И. А.* (Шаосин, КНР), *Салосина И. В.* (Томск, Россия). Игровые методы в профессиональной подготовке лингвистов в условиях вуза КНР 20
- Динер Е. В., Мосунова Л. А.* (Киров, Россия). Развитие воображения в процессе чтения электронной книги 34

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ

- Панова А. С., Суботялов М. А.* (Новосибирск, Россия). Развитие научной физиологической школы в Новосибирском государственном педагогическом университете 50

МАТЕМАТИКА И ЭКОНОМИКА

- Жафяров А. Ж.* (Новосибирск, Россия). Реализация технологии внедрения компетентного подхода в школьном курсе математики 71
- Пономарева Н. Н.* (Новосибирск, Россия). Понятие международной транспортной инфраструктуры как объекта экономико-географического исследования 85

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

- Алексеев А. В., Ленец А. В.* (Ростов-на-Дону, Россия). Директивные аббревиатуры как компонент современной виртуальной коммуникации 98
- Жеребило Т. В.* (Грозный, Россия). Интегративное ономастическое пространство регионального варианта русского языка в условиях билингвизма 111
- Николаева О. В., Терехова Е. В.* (Владивосток, Россия). Прагматика перевода на русский язык дефисных композитов из британского и американского политического дискурса 129
- Храмцова Л. Н.* (Новосибирск, Россия). Динамические процессы в прагматически маркированной лексике в русском языке в начале XXI века (на примере слова амбициозный) 143
- Казакова О. А., Головачева Е. А., Фрик Т. Б.* (Томск, Россия). Жанры речи в аспекте перевода (на материале научных текстов) 161
- Козлов А. Е.* (Новосибирск, Россия). О диахроническом изучении истории русской беллетристики XIX века 177

CONTENTS

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

- Nikitenko Z. N., Yanchenko V. D., Nikitenko E. A., Deykina A. D.* (Moscow, Russian Federation). Pupils' creative self-realization in the process of learning Russian as a foreign language7
- Ishtutina I. A.* (Zhejiang, Chinese People's Republic), *Salosina I. V.* (Tomsk, Russian Federation). Methodology of simulation and gaming in professional training of linguists at a Chinese university 20
- Diner E. V., Mosunova L. A.* (Kirov, Russian Federation). Imagination development in the process of reading e-books34

PHILOSOPHY AND HISTORY

- Panova A. C., Subotyalov M. A.* (Novosibirsk, Russian Federation). Development of scientific physiological school at Novosibirsk State Pedagogical University50

MATHEMATICS AND ECONOMICS

- Zhafyarov A. Zh.* (Novosibirsk, Russian Federation). Technology of implementing the competence-based approach within the school course of Mathematics71
- Ponomareva N. N.* (Novosibirsk, Russian Federation). International transportation infrastructure as an object of economic and geographical research.....85

PHILOLOGY AND CULTURE

- Alekseev A. V., Lenets A. V.* (Rostov on Don, Russian Federation). Directive abbreviations as a component of modern virtual communication (as exemplified in English and German languages)98
- Zherebilo T. V.* (Grozny, Russian Federation). Integrative onomastic space of a regional variant of the Russian language under conditions of bilingualism.....111
- Nikolaeva O. V., Terekhova E. V.* (Vladivostok, Russian Federation). Pragmatics of translation into Russian of hyphenated compounds from British and American political discourse129
- Khramtsova L. N.* (Novosibirsk, Russian Federation). Dynamic processes in the pragmatically marked vocabulary of the Russian language at the beginning of the XXI century (with the focus on the word ambitious)143
- Kazakova O. A., Golovacheva E. A., Frik T. B.* (Tomsk, Russian Federation). Speech genres in the aspect of translation (on the material of scientific texts) 161
- Kozlov A. E.* (Novosibirsk, Russian Federation). Diachronic study of the history of fiction XIX century at philology 177

www.vestnik.nspu.ru

ПЕДАГОГИКА
И ПСИХОЛОГИЯ

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

© З. Н. Никитенко, В. Д. Янченко, Е. А. Никитенко, А. Д. Дейкина

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.01)

УДК 372.881.161.1

ТВОРЧЕСКАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

З. Н. Никитенко, В. Д. Янченко, Е. А. Никитенко, А. Д. Дейкина (Москва, Россия)

Проблема и цель. В статье ставится проблема творческой самореализации учащихся при овладении русским языком как иностранным. Цель заключается в выявлении условий творческой самореализации, включая речетворчество средствами предмета русского языка как иностранного, и в обосновании положения о том, что формирование коммуникативно-компетентной личности должно происходить сопряженно с развитием ее творческого и когнитивного потенциала, чтобы обеспечить аксиологическую составляющую русского языка как культурообразующей образовательной дисциплины.

Методология. Для решения поставленной проблемы используется методология деятельностного подхода, в соответствии с которым развитие личности происходит в деятельности, которая носит развивающий характер и развивается сама. В этой связи подчеркивается методическое значение творческих речевых упражнений в устной и письменной речи, способствующих развитию у учащихся связной речи и творческого отношения к языку. Особое внимание уделяется рассмотрению условий для творческой самореализации младших школьников с учетом специфики овладения ими русским языком.

Результаты. Авторами статьи отмечается, что в раннем школьном возрасте самореализация связана с речетворчеством, обеспечиваемым когнитивной сферой, которая получает свое развитие, когда дети овладевают языком не на основе имитации, а на основе формирования

Никитенко Зинаида Николаевна – доктор педагогических наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, профессор, кафедра методики преподавания иностранных языков, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет.

E-mail: zinaida-nikitenko@yandex.ru

Янченко Владислав Дмитриевич – доктор педагогических наук, профессор, кафедра методики преподавания русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет.

E-mail: v.d.yanchenko@gmail.com

Никитенко Екатерина Андреевна – старший преподаватель, кафедра иностранных языков для экономических и математических дисциплин, Департамент иностранных языков, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики.

E-mail: nikitenko23@yahoo.com

Дейкина Алевтина Дмитриевна – доктор педагогических наук, профессор, кафедра методики преподавания русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет.

E-mail: adeykina@list.ru

иноязычной языковой и речевой способностей. Именно эти способности позволяют школьникам выстраивать свою речь примерно так же, как они это делают на родном языке, а не повторять за учителем или репродуцировать заученные тексты. Для того чтобы сформировать у детей такие способности, необходимо прежде всего учитывать психолингвистические закономерности, интерпретация которых предлагается в статье в виде совокупности методических закономерностей овладения новым языком в младшем школьном возрасте. К одной из таких закономерностей, например, отнесено положение о том, что условия для генерализации как центрального процесса овладения речью в онтогенезе должны создаваться в образовательном процессе специально, чтобы обеспечить ученику возможность самостоятельного речепорождения на ином языке. Особую роль в создании условий для творческой самореализации младших школьников авторы отводят пропедевтическому этапу, который обеспечивает равные стартовые возможности для всех детей, изучающих русский язык как иностранный. Выделены особенности этого этапа: организация курса устного иноязычного общения, нацеленного на взаимосвязанное формирование умений говорения и аудирования на основе развития способности к фонологическому осознанию иноязычной речи; проблемный и творческий характер овладения средствами иноязычного общения; рефлексивно-оценочный характер овладения русским языком и наблюдения за проявлениями русской культуры в сравнении с фактами родной культуры. Для формирования у детей способностей, необходимых для творческого овладения языком как средством общения и познания авторы рекомендуют использовать экспериментально апробированную развивающую технологию, которая обеспечивает: овладение языковыми средствами в условиях игровой деятельности; игровую мотивацию устно-речевых, неречевых и учебных действий младшего школьника; овладение техникой иноязычного чтения и письма на основе сформированного коммуникативного ядра устной речи и на основе фонологической способности, способствующей орфографической зоркости учащихся и выработке хорошего почерка; овладение речевой деятельностью посредством общения; обретение личностных качеств и ценностей (демонстрация ценности факта русской культуры для самих носителей языка; сопоставление этого факта с родной культурой и культурным опытом ученика, действия с новой культурной информацией и др.); формирование рефлексивной самооценки. В статье также обсуждается новый статус русского языка как семейного языка для двуязычных детей наших соотечественников за рубежом. Взгляд авторов подкреплён историческим экскурсом в культуру билингвизма. Основным результатом предпринятого исследования является комплекс выявленных условий, соблюдение которых способствует реализации творческой самостоятельности учащихся.

Заключение. Подчеркивается значимость сформулированной концептуальной позиции авторов для формирования у учащихся способностей, необходимых для их творческой самостоятельности в процессе познания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; самореализация; когнитивное развитие; общение; речетворчество; иноязычная языковая способность; закономерности; развивающая технология; русский язык как семейный; билингвальные дети.

Постановка проблемы. Методология

Уже привычно воспринимается коммуникативная направленность в обучении русскому языку как иностранному (далее – РКИ), обеспечивающая успешность общения: в широком смысле – в социуме, в узком смысле – в

профессии. Однако достигнуть цели усвоения русского языка как иностранного без когнитивной и креативной деятельности невозможно, т. к. в этом случае не будет обеспечено осознание учащимися целостности и ценности изучаемого предмета – русского языка как

культурообразующего и культураносного явления, укрепленного великой русской литературой, важной составляющей мировой культуры [2].

В статье в русле методологии деятельностного подхода¹ [4] рассматривается проблема развития творческой самореализации учащихся, включая их речетворчество средствами русского языка как иностранного. При этом ставится цель выявления условий для такой самореализации и в обосновании положения о том, что формирование у учащихся коммуникативной компетенции должно происходить взаимосвязано с развитием их творческого и когнитивного потенциала. Это необходимо для обеспечения ценностного аспекта русского языка как личностно и культуурообразующей дисциплины.

Считается доказанным, что когнитивность проявляется в процессе познания системных уровней языка (в первую очередь лексического и грамматического), в то время как творческая самореализация осуществляется в коммуникативных речевых процессах (более всего на синтаксическом и текстовом уровнях). Когнитивность, коммуникативность, креативность – объективная необходимость современного языкового образования, обеспечиваемая соответствующей логикой и динамикой учебного процесса.

Проблема формирования коммуникативной компетенции у учащихся, как и диагностика этого процесса применительно к разным языкам и возрастным категориям, широко обсуждается в научной литературе [11; 13; 17]. Вопросам когнитивности и творческой самореализации учащихся посвящены исследования, в которых показана когнитивность как

ключевое качество изучения иностранного языка [9], взаимосвязь когнитивности и творчества [10; 20], а также подчеркивается, что на наш взгляд очень важно, взаимосвязь и взаимообусловленность творчества педагога и тех, кого он обучает, что может достигаться различными методическими средствами [12]. Проблеме речетворчества при овладении иным языком и значимости многоязычия посвящен ряд научных статей [16; 18; 19], в которых исследуется лингвокреативность как главная характеристика личности человека, обеспечивающая его самореализацию, подтверждая тем самым высказывание А. А. Потебни о том, что язык есть полнейшее творчество, какое только возможно человеку, и только поэтому имеет для него значение [8].

Результаты исследования

Проведенные нами исследования, результаты которых предлагаются в статье, дают все основания утверждать, что логика целенаправленного в изучении РКИ предполагает синтез познавательной и креативной деятельности учащихся: усвоение законов изучаемого языка необходимо для формирования интеллектуальных умений и творческой самостоятельности учащихся в области развития устной и письменной связной речи. Современный процесс усвоения РКИ, безусловно, следует известным дидактическим принципам, вместе с тем подчеркнем особое значение принципов научности, осознанности, познавательной и творческой самостоятельности для развития самореализации личности, в том числе и в речетворчестве.

Динамика учебного процесса по РКИ обеспечивается расширительным пониманием

¹ *Выготский Л. С.* История развития высших психических функций: собр. соч. в 6 т. – Т. 2. Проблемы общей психологии / под. ред. В. В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1984. – С. 5–362.

каждого уровня в соответствии с личностным самоопределением – потребностью учащихся в доминирующем содержании, определяемом с учетом возраста, интересов, подготовки, а на более позднем этапе – с учетом профессиональных интересов. Инструментальная и содержательная стороны преподавания РКИ, ориентированные на самоопределение ученика в профессии, уточняются в зависимости от сферы, в которой он готовится творчески реализовать себя: научной, технической, новых средств коммуникации, гуманитарной, медицинской и т. д. Рациональный компонент необходимо сочетается с эмоциональным, другими словами – сочетается язык логики с языком образов, что важно для любой сферы, а не только сферы иноязычного общения. Синтез логики и образов служит основанием для концептуальной позиции учащегося в отношении к русскому языку. Позиция определяется далеко не сразу, она включает и лингвистические обобщения, и аксиологическую оценку грамматической совокупности языковых средств, и яркие ассоциативные образы, и речевую деятельность в различных коммуникативных ситуациях, и преодоление коммуникативных неудач, и углубляющийся интерес к совершенствованию в русском языке и русской речи [3].

Общеизвестно, что творчество специфично для человека и предполагает деятельность, связанную с порождением качественно нового продукта. Применительно к учебному процессу творчество связывается с индивидуальной самостоятельностью субъекта учения в познании изучаемого предмета. Как индивидуальный процесс, самостоятельная деятельность учащихся по сравнению с репродуктив-

ной деятельностью, отличается большей оригинальностью и собственным осмыслением в решении познавательных и коммуникативно-речевых задач при изучении РКИ, а в дальнейшем – в профессионально-коммуникативном общении с использованием русского языка. На необходимость творческих упражнений при изучении РКИ указывает А. Н. Щукин, характеризуя их как «тип упражнений по способу их выполнения; (они) предполагают, как действия с языковым материалом, связанные с внесением новых элементов (преобразование, дополнение и т. д.), так и, что более ценно, смысловую обработку материала»². Важно подчеркнуть, что творческие упражнения используются как практические методы интерпретации (объяснение, сравнение, аналогия и др.), обобщения (синтез, анализ, описание и др.), проектирования (конструирование, моделирование и др.). По своему назначению они служат для развития речи и могут обслуживать все виды речи и речевой деятельности. Большим творческим потенциалом обладают упражнения, стимулирующие создание высказываний учащихся, связанных со сложными мыслительными задачами (участием в дискуссии, обоснованием суждений и взглядов, преобразованием тезиса в развернутое высказывание, продуцированием своего текста как продолжения исходного и т. д.). Методическое значение таких речевых упражнений заключается в том, что они позволяют тренировать учащихся в спонтанном употреблении изученных языковых явлений в речи и обеспечивать произвольное внимание на содержании высказывания, а не на форме. В зависимости от уровня владения учащимися русским языком и от этапов изучения РКИ из арсенала творческих упражнений отбираются, например,

² Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. – 746 с. – С. 333.

творческий диктант, изложение по опорным словам, свободный диктант и др. Именно в таких видах работы совмещены лексико-грамматические задачи и самостоятельное создание связного текста и в целом активизируется развитие связной речи и творческое отношение к языку, выражающееся в отборе языковых средств для оформления собственных мыслей на иностранном языке.

В целях когнитивного и эмоционального развития учащихся все более привлекается художественный текст как творение мастеров слова. Полагаем, что именно этот путь – обращение к произведениям искусства – даёт потенциал для творческой самореализации личности, мотивированный эстетико-образным планом русского языка, его воплощённой в произведении эстетической функцией. «...Эстетический путь познания страны далеко не прост и эффективен не на любом этапе обучения и не в любой форме учебной деятельности. Тем важнее его изучить и оценить по достоинству», – утверждают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, авторы методического пособия, не теряющего своей актуальности и сегодня³. Результатом формирования культуры чтения художественных текстов является умение читать как творческая составляющая самореализации языковой личности.

Особенно важно обращать внимание на когнитивное развитие изучающих русский язык как иностранный в дошкольном и младшем школьном возрасте. Доказано, что творческая самореализация при овладении новым языком в данном возрасте связана, главным образом, с речетворчеством. В психолингвистических исследованиях доказано, что ребенок, овладевая родным языком, творит свою речь, а не имитирует взрослых [5; 15]. Речь –

это творческая функция человеческой психики, поскольку «из ограниченного числа речевых звуков человек может образовать громадное число слов, из слов может быть составлено бесконечное число предложений, а из предложений могут быть сформированы тексты (речь) также в бесконечном разнообразии» [3, с. 321].

Речетворчество обеспечивается когнитивной сферой, выступающей также и в качестве значимого показателя развития ребенка. Когнитивная сфера включает все процессы и способности, на которых базируется как речевая, так и учебная деятельность. В результате проведенного анализа психолингвистических данных выделено четыре критерия, определяющие успешность развития когнитивной сферы детей и отражающие их интеллектуальное и речевое развитие при овладении русским языком как иностранным (фонологическая способность, оперативная память, слуховое и зрительное внимание, вероятностное прогнозирование) [5; 14]. При этом в качестве ключевого критерия обосновано становление фонологической способности ребенка, впервые предложена диагностика этой способности, включая показатели и уровни ее развития [6].

Следует подчеркнуть, что когнитивное развитие детей происходит тогда, когда они овладевают русским языком как иностранным не на основе имитации (подражания), а когда у них формируются способности, обеспечивающие творчество в языке:

– иноязычная языковая способность – способность использовать знаки языка как орудия речевой деятельности;

– иноязычная речевая способность – способность формировать и формулировать свои мысли на ином языке (при говорении и

³ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1983. – С. 234.

письме) и понимать таковые при аудировании и чтении [6].

Именно эти способности позволяют школьникам выстраивать свою речь примерно так же, как они это делают на родном языке, а не повторять за учителем или репродуцировать заученные тексты. Для того чтобы сформировать у детей такие способности, необходимо прежде всего учитывать психолингвистические закономерности, которые являются универсальными для усвоения любого языка⁴.

К таким закономерностям, которые до сих пор не принимались во внимание методикой обучения РКИ в начальной школе, относятся, например, следующие: центральным процессом овладения речью и ее главной закономерностью является не имитация, а генерализация, когда дети неосознанно выводят для себя правила построения речи; овладение словом и его формами в онтогенезе – это не пассивный процесс, ребенок действует со словом и производит с ним операции и др.⁵ Интерпретация психолингвистических закономерностей применительно к начальному иноязычному образованию позволила нам сформулировать совокупность методических закономерностей овладения новым языком в младшем школьном возрасте⁶, а именно:

– имитация не является основой процесса овладения младшими школьниками иным языком, у нее вспомогательная роль – способствовать овладению языком;

– условия для генерализации как центрального процесса овладения речью в онтогенезе должны создаваться в образовательном процессе

– речепорождения на ином языке;

– в условиях глобального восприятия иноязычной речи, не позволяющих самостоятельно осуществлять ученику развитие представлений о ситуации и ее речевом выражении в целях общения от глобального к конкретному, основная нагрузка приходится на память (и в основном механическую), которая позволяет запоминать целые фразы и воспроизводить их, но не строить самостоятельно;

– иноязычное слово станет частью всех психических процессов младшего школьника (а не только его памяти), если упражнения выстроены таким образом, что он учится пользоваться словом как орудием речевой деятельности, а не подставляет слова в готовые высказывания;

– фонологическое знание, т. е. то, что дети знают о звуках языка, определяет скорость, с которой они обучаются чтению и др.

Особую роль в создании условий для творческой самореализации младших школьников мы отводим пропедевтическому (подготовительному) этапу, который обеспечивает равные стартовые возможности для всех детей, изучающих РКИ, и особенностями которого являются:

– организация курса устного иноязычного общения, нацеленного на взаимосвязанное формирование умений говорения и аудирования на основе развития способности к фонологическому осознанию иноязычной речи;

– проблемный и творческий характер овладения средствами иноязычного общения;

– рефлексивно-оценочный характер овладения русским языком и наблюдения за проявлениями русской культуры в сравнении с фактами родной культуры.

⁴ Шахнарович А. М. К проблеме онтогенеза грамматики // Речевое и психологическое развитие дошкольников. – М.: Наука, 1998. – С. 29–36.

⁵ Birdsong D. Interpreting age effects in second language acquisition // Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic

Approaches / Eds. J. F. Kroll and A. M. B. De Groot. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 608 p.

⁶ Никитенко З. Н. Методическая система овладения иностранным языком на начальной ступени школьного образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. – М., 2015. – 54 с.

Для формирования у детей способностей, необходимых для творческого овладения РКИ как средством общения и познания, а следовательно, и для их творческой самореализации, создана развивающая технология, которая экспериментально апробирована в начальной школе РФ [6]. Такая технология учитывает психофизиологические возможности современных младших школьников и обеспечивает: овладение ими языковыми средствами в условиях игровой деятельности (приемы проблемной ситуации, коммуникативно оправданных речевых и неречевых действий и др.); игровую мотивацию устно-речевых, неречевых и учебных действий учащихся; овладение техникой иноязычного чтения и письма на основе сформированного коммуникативного ядра устной речи и на основе фонологической способности, обеспечивающей орфографическую зоркость учащихся и их хороший почерк; овладение речевой деятельностью посредством общения; обретение личностных качеств и ценностей (демонстрация ценности факта русской культуры для самих носителей языка; сопоставление этого факта с родной культурой и культурным опытом ученика, действия с новой культурной информацией и др.); формирование рефлексивной самооценки (приемы сравнения своих успехов на основе шкалы самооценки, стимулирования коммуникативной задачи и др.) [1; 14].

Особую проблему, на наш взгляд, составляет разработка технологии преподавания русского языка двуязычным детям наших со-

отечественников за рубежом. Проблема состоит в том, что русский язык не является для них:

– иностранным, т. к. семейное общение происходит на родном языке;

– в полной мере и родным языком, т. к. их социализация осуществляется на языке страны проживания, и он становится доминирующим.

В данном социокультурном контексте исследователи определяют русский язык как семейный язык⁷. Это означает, что технология преподавания русского языка как семейного должна быть иной, чем технология обучения РКИ и технология обучения родному языку. Кроме того, такой социокультурный контекст создает благоприятные возможности для творческой самореализации детей, и в первую очередь, за счет развития их когнитивной сферы и за счет включения образовательного процесса в реальный диалог культур: русской культуры и культуры страны проживания [7].

Для изучения русского языка детьми наших соотечественников создан большой корпус обучающих ресурсов. Одной из форм работы в условиях билингвизма может стать дистанционный интерактивный диктант⁸, позволяющий преодолеть пространство и время. Для раскрытия творческого потенциала каждого ученика мы предлагаем использовать в многоязычной среде его разновидность – интерактивный диктант с продолжением – ценный прием работы, связанный с трансформацией исходного текста. Диктант с продолжением⁹ предполагает, что после записи основного текста школьники продолжают его в

⁷ Бердичевский А. Л., Никитенко З. Н., Хамраева Е. А. Как преподавать русский язык двуязычным детям: методическое пособие для учителей. – М.: Русский мир, 2015. – 239 с.

⁸ Булохов В. Я. Сто разновидностей диктанта. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1994. – 74 с. – С. 6–8.

⁹ Янченко В. Д. Диктант с продолжением в обучении РКИ // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). – МАПРЯЛ СПб., 2015. – С. 1168–1172.

направлении, указанном преподавателем: формулируют выводы, дают оценку событиям и героям, описанным в основном тексте, продолжают развитие сюжета и т. п. В то же время этот вид работы позволяет ученику, для которого русский язык не является родным, успешно формировать навыки правописания. Интерактивный диктант с продолжением развивает такую значимую когнитивную способность, как вероятностное прогнозирование. Эта способность позволяет двуязычным учащимся в ходе выполнения письменной работы по русскому языку подняться от элементарного репродуктивного (первого) уровня к частично поисковому (второму) уровню и в некоторых случаях – обеспечивает восхождение к высшему (третьему) творческому уровню. Интерактивный диктант с продолжением способствует творческой самореализации учащихся в процессе изучения русского языка как иностранного.

Справедливость утверждения мысли о том, что речетворчество обеспечивается когнитивной сферой, подтверждается яркими примерами из истории лингвистической науки. Опыт отечественного языкового образования XIX–XX вв. демонстрирует огромный потенциал билингвального обучения для создания когнитивной основы творческой самореализации личности.

В этой связи заслуживают внимания слова В. Гумбольдта о том, что «язык описывает вокруг человека как бы волшебный круг, выйти из которого можно только вступив в другой круг, т. е. изучив другой язык. А переход на другой язык приводит и к изменению мировоззрения: изучение иностранного языка

можно было бы поэтому уподобить приобретению новой точки зрения в прежнем миропонимании»¹⁰.

Интерес к языкам пробуждается в раннем возрасте и усиливается эмоциональным компонентом. В детстве развивается внимание к звучащему новому слову, подкрепленное визуальной наглядностью. О значимой роли многоязычия в детстве для становления когнитивной сферы личности и ее самореализации свидетельствуют жизнеописания славянских просветителей Кирилла и Мефодия, биографии филологов А. Х. Востокова, В. И. Даля, И. И. Срезневского, И. А. Бодуэна де Куртене, Е. Д. Поливанова, Д. Э. Розенталя и многих других.

Приведем примеры успешной творческой самореализации многоязычной личности. Особого внимания заслуживает деятельность В. И. Даля (1801–1872), составителя «Толкового словаря живого великорусского языка». Неоценимую роль в его многоязычии и в развитии глубокого интереса к языкам сыграли родители: мать ученого свободно владела пятью иностранными языками, полилингвом был и его отец – датчанин по происхождению. Для языковеда И. А. Бодуэна де Куртене (1845–1929) и для филолога Д. Э. Розенталя (1900–1994) родным был польский язык, но изучение русского языка позволило им стать первоклассными учеными в области русского языка, известными в России и за ее пределами. Изучение русского языка позволило добиться успехов эстонскому переводчику П. А. Аристе (1905–1990): он стал известен как знаток около 40 иностранных языков, и каждый новый язык этот полиглот изучал на коммуникативной основе.

¹⁰ Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х частях. – Ч. 1. – М.: Просвещение, 1964. – С. 70.

Заключение

Проведенные авторами статьи исследования и приведенный выше исторический экскурс в культуру билингвизма подтверждают следующие положения:

– русский язык как феномен культуры открывает ребенку-билингву/полилингву новые горизонты для его творческой самореализации, создает привлекательную и перспективную альтернативу;

– для достижения цели успешного овладения русским языком как иностранным и как феноменом культуры необходим синтез когнитивной и креативной деятельности учащихся.

В качестве результатов предпринятого исследования отметим следующие выявленные условия творческой самореализации учащихся в процессе изучения РКИ: усиление когнитивной составляющей в восприятии учебного материала и её отражения в собственном речепроизводстве; учёт психолингвистических закономерностей овладения новым языком; обеспечение пропедевтического этапа в овладении русским языком младшими школьниками путём взаимосвязанного формирования говорения и аудирования; использование развивающих технологий, базирующихся на психологическом, психолингвистическом и психофизиологическом фундаменте; демонстрация ценностных объектов (фактов) русской культуры для её носителей и сопоставление с родной культурой и культурным опытом

ученика; творческие упражнения в устной и письменной речи; продуцирование собственных текстов; рефлексивная самооценка в проявлениях лингвокреативности.

Таким образом, процесс изучения русского языка как иностранного рассматривается нами в динамике от формы к смыслу языковых явлений и речевому творчеству учащихся, проявляющемуся в создании собственных высказываний и текстов. Через речь продуцируются запросы, потребности, способности учащихся в самостоятельной деятельности. Важным моментом самореализации личности является отношение к ценностям культуры изучаемого русского языка, вырабатываемое в сопоставлении с родной культурой. Культурообразующие компоненты творческой речевой деятельности учащихся могут быть различными, как и пути к её осуществлению. Начало изучения РКИ и соответственно творческой самореализации относится к младшим классам, где результативность учебного процесса обеспечивается развивающими технологиями (играми, устно-речевыми действиями в ситуациях общения, рефлексивной самооценкой и др.). Исторический экскурс подтверждает обоснованность методического взгляда на изучение РКИ как источника для развития творческих способностей учащихся, их самореализации, лингвокреативности личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Безруких М. М.** Трудности обучения в начальной школе: причины, диагностика, комплексная помощь. – М.: BOOKSCRIPTOR, 2016. – 524 с.
2. **Дейкина А. Д.** Формирование языковой личности с ценностным взглядом на русский язык: методологические проблемы преподавания русского языка. – Оренбург: Агентство Пресса, 2009. – 308 с.
3. **Жинкин Н. И.** Язык-речь-творчество. – М.: Лабиринт, 1998. – 368 с.

4. **Леонтьев А. А.** Что такое деятельностный подход в образовании? // Начальная школа: плюс-минус. – 2001. – № 1. – С. 3–6.
5. **Негневицкая Е. И., Шахнарович А. М.** Язык и дети. – М.: Наука, 1981. – 111 с.
6. **Никитенко З. Н.** Технология как инструмент реализации методической системы развивающего иноязычного образования в начальной школе: монография. – М.: Прометей, 2012. – 206 с.
7. **Никитенко Е. А.** О специфике обучения двуязычных детей русскому языку как семейному в странах Европы (на примере Греции) // Наука и школа. – 2016. – № 4. – С. 160–162.
8. **Потебня А. А.** Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 622 с.
9. **Waters A.** Cognitive architecture and the learning of language knowledge // System. – 2015. – Vol. 53. – P. 141–147. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.system.2015.07.004>
10. **Jeffrey B., Troman G.** Managing creative teaching and performative practices // Thinking Skills and Creativity. – 2013. – Vol. 9. – P. 24–34. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.tsc.2013.01.003>
11. **Elder C., McNamara T., Kim H., Pill J., Sato T.** Interrogating the construct of communicative competence in language assessment contexts: What the non-language specialist can tell us // Language & Communication. 2017. – In Press. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langcom.2016.12.005>
12. **Као Ч.-У.** The effects of stimulus words' positions and properties on response words and creativity performance in the tasks of analogical sentence completion // Learning and individual differences. – 2016. – Vol. 50. – P. 114–121. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.lindif.2016.07.015>
13. **Lasala C. B.** Communicative Competence of Secondary Senior Students: Language Instructional Pocket // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 134. – P. 226–237. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.243>
14. **Booth J., Burman D., Meyer J. et al.** Development of brain mechanisms for processing orthographic and phonologic representations // Cognitive Neuroscience. – 2004. – Vol. 16, № 7. – P. 1234–1249.
15. **Ferguson Ch., Slobin D.** Studies of child language development. – N.Y.: Holt, 1973. – 280 p.
16. **Henry A., Apelgren B. M.** Young learners and multilingualism: A study of learner attitudes before and after the introduction of a second foreign language to the curriculum // System. – 2008. – № 36 (4). – P. 607–623. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.system.2008.03.004>
17. **Poolsawad K., Kanjanawasee S., Wudthayagorn J.** Development of an English Communicative Competence Diagnostic Approach // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 191. – P. 759–763. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.04.462>
18. **Srinivasan M., Al-Mughairy S., Foushee R., Barner D.** Learning language from within: Children use semantic generalizations to infer word meanings // Cognition. – 2017. – Vol. 159. – P. 11–24. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.cognition.2016.10.019>
19. **Nikolov M., Djigunović J. M.** Recent research on age, second language acquisition, and early foreign language learning // Annual review of applied linguistics. – 2006. – № 26. – P. 234–260. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0267190506000122>
20. **Taylor R.** The multimodal texture of engagement: Prosodic language, gaze and posture in engaged, creative classroom interaction // Thinking Skills and Creativity. – 2016. – Vol. 20. – P. 83–96. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.tsc.2016.04.001>

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.01)

Zinaida Nikolaevna Nikitenko, Doctor of Pedagogical Sciences, The Russian Federation government prize laureate in Education, Senior Researcher, Professor of the Foreign language Teaching Department, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogic State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: zinaida-nikitenko@yandex.ru

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-7923-9062>

Vladislav Dmitrievich Yanchenko, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Russian language Teaching Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogic State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: v.d.yanchenko@gmail.com

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4626-5488>

Ekaterina Andreevna Nikitenko, Senior Lecturer of the English Language Department for Economic and Mathematical Disciplines, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.

E-mail: nikitenko23@yahoo.com

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-0176-1162>

Alevtina Dmitrievna Deykina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Russian language Teaching Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogic State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: adeykina@list.ru

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-3691-4675>

PUPILS' CREATIVE SELF-REALIZATION

IN THE PROCESS OF LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract

Introduction. *The article raises the problem of creative self-realization of students in mastering Russian as a foreign language. The aim is to elicit the conditions for creative self-realization, including speech creation, as well as to prove the statement that the formation of communicative competence of the individual should go hand in hand with the development of his/her creative and cognitive potential, in order to provide the axiological component of the Russian language as a culture-forming educational discipline.*

Materials and Methods. *In order to solve this problem the authors use the methodology of the activity approach, according to which personal development takes place in activities, which are of developing character and are developing themselves. In this regard, the authors stress the methodological importance of creative speech exercises in writing and speaking, contributing to the development of pupils' coherent speech and creative attitude to language. Special attention is paid to the conditions for creative self-realization of young learners taking into account the peculiarities of mastering Russian in the primary school.*

Results. *At the early school age self-realization correlates with speech creativity, which is determined by the cognitive sphere. The latter develops when children master the language not on the basis on imitation, but via development of language and speech abilities. These abilities allow pupils to "create" their speech nearly the same as they do in their native language without repeating phrases after the teacher or reproducing memorized texts.*

In order to develop these abilities in children, a teacher must first take into account psycholinguistic laws, which are interpreted in the article as a set of methodical regularities of learning a new language in primary school age. A special role in providing conditions for creative self-realization of young learners is given to the introductory oral communication period, which aims at fostering equal opportunities for all children. The article identifies the distinguished features of this period. The organization of the Russian language oral communication period focuses on the interconnected development of speaking and listening skills through the development of phonological ability; the process of acquiring language devices and techniques has problem-based and creative character; reflexive-evaluative language acquisition and as well as reflexive observation of manifestations of Russian culture in comparison with the facts of the native culture. In order to develop pupils' creative skills of learning language as a means of communication, it is important to use experimentally proved technology which ensures acquisition of language devices in the context of game activities along with game motivation of oral communication and non-verbal and educational actions of young learners. The technology also ensures the mastery of foreign language reading and writing based on communicative core and phonological abilities which contribute to spelling competence of pupils and the development of good handwriting; acquisition of communicative competence through communication; the acquisition of personal qualities and values; the formation of reflexive self-evaluation skills. The article also discusses the new status of the Russian language as a heritage language for the bilingual children of our compatriots abroad. The authors reinforce their view by historical insight into the culture of bilingualism. The result of the undertaken research is a complex of identified conditions, contributing to the realization of students' creative independence

Conclusions. *The conclusion of the article stresses the significance of the conceptual approach established by the authors for developing students' abilities favorable for their creative independence in the process of learning Russian as a foreign language.*

Keywords

Russian as foreign language; self-realization; cognitive development; communication; speech creativity; foreign language ability; regularities; developing technology; Russian as heritage language; bilingual children.

REFERENCES

1. Bezrukikh M. M. *Learning difficulties in elementary school: causes, diagnosis, comprehensive support.* Moscow, BOOKSCRIPTOR Publ., 2016, 524 p. (In Russian)
2. Deykina A. D. *Formation of the language personality with a valuable perspective on the Russian language: methodological problems of teaching Russian.* Orenburg, Agenstvo Pressa Publ., 2009, 308 p. (In Russian)
3. Zhinkin N. I. *Language – speech-creativity.* Moscow, Labirint Publ., 1998, 368 p. (In Russian)
4. Leont'ev A. A. What is the activity approach in education? *Primary School: plus-minus.* 2001, no. 1, pp. 3–6. (In Russian).
5. Negnevitskaya E. I., Shakhnarovitch A. M. *Language and children.* Moscow, Science Publ., 1981, 111 p. (In Russian)

6. Nikitenko Z. N. *Technology as a tool of realization of methodical system of developing foreign language education in elementary school*. Monograph. Moscow, Prometheus Publ., 2012, 206 p. (In Russian)
7. Nikitenko E. A. On the specifics of teaching Russian as a family language to bilingual children in Europe (Greece). *Science and School*. 2016, no. 4, pp. 160–162. (In Russian)
8. Potebnya A. A. *The word and the myth*. Moscow, Pravda Publ., 1989, 622 p. (In Russian)
9. Waters A. Cognitive architecture and the learning of language knowledge. *System*. 2015, vol. 53, pp. 141–147. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.system.2015.07.004>
10. Jeffrey B., Troman G. Managing creative teaching and performative practices. *Thinking Skills and Creativity*. 2013, vol. 9, pp. 24–34. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.tsc.2013.01.003>
11. Elder C., McNamara T., Kim H., Pill J., Sato T. Interrogating the construct of communicative competence in language assessment contexts: What the non-language specialist can tell us. *Language & Communication*. 2017. In Press. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langcom.2016.12.005>
12. Kao Ch.-Y. The effects of stimulus words' positions and properties on response words and creativity performance in the tasks of analogical sentence completion. *Learning and individual differences*. 2016, vol. 50, pp. 114–121. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.lindif.2016.07.015>
13. Lasala C. B. Communicative Competence of Secondary Senior Students: Language Instructional Pocket. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014, vol. 134, pp. 226–237. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.04.243>
14. Booth J., Burman D., Meyer J. et al. Development of brain mechanisms for processing orthographic and phonologic representations. *Cognitive Neuroscience*. 2004, vol. 16, no. 7, pp. 1234–1249.
15. Ferguson Ch., Slobin D. *Studies of child language development*. N.Y., Holt Publ., 1973, 280 p.
16. Henry A., Apelgren B. M. Young learners and multilingualism: A study of learner attitudes before and after the introduction of a second foreign language to the curriculum. *System*. 2008, no. 36 (4), pp. 607–623. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.system.2008.03.004>
17. Poolsawad K., Kanjanawasee S., Wudthayagorn J. Development of an English Communicative Competence Diagnostic Approach. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015, vol. 191, pp. 759–763. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.04.462>
18. Srinivasan M., Al-Mughairy S., Foushee R., Barner D. Learning language from within: Children use semantic generalizations to infer word meanings. *Cognition*. 2017, vol. 159, pp. 11–24. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.cognition.2016.10.019>
19. Nikolov M., Djigunović J. M. Recent research on age, second language acquisition, and early foreign language learning. *Annual review of applied linguistics*. 2006, no. 26, pp. 234–260. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0267190506000122>
20. Taylor R. The multimodal texture of engagement: Prosodic language, gaze and posture in engaged, creative classroom interaction. *Thinking Skills and Creativity*. 2016, vol. 20, pp. 83–96. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.tsc.2016.04.001>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© И. А. Ишутина, И. В. Салосина

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.02)

УДК 378 + 378.14.015.62

ИГРОВЫЕ МЕТОДЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ЛИНГВИСТОВ В УСЛОВИЯХ ВУЗА КНР

И. А. Ишутина (Шаосин, КНР), И. В. Салосина (Томск, Россия)

Проблема и цель. Статья посвящена решению проблемы методологического обоснования использования системы игровых методов в профессиональной подготовке будущих лингвистов в условиях вуза КНР. Данная область не изучена педагогической наукой, поскольку связана с современными процессами модернизации системы высшего образования Китая, а также расширением сфер взаимодействия и сотрудничества, в том числе и в образовательной сфере, между КНР и Россией, произошедшим в последние годы. В статье представлен обзор современных исследований в области применения игровых технологий в высшей школе. Цель статьи – теоретически обосновать, разработать и реализовать систему игровых методов для повышения эффективности профессиональной подготовки лингвистов в вузах КНР.

Методология. Исследование основано на современных идеях активизации обучения в высшей школе, представленных в трудах Е. А. Аллен, А. А. Вербицкого, в рамках концепции игрового моделирования в вузе А. Fejes, К. Johansson, А. П. Панфиловой. Работа связана с пониманием интерактивного подхода к обучению (В. J. В. Ormel, N. N. Pareja Roblin, S. E. McKenzie, П. И. Пидкасистый), а также базируется на положениях теории и методики преподавания русского языка как иностранного М. Н. Вятютнева, Т. В. Васильевой, Г. М. Лёвиной и др.

Методы исследования включают анкетирование преподавателей и студентов, анализ научной литературы, анализ результатов обучения.

Результаты. Во-первых, в статье исследуются особенности и выявляется содержание и структура ролевых и деловых игр применительно к практике лингвистического образования в китайском университете. Во-вторых, приводится анализ опытно-экспериментальной работы по внедрению системы игровых методов в Чжэцзянском институте иностранных языков. В-третьих, формируются рекомендации для преподавателей русского языка как иностранного, работающих в условиях отсутствия аутентичной языковой среды, в вузах КНР. Подчеркивается необходимость учета особенностей педагогической системы, в контексте которой осуществляется реализация предложенных методов.

Заключение. Авторами обосновывается эффективность использования ролевых и деловых игр в профессиональной подготовке лингвистов, несмотря на то, что в лингвистических

Ишутина Ирина Анатольевна – старший преподаватель, Чжэцзянский институт иностранных языков, Китайская Народная Республика, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

E-mail: ishutinai@mail.ru

Салосина Ирина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

E-mail: salosinaiv@tpu.ru

китайских университетах, как правило, доминируют традиционные методы обучения: упражнения и лекции. Авторами отмечается, что при этом необходимо учитывать следующие факторы: особенности педагогической системы КНР, степень мотивации и готовности педагогического коллектива университета и студентов к использованию новых методов обучения.

Ключевые слова: игровое моделирование; активно-игровое обучение; ролевая игра; деловая игра; иноязычная коммуникативная компетенция; интерактивные методы; китайские студенты.

Постановка проблемы

Образование является индикатором экономических и политических процессов, происходящих как в отдельно взятой стране, так и во всём мире в целом. Поэтому современные интеграционные процессы между Россией и Китаем обуславливают востребованность профессиональной подготовки высококвалифицированных специалистов-переводчиков как с российской, так и с китайской стороны. Китай переживает «всплеск интереса к изучению русского языка»¹. В связи с этим особую актуальность приобретает разработка и внедрение эффективных практик преподавания русского языка. Это особенно важно в ситуации отсутствия аутентичной языковой среды. Необходимо отметить, что эту проблему решают в контексте лингвистического профессионального образования КНР, в частности благодаря интеграции в традиционную китайскую систему образования сформированного европейского (в том числе и российского) педагогического опыта преподавания иностранных языков. В процессе модернизации образования КНР в последние десятилетия рассматриваются передовые зарубежные педагогические идеи, совершенствуются технологии педагогической деятельности, уделяется большое внимание применению эффективных методов и средств обучения.

Современная подготовка студента языкового вуза КНР ориентируется на государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования, программы конкретного вуза, социальный заказ общества, потребности и интересы обучающихся. Конкуренция на рынке интеллектуального труда в КНР ставит перед вузами проблему удовлетворения спроса на специалистов определенных направлений, всесторонне развитых, активно владеющих иностранными языками, способных действовать самостоятельно в разных условиях.

Качество образования связывается в первую очередь с оценками компетентности, и значительную роль играет внедрение высокоэффективных образовательных технологий, призванных формировать знания, умения и навыки владения. Особое значение имеет коммуникативный компонент как часть профессиональной подготовки.

Опыт преподавания русского как иностранного на факультете русского языка в Шеньянском политехническом университете (Шеньян) и Чжэцзянском институте иностранных языков Юэсю (Шаосин) позволил выявить проблемы и противоречия. Одни связаны с высокими требованиями работодателей к уровню сформированности навыков профес-

¹ Кожевникова Е. В. Специфика образовательной системы и преподавания русского языка в КНР // Китайские, вьетнамские, монгольские образовательные мигранты в академической среде: коллективная

монография / под науч. ред. Е. Ю. Кошелевой. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – С. 232.

сионального общения у выпускников языковых вузов и с недостаточным количеством учебных часов в программах вузов, отведенных на формирование коммуникативной компетенции обучающихся. Другие – с потребностями студентов в эффективном обучении русскому языку в целях профессиональной коммуникации и преобладанием традиционных методов обучения (преимущественно лекционных), применяемых китайскими преподавателями в образовательном процессе. Задачи по формированию коммуникативной компетенции делегируются приглашенным преподавателям, носителям языка.

Ведущей целью профессиональной подготовки лингвиста-переводчика является формирование иноязычной коммуникативной компетенции. В контексте преподавания русского языка как иностранного в составе иноязычной коммуникативной компетенции, по мнению представителей московской лингводидактической школы, выделяют «следующие составляющие: языковая, предметная, дискурсивная, прагматическая, социокультурная» компетенции [1, с. 20]. Эти компоненты выявляются посредством разработанной в России государственной системы тестирования на уровень языка – ТРКИ. Наибольшее количество трудностей у студентов Юго-Восточной Азии в целом, в том числе и КНР, вызывают продуктивные виды речевой деятельности: говорение и письмо. Это обусловлено не только кардинальными отличиями китайского и русского языков, но и особенностями ментальных представлений народов и национальными традициями, закрепленными в культуре. Н. М. Божко считает, что «основной чертой национального характера китайцев была и

остаётся традиция»². Е. Yu. Kosheleva, I. Ya. Pak, E. Chernobylsky выделяют два основных компонента китайской модели образования: конфуцианские представления об обществе и методика тренировки, основанная на запоминании больших объемов информации [2]. Поэтому внедрение в устоявшуюся педагогическую систему китайских вузов «европейских заимствований» в виде новых методов и технологий обучения не всегда воспринимается позитивно. Для вузов КНР являются педагогической новацией широко применяемые в мировой практике обучения иностранным языкам коммуникативные технологии обучения, обучение через общение.

Проблема эффективного освоения русского языка китайскими студентами усугубляется ещё и тем, что изучаемый язык в отсутствии аутентичной языковой среды является искусственным средством общения. В связи с этим для повышения коммуникативных навыков и умений студентов нами внедряются технологии активизации речевой деятельности. В частности, технология интерактивного обучения иностранным языкам – усвоение обозначенных в программе знаний, умений, навыков в процессе живого иноязычного общения, а также обучение во взаимодействии [3]. По мнению И. В. Бимурзиной, интерактивность в процессе изучения иностранного языка понимается «как речевое взаимодействие двух или более людей в процессе общения», а «целью обучения при этом становится овладение иностранным языком как средством общения» [4, с. 39].

А. П. Панфилова относит к интерактивным технологиям игры, которые основаны на

² Божко Н. М. Национальная культурная специфика обучения студентов из Китая и обучение русскому языку // Китайские, вьетнамские, монгольские образовательные мигранты в академической среде:

коллективная монография / под науч. ред. Е. Ю. Коселевой. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – С. 113.

групповом и межличностном взаимодействии³. Спецификой реализации игры в учебном процессе является то, что в ходе этой игры обучающиеся осваивают элемент профессиональной деятельности, приобретают профессиональный опыт. По сравнению с традиционными технологиями в таком обучении происходит изменение роли преподавателя, он становится модератором и фасилитатором. Это требует развития особых личностных и профессиональных качеств, таких как: быстрота реакции на изменения, происходящие на игровом поле, гибкость в принятии решений, высокий уровень коммуникативных способностей.

По мнению многих исследователей, игровые методы обучения являются частью методов активизации обучения в высшей школе, их продолжением и развитием, следовательно, их можно рассматривать в общей системе интерактивных методов обучения [5–7]. Большинство игр, используемых в учебном процессе, относятся к интерактивным, т. к. решения принимаются участниками сообща (индивидуально, в малых группах, в межгрупповой дискуссии).

Цель статьи: теоретически обосновать, разработать и реализовать систему игровых методов для повышения эффективности профессиональной подготовки лингвистов в вузах КНР.

Методология

Анализ зарубежных источников доказывает актуальность заявленной тематики. Так, возможности межкультурного диалога в сфере высшего образования анализируют E. Lehtomäki, J. Moate и H. Posti-Ahokas [8]. Аспекты взаимодействия академических

культур в контексте интернационализации образования исследуются в работах G. Skyrme и A. Mc Gee [9]. Интерес многих ученых сконцентрирован на обучении студентов из Китая, поскольку, во-первых, их количество в зарубежных вузах возрастает, во-вторых, существуют различия подходов к обучению в европейской и китайской традициях образования. Авторы отмечают, что содержательные и технологические различия принимающей и направляющей педагогической системы могут отрицательно влиять на степень удовлетворенности результатами обучения. M. Cheng, O. Adebun Adekola, M. Shah, M. Valyrakis сравнивают опыт шотландских и австралийских университетов по внедрению межкультурного компонента в учебные программы [10]. M. Gram, K. Jæger, Liu. Junyang, Li Qing, Xiangying Wu исследуют проблемы использования традиционных для европейской системы образования методов проблемного обучения в профессиональной подготовке китайских студентов, указывая на несомненные трудности обучающихся при восприятии «инового» стиля педагогического взаимодействия [11]. C. Simpson отмечает, что использование активных методов может вносить дискомфорт в процесс обучения китайских студентов [12].

Игровые методы активно используются в практике преподавания иностранных языков во многих странах мира. Особенности структуры, содержания и аспектов применения описаны в англоязычной научной литературе (A. Blatner, M. Gredler, G. Muir, M. Sutcliffe и др.). D. Rao и I. Stupans считают, что применение ролевых игр в профессиональном образовании формируют три модуля результатов

³ Панфилова А. П. Игровая образовательная деятельность как условие развития навыков сотрудничества [Электронный ресурс] // Интерактивная наука. –

2016. – № 6. – URL: https://interactive-science.media/article/112586/discussion_platform (дата обращения: 11.01.2017)

обучения: когнитивный (знания), эмоциональный (отношения) и психомоторный (навыки деятельности) [14]. Когнитивный компонент изучен в работах J. Lundy [15].

P. Wouters, E. D. Van Der Spek, H. Van Oostendorp разработали авторскую трехступенчатую методику измерения эффективности применения игровых методов в высшей школе, позволяющую выявлять, в том числе и объем приобретенных учащимися знаний [16]. Отдельные англоязычные исследования посвящены анализу результативности использования игровых технологий при профессиональной подготовке специалистов отдельных направлений. В частности, P. Ayling считает игру неотъемлемой частью обучения будущих социальных работников, поскольку она позволяет воспроизводить конкретные ситуации общения [17]. По мнению D. Osborn и L. Costas, игровые методы эффективны при развитии навыков консультирования [18]. R. Stevens рассматривает ролевую игру в качестве стратегии обучения в рамках преподавания истории, он особо отмечает значимость подготовительного этапа игры, а также проведение постигровой рефлексии с анкетированием студентов [19]. A. Fejes, K. Johansson, M. Dahlgren определяют содержание и функции дискуссионных форм проведения семинара в вузе [20].

Понятие «игровые педагогические технологии» включает обширную группу методов и приемов организации педагогического процесса, классифицируемых учеными по различным признакам [6–7; 22]. В основу нашего исследования положена классификация А. П. Панфиловой, которая выделяет два базовых классификационных признака: «принятие ре-

шений в нестандартных, нереальных ситуациях» и «адаптация к реальной профессиональной среде»⁴.

Для китайских университетов применение игры в учебной деятельности является новаторством, которое внедряют, в основном, приглашенные преподаватели, носители языка. Однако психолого-педагогические и содержательные аспекты применения этих технологий в условиях вуза КНР еще не изучены. Также как не изучены особенности восприятия применения игровых технологий студентами. Это определяет новизну нашего исследования.

Результаты исследования

Нами была разработана и внедрена в учебный процесс система игровых методов, выполняющая обучающую, стимулирующую и контролирующую функции на разных этапах обучения русскому языку будущих лингвистов-переводчиков. Система стала результатом опытно-экспериментальной работы периода с 2013 г. по 2016 г., которая была направлена на повышение эффективности профессиональной подготовки студентов факультета русского языка Чжэцзянского института иностранных языков Юэсю (КНР, Шаосин).

В процессе внедрения в практику преподавания русского как иностранного было установлено, что целесообразно начинать использовать игровые методы с младших курсов (второй семестр первого курса), когда в рамках учебной программы начинают формироваться компетенции, необходимые в профессиональной деятельности. В аспекте обучения иностранным языкам, особенно в условиях отсутствия аутентичной языковой среды, именно игра является имитационным полем,

⁴ Панфилова А. П. Игровая образовательная деятельность как условие развития навыков сотрудничества [Электронный ресурс] // Интерактивная наука. –

2016. – № 6. – URL: https://interactive-science.media/article/112586/discussion_platform. (дата обращения: 11.01.2017)

восполняющим её недостаток. И если на начальном этапе профессиональной подготовки лингвистов-переводчиков используются нереальные ситуации: инсценировки сказок, песни, готовые диалоги, то продвинутый этап обучения связан с непосредственными ситуациями коммуникации в профессиональной сфере.

Стоит отметить, что, начиная изучать русский язык с элементарного уровня, китайские студенты, как правило, проявляют устойчиво высокий интерес к дисциплине. В дальнейшем, со второго курса, заинтересованность в профессиональном овладении языком нередко ослабевает. Среди очевидных причин можно отметить сложность изучаемого языка и проблемы с коммуникацией на изучаемом языке в отсутствие языковой среды, особенно преподавания и менталитета. Так, китайские преподаватели традиционно заинтересованы в максимально высоких результатах на экзаменах (семестровых, на уровень владения языком), поэтому, в первую очередь, организуют на занятиях отработку аналоговых экзаменационных тем, необходимую для успешной сдачи экзаменов. В этом случае использование игровых методов в системе, с первого курса до выпускного, позволяет добиваться диагностируемых результатов, перейти от пассивного потребления информации студентами к их активному участию в процессе обучения. Игра активизирует речевую деятельность обучающихся и снимает монотонность при формировании языковых навыков.

Как отмечают А. М. Князев, И. В. Одинцова, игровые технологии «позволяют овладевать опытом деятельности, сходным с тем, который они получили бы в действительности;

создают потенциально более высокую возможность переноса знаний и опыта деятельности из учебной ситуации в реальную» [21, с. 23].

В работе по формированию и совершенствованию коммуникативной компетенции будущих переводчиков при изучении русского языка в предлагаемых приглашенным преподавателем дисциплинах («Аудиовизуальный курс», «Практика речи», «Основной курс русского языка», «Внешнеторговые переговоры», «История русской литературы», «Туризм» и др.), наиболее эффективными являются следующие этапы организации практических занятий:

- первый – второй курсы, второй – четвертый семестры: «инсценировка», «разыгрывание ситуации в ролях», ролевые игры, работа в малых группах;
- второй – третий курсы, четвертый – шестой семестры: дискуссия, обсуждение, творческие задания;
- третий – четвертый курсы, шестой – седьмой семестры: деловая игра, конкурсы русского языка, конференции, проекты и проч.

Из всего многообразия видов игровых технологий остановимся на ролевой и деловой играх, адаптирующих учащихся к реальной окружающей среде и профессиональной деятельности, и наиболее эффективно применяемых на начальном и продвинутом этапах в практике преподавания русского как иностранного в китайском языковом вузе.

Ролевая игра воссоздаёт «деятельность людей и отношения между ними»⁵. А. П. Панфилова разграничивает ролевые игры и «разыгрывание» ситуаций в ролях, т. к. исполнителю роли участника анализируемой ситуации дается инструкция, которая детально опи-

⁵ Панфилова А. П. Игровая образовательная деятельность как условие развития навыков сотрудничества [Электронный ресурс] // Интерактивная наука. –

2016. – № 6. – URL: https://interactive-science.media/article/112586/discussion_platform. (дата обращения: 11.01.2017)

сывает ситуацию, но не препятствует исполнению роли в соответствии с собственными представлениями. Методы проигрывания ролей и ролевые игры, как правило, используются в программах по изучению сферы человеческих отношений (взаимопонимание, взаимодействие, межличностная коммуникация), следовательно, они эффективны при отработке коммуникативных навыков при изучении иностранного языка.

В курсе «Практика речи» (второй – третий семестры обучения), где материал подается по темам («Знакомство», «Семья», «У врача», «В магазине», «Портрет, характер», «Театр, кино» и др.), в учебных пособиях предлагаются речевые образцы – модели речевых действий в описанных ситуациях. После знакомства с теоретической частью каждой темы (лексическим минимумом, речевыми моделями, этикетными речевыми образцами и клише, правилами поведения в предлагаемых ситуациях) представляется уместным проведение ролевой игры, дающей возможность на практике применить полученные знания.

Необходимо разделить группу на несколько малых, каждая из которых разыгрывает свою ситуацию (предложенную пособием, преподавателем или разработанную самостоятельно). Работа в малых группах (3–5 студентов) позволяет каждому из участников представить себя в предложенной ситуации, роли (член семьи, гость, пациент, переводчик и т. п.); реально ощутить свое состояние, принять верное речевое решение, освоить или закрепить разнообразные модели речевого поведения. Именно прагматический характер игрового обучения привлекает интерес аудитории.

В правильно организованной ролевой игре возможна отработка всех базовых составляющих коммуникативной компетенции: языковой (фонетическая правильность речи, ее лексическое разнообразие, синтаксические

конструкции); дискурсивной (умение строить устные высказывания с использованием стратегий и тактик речевого поведения); прагматической (умение вступать в вербальную коммуникацию в соответствии с коммуникативными потребностями и учетом условий речевого акта); социокультурной (выбор языковых форм с учетом страноведческих и лингвокультурологических знаний); предметной. Все это важно для студентов и потому, что степень сформированности базовых составляющих коммуникативной компетенции положена в основу системы тестирования по русскому языку как иностранному – ТРКИ (субтесты «Лексика. Грамматика», «Говорение» и др.).

Суть успешной ролевой игры – в создании ситуации, приближенной насколько возможно к реальной. Зачастую студенты это интуитивно чувствуют и при подготовке к участию в ролевой игре используют предметы интерьера, подручные вещи, элементы костюмов и т. д. Как правило, ролевые игры вызывают у студентов позитивные эмоции, связанные с содержанием и качеством выполненных ролей; создается творческая, психологически комфортная обстановка. Стоит отметить, что создание игровой обстановки нетипично для китайского вуза, где традиционно преобладает лекционная подача материала для большой аудитории. В игре китайские студенты становятся более коммуникабельными, активными, эмоционально открытыми; приобретают качества, входящие в профессиональную компетентность переводчика. Ролевые игры позволяют вовлечь обучаемых в процесс научения, вызвать интерес, помогают им определить сильные и слабые стороны, создают условия для установления обратной связи по окончании игрового взаимодействия.

Результаты итогового анкетирования показывают, что студенты 1–2 курсов положительно относятся к использованию ролевых

игр, данный вид учебной деятельности является предпочтительным по сравнению с традиционной лекционной подачей материала. В анкетировании участвовало 94 студента 2-го курса (61) и 3-го курса (33) факультета русского языка Чжэцзянского института иностранных языков Юэсю. Так, на вопрос о том, какие формы работы на занятии являются, на их взгляд, наиболее эффективными, большинство студентов 2-го курса (37,7 %) назвали разыгрывание диалогов; в то время как студенты 3-го курса предпочли презентацию (36,6 %), деловую игру (21,2 %) и дискуссию (24,2 %).

На продвинутом этапе обучения русскому языку, после опыта участия студентов в ролевых играх, дискуссиях, обсуждениях, становится возможной организация и проведение деловой игры формы деятельности, имитирующей практические ситуации, с целью отработки полученных коммуникативных навыков и умений. Исследователями установлено, что в деловой игре усваивается до 90 % учебной информации, и это делает ее применение эффективным, помогая адаптироваться к реальной профессиональной среде⁶. Среди преимуществ, которые дает использование деловых игр в процессе обучения, можно отметить: повышение интереса к учебным занятиям и проблемам, которые моделируются и разыгрываются; практический опыт, дающий возможность правильно оценивать реальные ситуации, используемые в будущей профессиональной деятельности; позитивное изменение мотивации и самооценки обучаемых. Деловые игры, применяемые в учебном процессе, разнообразны и многочисленны. Каждая имеет свое название, специфику, основные характе-

ристики, принципы конструирования, педагогические цели и задачи, особенности построения, подготовки и проведения, достоинства и недостатки. Так, А. М. Князев выделяет пять модификаций деловой игры: имитационные, операционные, исполнение ролей, метод инсценировки, психодрама и социодрама [22, с. 162–163].

В преподавании курса «Внешнеторговые переговоры» на русском языке в шестом семестре (3 курс) планируется, организуется и, как правило, успешно проводится деловая игра «Деловые переговоры». Рассмотрим кратко порядок проведения этой игры.

Введение в игру: читаются лекции по программе курса, т. е. правилам проведения, организации деловых переговоров, отбирается лексический материал, ставятся цели и задачи, определяется регламент игры.

Формирование команд. В целях обучения эффективному интерактивному взаимодействию, для создания комфортной игровой среды учебная группа делится на подгруппы (по 5–6 студентов). В каждой выбираются лидеры, добровольно распределяются игровые роли («Встречающие и провожающие принимающей стороны», «Руководство принимающей компании», «Сотрудники, участвующие в переговорах», «Члены делегации», «Технические работники» и проч.).

Погружение в игру. Каждая группа получает игровые задания (подготовить презентацию компании или товара; подготовить встречу делегации, программу пребывания, проводы и т. д.; продумать и подготовить переговорный процесс с учетом ранее полученных знаний по теме; провести экскурсию; обеспечить техническое сопровождение и т. д.).

⁶ Панфилова А. П. Игровая образовательная деятельность как условие развития навыков сотрудничества [Электронный ресурс] // Интерактивная наука. –

2016. – № 6. – URL: https://interactive-science.media/article/112586/discussion_platform. (дата обращения: 11.01.2017)

Далее в каждой группе идет работа по анализу ситуации, проблемы, правилам поведения; отрабатывается взаимодействие с другими группами.

Игровой процесс. Группами последовательно проигрываются в соответствии с планом все этапы проведения встречи и переговорного процесса, которые фиксируются видеотехникой одним из участников игры (церемония встречи делегации в аэропорту, знакомство – проведение презентации и переговоров – экскурсия для членов делегации – торжественный обед – церемония обмена подарками, проводы делегации).

Анализ: просмотр видеозаписи, комментарии преподавателя (по содержанию, деятельности, коммуникации, осознанию речевых перспектив применения языкового материала и проч.) и подведение итогов.

Рефлексия: студенты делятся информацией о полученном опыте, трудностях, с которыми столкнулись в процессе игры.

При проведении подобной игры, имитирующей реальные профессиональные ситуации будущих переводчиков, у преподавателя появляются возможности обучения деловому взаимодействию на изучаемом языке, совершенствования коммуникативной компетенции в рамках изучаемой дисциплины.

«Обучение через действие» как один из эффективных способов обучения и приобретения опыта особенно точно реализуется в деловой игре. Активность в ролевых и деловых играх проявляется ярко, носит продолжительный характер. Сама ситуация игры заставляет всех участников, независимо от уровня подготовленности, проявлять себя. Однако игровое

моделирование и проведение игр требует особых компетенций преподавателя, таких как способность прогнозировать, координировать и навыки педагогической рефлексии. И, если говорить о китайском университете, особого уровня доверия со стороны студентов, создание «территории комфорта» на занятиях для раскрытия способностей каждого студента.

Заключение

Таким образом, анализ полученных результатов позволяет сделать вывод, что использование ролевых и деловых игр обеспечивает эффективность профессиональной подготовки лингвистов, несмотря на то что в лингвистических китайских университетах, как правило, доминируют традиционные методы обучения: упражнения и лекции. Необходимо внедрять игровые методы преподавания русского языка в трехэтапной системе (от инсценировки на начальном уровне обучения до деловой игры на продвинутом). Использование игровых методов обеспечивает качественное усвоение образовательных дисциплин, позволяет отработать необходимые профессиональные навыки в комфортной учебной среде, повышает интерес к изучаемому материалу, что в итоге способствует эффективному формированию и совершенствованию всех базовых составляющих коммуникативной компетенции. При этом необходимо учитывать следующие факторы: особенности педагогической системы КНР, степень мотивации и готовности педагогического коллектива университета и студентов к использованию новых методов обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Т. В., Левина Г. М., Ускова О. А. Ещё раз о коммуникативной компетенции: возвращение к истокам // Русский язык за рубежом. – 2012. – № 4. – С. 17–23.

2. **Kosheleva E. Yu, Pak I. Ya, Chernobylsky E.** Learning in culture and culture of learning: Socio-psychology of Chinese students' learning behaviours // *The Online Journal of New Horizons in Education*. – 2013. – Vol. 4. – P. 68–71.
3. **Гулакова М. В., Харченко Г. И.** Интерактивные методы обучения в вузе как педагогическая инновация // *Концепт*. – 2013. – № 11. – С. 31–35.
4. **Бимурзина И. В.** Инновационные технологии: развитие коммуникативной компетенции иностранных студентов в преподавании русского языка как иностранного // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. – 2013. – № 13 (141). – С. 39–42.
5. **Пидкасистый П. И.** Дидактическая игра как средство организации проблемного обучения в вузе // *Современная высшая школа*. – 1982. – № 1. – С. 38.
6. **Пидкасистый П. И., Ахметов Н. К., Хайдаров Ж. С.** Игра как средство активизации учебного процесса // *Советская педагогика*. – 1985. – № 3. – С. 22.
7. **Селевко Г. К.** Классификация образовательных технологий // *Сибирский педагогический журнал*. – 2005. – № 4. – С. 87–92.
8. **Lehtomäki E., Moate J., Posti-Ahokas H.** Global connectedness in higher education: student voices on the value of cross-cultural learning dialogue // *Studies In Higher Education*. – 2016. – Vol. 41, Issue 11. – P. 2011–2027. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03075079.2015.1007943>.
9. **Skyrme G., McGee A.** Pulled in many directions: tensions and complexity for academic staff responding to international students // *Teaching In Higher Education*. – 2016. – Vol. 21, Issue 7. – P. 759–772. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13562517.2016.1183614>.
10. **Cheng M., Adebun Adebola O., Shah M., Valyrakis M.** Exploring Chinese students' experience of curriculum internationalisation: a comparative study of Scotland and Australia // *Studies in Higher Education*. – 2016. – Published online. – P. 1–12. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03075079.2016.1198894>.
11. **Gram M., Jæger K., Liu J., Qing L., Wu X.** Chinese students making sense of problem-based learning and Western teaching – pitfalls and coping strategies // *Teaching In Higher Education*. – 2013. – Vol. 18, Issue 7. – P. 761–772. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13562517.2013.836096>.
12. **Simpson C.** Language, relationships and skills in mixed-nationality Active Learning classrooms // *Studies in Higher Education*. – 2015. – Issue 4. – P. 1–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03075079.2015.1049141>.
13. **Blatner A.** Enacting the new academy: Sociodrama as a powerful tool in higher education // *RE:view: Rehabilitation Education for Blindness and Visual Impairment*. – 2006. – Vol. 28 (3). – P. 30–35.
14. **Rao D., Stupans I.** Exploring the potential of role play in higher education: development of a typology and teacher guidelines // *Innovations In Education And Teaching International*. – 2012. – Vol. 49, Issue 4. – P. 427–436. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14703297.2012.728879>.
15. **Lundy J.** Cognitive learning from games: Student approaches to business games // *Studies In Higher Education*. – 1991. – Vol. 16, Issue 2. – P. 179–188. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03075079112331382964>.
16. **Wouters P., van der Spek E. D., van Oostendorp H.** Measuring learning in serious games: a case study with structural assessment // *Education Tech Research Dev*. – 2011. – Vol. 59, Issue 6. – P. 741–763. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11423-010-9183-0>.
17. **Ayling P.** [Learning through Playing in Higher Education: Promoting Play as a Skill for Social Work Students](#) // *Social Work Education*. – 2012. – Vol. 31, Issue 6. – P. 764–777. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02615479.2012.695185>.

18. **Osborn D., Costas L.** *Role-Playing in Counselor Student Development* // Journal Of Creativity In Mental Health. – 2013. – Vol. 8, Issue 1. – P. 92–103. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15401383.2013.763689>.
19. **Stevens R.** Role-play and student engagement: reflections from the classroom // Teaching In Higher Education. – 2015. – Vol. 20, Issue 5. – P. 481–492. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13562517.2015.1020778>.
20. **Fejes A., Johansson K., Dahlgren M.** Learning to play the seminar game: students' initial encounters with a basic working form in higher education // Teaching In Higher Education. – 2005. – Vol. 10, Issue 1. – P. 29–41. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1356251052000305516>.
21. **Князев А. М., Одинцова И. В.** Системные игры в воспроизводстве образовательных структур и отношений субъекта профессиональной деятельности // Мир психологии. – 2007. – № 3. – С. 197–207.
22. **Князев А. М.** Основы активно-игрового обучения. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 164 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.02)

Irina Anatolievna Ishutina, Senior Lecturer, Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Yuecheng District, Shaoxing, Zhejiang, Chinese People's Republic, post-graduate student at Department of Russian as Foreign Language, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0892-991X>

E-mail: ishutinai@mail.ru

Irina Victorovna Salosina, Candidate of Pedagogical Sciences, degree in Pedagogical Sciences, Associate professor at Department of Russian as Foreign Language, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9563-4422>

E-mail: salosinaiv@tpu.ru

METHODOLOGY OF SIMULATION AND GAMING IN PROFESSIONAL TRAINING OF LINGUISTS AT A CHINESE UNIVERSITY

Abstract

Introduction. *The objective of this research is to demonstrate the need for simulation / gaming methods in professional training of linguists at a Chinese university. This issue has not been studied in much detail because it is connected to the current modernization of Chinese higher educational system. Nowadays China and Russia are developing collaboration in different spheres, including education. The main purpose of the article is to provide a theoretical framework, develop and implement a system of game-based method for increasing educational results in the process of professional training of linguists at Chinese universities.*

Materials and Methods. *The methodology of this study is based on the ideas of active learning in the context of higher education established by E. A. Allen, A. A. Verbitcky and game theory formulated by A. Fejes, K. Johansson, and A. P. Panfilova. The authors provide a theoretical framework based on the analysis of works by M. N. Viatiutnev, T. V. Vasilieva, and G. M. Levina devoted to the theory and methods of teaching Russian as a foreign language. Our qualitative methodology included interviews with teachers and students, research literature review, and analysis of educational outcomes.*

Results. *Firstly, the authors analyze the content and structure of simulations and role plays with the main focus on linguistic training at the Chinese university. Secondly, the authors discuss the action research carried out at Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages. Finally, the authors provide recommendations for Russian as a Foreign Language teachers who work at Chinese universities without authentic language environment.*

Conclusions. *The authors prove the effectiveness of professional simulations and role plays in professional training of linguists in spite of the fact that teachers at Chinese universities prefer more traditional methods of language teaching (textbook-based exercises and lectures). However, the following factors must be taken into consideration: the peculiarities of educational system in China, and the degree of motivation and willingness of university teaching staff and students to use new teaching methods.*

Keywords

Gaming simulation; active learning through play; role-playing; simulation; foreign-language communicative competence; interactive methods; Chinese students.

REFERENCES

1. Vasilieva T. V., Lyovina G. M., Uskova O. A. Once more about communicative competence. *Russian Language Abroad*. 2012, no. 4, pp. 17–23. (In Russian)
2. Kosheleva E. Yu, Pak I. Ya., Chernobylsky E. Learning in culture and culture of learning: Socio-psychology of Chinese students' learning behaviours. *The Online Journal of New Horizons in Education*. 2013, vol. 4, pp. 68–71.
3. Gulakova M. V., Kharchenko G. I. Interactive educative methods in institutions of higher education as pedagogical innovation. *Koncept*. 2013, no. 3, pp. 31–35. (In Russian)
4. Bimurzina I. V. Innovative technologies in the development of the communicative competence of foreign students learning Russian. *TSPU Bulletin*. 2013, no. 13 (141), pp. 39–42. (In Russian)
5. Pidkasisty P. I. Didactic game as means of the organization of problem-based learning in high school. *Modern high school*. 1982, no. 1, p. 38. (In Russian)
6. Pidkasisty P. I., Ahmetov N. K., Haidarov G. S. Game as means of activation of educational process. *Soviet Pedagogic*. 1985, no. 3, p. 22. (In Russian)
7. Selevko G. K. Classification of educational technologies. *Siberian Pedagogical Journal*. 2005, no. 4, pp. 87–92. (In Russian)
8. Lehtomäki E., Moate J., Posti-Ahokas H. Global connectedness in higher education: student voices on the value of cross-cultural learning dialogue. *Studies In Higher Education*. 2016, vol. 41, issue 11, pp. 2011–2027. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03075079.2015.1007943>.
9. Skyrme G., McGee A. Pulled in many directions: tensions and complexity for academic staff responding to international students. *Teaching In Higher Education*. 2016, vol. 21, issue 7, pp. 759–772. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13562517.2016.1183614>.
10. Cheng M., Adebun Adekola O., Shah M., Valyrakis M. Exploring Chinese students' experience of curriculum internationalisation: a comparative study of Scotland and Australia. *Studies in Higher Education*. 2016, pp. 1–12. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03075079.2016.1198894>.
11. Gram M., Jæger K., Liu J., Qing L., Wu X. Chinese students making sense of problem-based learning and Western teaching – pitfalls and coping strategies. *Teaching In Higher Education*. 2013, vol. 18, issue 7, pp. 761–772. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13562517.2013.836096>.
12. Simpson C. Language, relationships and skills in mixed-nationality Active Learning classrooms. *Studies in Higher Education*. 2015, issue 4, pp. 1–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03075079.2015.1049141>.
13. Blatner A. Enacting the new academy: Sociodrama as a powerful tool in higher education. *RE:view: Rehabilitation Education for Blindness and Visual Impairment*. 2006, vol. 28 (3), pp. 30–35.
14. Rao D., Stupans I. Exploring the potential of role play in higher education: development of a typology and teacher guidelines. *Innovations In Education And Teaching International*. 2012, vol. 49, issue 4, pp. 427–436. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14703297.2012.728879>.
15. Lundy J. Cognitive learning from games: Student approaches to business games. *Studies In Higher Education*. 1991, vol. 16, issue 2, pp. 179–188. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03075079112331382964>.
16. Wouters P., van der Spek E. D., van Oostendorp H. Measuring learning in serious games: a case study with structural assessment. *Education Tech Research Dev*. 2011, vol. 59, issue 6, pp. 741–763. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11423-010-9183-0>.
17. Ayling P. Learning through Playing in Higher Education: Promoting Play as a Skill for Social Work Students. *Social Work Education*. 2012, vol. 31, issue 6, pp. 764–777. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02615479.2012.695185>.

18. Osborn D., Costas L. Role-Playing in Counselor Student Development. *Journal Of Creativity In Mental Health*. 2013, vol. 8, issue 1, pp. 92–103. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15401383.2013.763689>.
19. Stevens R. Role-play and student engagement: reflections from the classroom. *Teaching In Higher Education*. 2015, vol. 20, issue 5, pp. 481–492. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13562517.2015.1020778>.
20. Fejes A., Johansson K., Dahlgren M. Learning to play the seminar game: students' initial encounters with a basic working form in higher education. *Teaching In Higher Education*. 2005, vol. 10, issue 1, pp. 29–41. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1356251052000305516>.
21. Kniazev A. M., Odintcova I. V. System games in the reproduction of educational structures and relationships of the subject of professional activity. *The World of Psychology*. 2007, no. 3, pp. 197–207. (In Russian)
22. Kniazev A. M. *Basis of active learning through play*. Moscow, Russian Academy of Public Administration Publ., 2006, 164 p. (In Russian)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© Е. В. Динер, Л. А. Мосунова

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.03)

УДК 37.025.8 + 159.954

РАЗВИТИЕ ВООБРАЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ЧТЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ*

Е. В. Динер, Л. А. Мосунова (Киров, Россия)

Проблема и цель. В статье представлен обзор завершённых исследований по проблеме психологии чтения, связанной с изменением психологии восприятия текста в мультимедийной среде. В условиях распространения мультимедийных технологий изменяются способы взаимодействия читателя с информацией, возрастает количество людей, ориентированных на восприятие экранного образа. В этом контексте одной из важнейших становится проблема развития воображения, активная работа которого связана со знаковой природой текстов. Однако в настоящее время эта проблема остаётся малоизученной как в России, так и за рубежом. Цель статьи – дать анализ особенностей работы механизмов воображения в условиях знакового разнообразия электронных текстов и на этой основе охарактеризовать принцип эргономичности как базовый для достижения оптимального сочетания информационных знаков в электронной книге.

Методология. Методология исследования построена на системе базисных принципов, методов и понятий психологической теории деятельности и теории речевой деятельности; включает понятие воображения, концепцию электронной книги, принцип эргономичности, содержание которого по отношению к электронной коммуникации определено на основе метода моделирования.

Результаты. Основные результаты заключаются в осмыслении психологических особенностей восприятия электронного текста. В статье исследуются актуальные вопросы развития воображения в условиях знакового разнообразия, присущего электронной коммуникации, и выявляются принципы, на базе которых возможно полноценное развитие воображения в мультимедийной среде. Подчёркивается, что замещение символьной знаковой системы видеoinформацией может привести к недостаточному развитию творческого воображения, отвечающего за самостоятельное создание новых образов, мысленное преобразование действительности.

Заключение. Делаются выводы о том, что преодоление редуцирования воображения в процессе чтения электронной книги возможно в применении к её знаковому разнообразию принципа эргономичности. Рассмотрено содержание этого принципа относительно электронной книги. Экспериментально доказана целесообразность его применения к знаковой составляющей

*Статья подготовлена при поддержке Российского государственного гуманитарного фонда. Заявка № 16-03-00242.

Динер Елена Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций, факультет филологии и медиакоммуникаций, Вятский государственный университет.

E-mail: sautinalina@yandex.ru

Мосунова Людмила Александровна – доктор психологических наук, профессор кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций, факультет филологии и медиакоммуникаций, Вятский государственный университет.

E-mail: lmosunova@hotmail.com

электронной книги. Приведены примеры экспериментальных практических разработок в области электронной учебной и научно-популярной книги для младших школьников. Авторы отмечают, что принцип эргономичности нацелен на достижение необходимого баланса информационных знаков, оптимального для развития воображения. Поэтому при создании электронных книжных контентов важно учитывать психологические аспекты восприятия электронного текста.

Ключевые слова: чтение; воображение; электронная книга; электронное учебное пособие; мультимедийный текст; знаковая составляющая; мультимедийные технологии; эргономика.

Введение

Особенности современной коммуникационной среды, характер которой определяется возрастающей глобализацией информационных процессов, обусловили широкое распространение мультимедийных технологий, оказавших значительное влияние на психологию чтения. Одной из самых актуальных в этом контексте стала проблема чтения в среде подрастающего поколения, активно обсуждаемая в научном сообществе.

Согласно статистическим и научным данным, у молодых людей в настоящее время продолжает падать интерес к чтению, а также изменяется психология восприятия текста¹. Этот факт подтверждается теоретическими и эмпирическими исследованиями, проводимыми как в России, так и за рубежом. Так, В. П. Чудинова, обобщая опыт изучения проблемы чтения среди подростков, отмечает, что в современном детском чтении можно выделить следующие тенденции: 1) чтение подрастающего поколения всё больше трансформируется и перемещается в электронную среду;

2) на детское чтение большое влияние оказывает визуальная среда; 3) меняются привычки и способы взаимодействия детей с информацией; 4) характер чтения становится всё более фрагментарным, клиповым [1, с. 10; 2].

К подобным выводам пришли зарубежные учёные, изучавшие проблему чтения. В США ещё в 1980-е гг. высказывались опасения относительно того, что американские читатели всё больше превращаются в зрителей [3–5]. По данным исследований, проведённых за рубежом в 2009–2016 гг., каждый пятый американец предпочитает электронную книгу печатной, объясняя это доступностью и удобством её использования², а среди европейских и американских студентов всё большую популярность приобретают электронные учебные контенты, доступные из любой точки, оснащённой компьютером [6].

Исследования Р. Шартье и Г. Кавалло свидетельствуют о том, что эволюцию коммуникативных технологий, в ходе которой преобразуется структура и фактура носителя информации, необходимо рассматривать как

¹ Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы: отраслевой доклад [Электронный ресурс] / Б. В. Ленский, А. Н. Воропаев и [др.]; под общ. ред. В. В. Григорьева. – URL: fapmc.ru/mobile/activities/reports/2014/ (дата обращения: 15.08.2015); Чудинова В. П. Тенденции и содержание чтения подростков: возможности коррекции //

Чтение. XXI век: коллективная монография. – Челябинск, 2014. – С. 108–123; Беспалов В. М. Психология чтения. – М., 2010. – 198 с.

² Anderson R. C. A Schema-Theoretic View of Basic Processes in Reading Comprehension / Richard C. Anderson, P. David Pearson // Handbook of Reading Research / ed. by P. David Pearson. New York, 1984. P. 255–291.

фактор, обуславливающий изменения в психологии чтения на генном уровне. Один и тот же текст на разных носителях прочитывается и переживается совершенно по-разному, поэтому при смене носителя информации происходят существенные «смысловые сдвиги» не столько в самом тексте, сколько в читателе, в его умственной оптике и пластике [7]. Эти выводы подтверждаются последними отечественными и зарубежными исследованиями в области книги, авторы которых констатируют кардинальные изменения в традиционных представлениях о книге и чтении, а также отмечают, что распространение электронных технологий привело не только к новой концепции книгоиздания, но и к возникновению новых практик чтения и записи информации, характеризующихся использованием «готовых» образов [8–11].

Необходимость исследовать специфику восприятия электронного текста признаётся научным сообществом во всём мире, однако современные исследователи чаще обращаются к вопросу его удобочитаемости, который рассматривают во взаимосвязи с архитектурой электронной книги, функциональностью электронных страниц и панели инструментов, кросс-платформенностью и т. п. [12]. В некоторых работах предпринимаются попытки оценить уровень восприятия учебного материала, переданного с помощью видео- и анимационных технологий [13], а также определить их обучающие возможности [14]. Однако ни в отечественных, ни в зарубежных источниках почти не рассматриваются психологические аспекты чтения мультимедийного текста, в котором часто устраняется необходимость мысленной реконструкции значений и смыслов,

стоящих за знаками, что облегчает «работу» читателя, предлагая ему «готовый» образ [15].

Иными словами, на этапе «разрастания виртуального мира» пользователи, как правило, более интенсивно эксплуатируют только зрительный анализатор, что сопровождается повышением числа и роли людей, ориентированных на экранный образ. В общественных и научных кругах эти факты вызывают серьёзные опасения по поводу того, что человечество идёт к упадку грамотности и в конечном итоге к отказу от чтения как такового.

Эти опасения не лишены оснований, поскольку, как доказано в научных трудах Л. С. Выготского, А. В. Брушлинского, А. Л. Лурия, А. Н. Леонтьева³, процесс чтения определяется как одна из высших форм деятельности человека, предполагающая прежде всего активную работу воображения, связанную со знаковой природой вербальных текстов [16]. Уникальность чтения как вида человеческой деятельности выражается в создании собственного читательского образа, в обнаружении неповторимого содержания картины мира в каждом отдельном случае. Это требует пластичности воссоздающего воображения, т. к. это создание образов, соответствующих описанию. В свою очередь без воссоздающего воображения невозможно творческое воображение, которое характеризуется самостоятельным созданием новых образов, мысленным преобразованием действительности и часто использует образы воссоздающего. Воображение – необходимый элемент всякой творческой деятельности. Но визуализация культуры исключает ситуации, обуславливающие функционирование воображения, предъявляя людям готовые образы.

³ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.; Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: психологический очерк. – М., 1991. – 93 с.; Лурия А. Р. Об

историческом развитии познавательных процессов. – М., 1974. – 172 с.; Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. – Т. II. – М., 1983. – 320 с.

Однако реалии таковы, что современные информационные технологии, изменяющие саму парадигму чтения, всё интенсивнее применяются в различных сферах жизни, в том числе в сфере образования, библиотечной деятельности и распространении книг [10–11; 17]. Главной тенденцией развития российской образовательной системы, определённой на государственном уровне, становится широкая компьютеризация не только профессионального, но и общего образования. Проникая в школьную образовательную среду, компьютерные технологии способствуют визуализации процесса обучения, что обуславливает необходимость разработки таких электронных учебных пособий, которые не только соответствуют новым условиям развития общества, но и обеспечивают достаточный уровень развития различных мыслительных форм, в том числе и воображения.

Поэтому решение проблемы чтения на современном этапе во многом зависит от того, насколько эффективно в технологии создания электронного книжного продукта будут, с одной стороны, использованы преимущества компьютерной среды, а с другой – нивелированы негативные последствия, связанные с восприятием электронного текста. Эти вопросы требуют тщательного теоретического и эмпирического исследования, но как в России, так и за рубежом остаются неизученными до настоящего времени.

В статье предполагается дать анализ особенностей работы механизмов воображения в условиях знакового разнообразия электронных текстов и на этой основе охарактеризовать принцип эргономичности как базовый для достижения оптимального сочетания информационных знаков в электронной книге.

Методология

Методология исследования построена на системе базисных принципов, методов и понятий психологической теории деятельности и теории речевой деятельности; включает понятие воображения; концепцию электронной книги; принцип эргономичности. Для решения проблемы данной статьи применялись методы теоретического анализа и обобщения результатов завершённых исследований в области чтения электронных книг; метод конкретизации содержания принципа эргономичности относительно составляющих электронной книги; метод моделирования электронных учебных пособий; метод проверки установленных теоретическим путём моделей в реальных условиях; метод наблюдения за процессом восприятия читателями содержания электронных учебных пособий.

Результаты анализа научной литературы позволили установить, что электронную коммуникацию можно трактовать как вид деятельности, не блокирующей, а напротив, актуализирующей воображение. Такой вывод был сделан с опорой на труды С. Л. Рубинштейна, который определил воображение как процесс создания нового в форме образа, представления или идеи на основе объективной реальности, оно рождается в творческой деятельности и является её необходимым элементом⁴; на концепцию воображения как элемента творческой деятельности (С. Л. Рубинштейн, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев и др.); на исследование Л. С. Выготского, доказавшего прямую связь воображения и речи и утверждавшего, что отставание в речи ведёт к задержке развития воображения⁵.

⁴ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1989. – С. 328.

⁵ Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: психологический очерк. – М., 1991. – С. 43.

В контексте этих исследований, а также с опорой на научные труды, в которых представлены результаты изучения особенностей электронного текста⁶, можно утверждать, что связь воображения с электронной коммуникацией стимулирует активность проявления личности в творчестве, в том числе речевом. Чтение электронной книги как вид творчества расширяет сферу этой активности и непосредственно влияет на развитие воображения. В этом плане важно такое свойство электронной коммуникации, как возможность сочетать в одном тексте несколько знаковых систем. Мультимедийные технологии обеспечивают взаимодействие визуальных и аудиоэффектов под управлением интерактивного программного обеспечения, сочетание текста, звука и графики, а в последнее время ещё анимации и видео. В электронном тексте видеоряд, текстовая и аудиоинформация, графика и анимация могут быть произвольным образом объединены, изменены и/или отображены в другой форме представления данных, что открывает широкие возможности для различных видов деятельности, прежде всего для творчества⁷.

В настоящее время с учётом психологических особенностей восприятия различного знакового материала исследователи выделяют следующие преимущества мультимедийных текстов: 1) при их чтении обогащается одновременное действие первой и второй сигнальных систем, что способствует расширению сферы взаимодействия информации и человека, расширению диапазона психических связей знакового текста и читателя; 2) комплексная знаковая информация является более привлекательной для читателя; 3) мультимедийные тексты содержат большой потенциал для развития творческого воображения, т. к.

они имеют неограниченное количество возможностей в выборе форм предоставления содержания книги, вариаций одного и того же сюжета; 4) создаются дополнительные условия для развития интеллектуальной деятельности, т. к. добавляется новый смысловой элемент, который построен на основе смысловых сигналов, – управление самим компьютерным устройством, предполагающее поиск текстовых опций, настроек и т. д.⁸

Большое значение эти преимущества приобретают для учебной, научно-популярной, справочной, а также детской электронной литературы. Мультимедийные средства, использованные, например, в учебных электронных книгах, играют не просто эстетическую роль, а дополняют аналитические и навигационные возможности способностью к образному, синтетическому описанию изучаемого объекта. В этом случае происходит комбинированное воздействие на зрение и слух читателя, что создает возможность более полного усвоения информации.

Вместе с тем применение метода аналогий с целью сопоставления особенностей восприятия печатного и электронного текстов позволило установить, что некоторые положения, касающиеся категории воображения, при разработке электронного книжного продукта должны приниматься с определённой долей осторожности. Дело в том, что в психологии до сих пор нет единой концепции воображения. В науке накопилось довольно большое количество разных его определений. Не все психологи одинаково решают вопрос о том, что является его продуктом – только образы или ещё и идеи. Нет единого мнения и в вопросе, каким материалом оперирует вообра-

⁶ Вуль В. А. Электронные издания. – СПб., 2001. – 308 с.;
Беспалов В. М. Психология чтения. – М., 2010. – 198 с.

⁷ Вернер И. Всё о мультимедиа. – Киев, 1996. – 352 с.

⁸ Беспалов В. М. Психология чтения. – М., 2010. – 198 с.

жение, с чем оно «работает» – только с конкретным, образным, чувственным, или же и с обобщённым, абстрактным. Есть и такое мнение (А. В. Брушлинский), что воображение – не самостоятельный, особый, психологический процесс, а одна из форм мышления⁹.

Но в двух особенно важных пунктах суждения самых различных исследователей сходятся. Во-первых, все определения обязательно говорят о том, что воображение направлено на создание чего-то нового, чего нет рядом с человеком как реальной данности. Во-вторых, подчёркивается связь создания этого нового с тем, что уже было в практике человека, в его жизненном опыте. Особый акцент делается на комбинировании прошлых впечатлений как способе создания нового. Воображение, как понимает его современная психология, – «одна из форм отражения действительности, предполагающая в то же время некоторый отход, “отлёт” от неё»¹⁰.

Именно потому, что воображение даёт нам результат идеально, до его реального воплощения, «овеществления», его называют иногда ещё и «опережающим отражением действительности». Такое опережающее отражение позволяет нам заранее представлять продукт нашего труда, прогнозировать поведение окружающих, выстраивать стратегию собственного поведения в самых различных обстоятельствах. Благодаря ему мы можем быть готовы к тому, что нас ждёт.

В создании этой готовности работа воображения тесно сплетается с работой мысли, потому что мышление – тоже «система опережения» сознанием результатов деятельности.

Мы оставляем в стороне детальное рассмотрение вопроса о соотношении воображения с другими психическими процессами, в частности, с мышлением, т. к. эта проблематика не имеет прямого отношения к нашему исследованию и достаточно широко освещается в ряде современных изданий. Назовем, к примеру, работы А. В. Брушлинского, А. В. Петровского, А. Я. Дудецкого, А. В. Славина, О. И. Никифоровой, И. В. Страхова, Р. Г. Натадзе, А. С. Коршуновой и др. Заметим только, что все авторы считают мышление ведущей системой в психике человека [18].

Тем не менее в названных исследованиях подчёркивается, что существуют условия, при которых мышление почти бессильно без интенсивной работы воображения. Такими условиями являются ситуации большой степени неопределённости: «Если исходные данные задачи, к примеру, научной проблемы, известны, то ход её решения подчинён преимущественно законам мышления. Другая картина наблюдается, когда проблемная ситуация отличается значительной неопределённостью, исходные данные с трудом поддаются точному анализу. В этом случае в действие приходят механизмы воображения. Например, некоторая неопределённость исходных данных сказывается в работе писателя. Недаром роль фантазии так велика в литературном творчестве»¹¹. Поэтому визуальные образы, активно эксплуатируемые в электронных текстах, являясь, очевидно, более привлекательным для читателя, прежде всего молодого, вместе с тем снижают степень неопределённости коммуникативной ситуации и тем самым тормозят действие механизмов воображения.

⁹ Брушлинский А. В. Воображение и творчество // Научное творчество: сб. ст. – М., 1969. – С. 341–346.

¹⁰ Психология процессов художественного творчества: научное издание / под ред. Б. С. Мейлах, Н. А. Хренова. – Л., 1980. – С. 22.

¹¹ Общая психология: учеб. для студентов пед. ин-тов / под ред. А. В. Петровского. – М., 1986. – С. 349.

Чтение с экрана компьютера так или иначе предполагает восприятие символической информации, несмотря на то что в электронной коммуникации могут быть использованы различные знаковые системы. В этом контексте справедливо положение о том, что Интернет не удаляет, а, наоборот, приводит человечество обратно к Гутенбергу, высказанное в ряде научных трудов¹². Тем самым электронная книга сохраняет условия для работы воссоздающего воображения. Однако проблема заключается в том, что при выборе знаковых систем в процессе создания электронного книжного продукта необходимо соблюдать баланс между различными видами знаковой информации, что позволит сохранить условия для развития как абстрактного мышления, так и воображения. Эта проблема может быть решена только в том случае, если в концепции электронной книги будут учтены психофизиологические особенности пользователя. В этом плане электронная книга должна стать преемницей традиций книжной культуры, в рамках которой специфика всех составляющих издания определяется читательским адресом и целевым назначением.

Так, чтение электронной книги, содержащей большой объём информации, выраженной только алфавитными знаками, не вызывает затруднений у взрослой аудитории, причём эта категория пользователей может управлять процессом мотивации и сохранять интерес к содержанию книги. Но такой подход неприемлем для создания учебных материалов, предназначенных для средней школы, поскольку восприятие алфавитной знаковой информации с экрана компьютера отличается от восприятия печатных знаков и требует большей сосредоточенности. Поэтому создавать

электронные учебники для этой категории читателей необходимо, во-первых, на гипертекстовой основе, а во-вторых, с учётом малого объёма электронных страниц. В этом случае на электронной странице необходимо располагать самую важную информацию, а весь остальной текстовый материал может быть оформлен в виде гиперссылок.

Знаковая составляющая гиперссылок может быть разнообразной. Например, в электронном учебном пособии, предназначенном для общеобразовательной школы, в соответствии с психофизиологическими факторами в гиперссылках предпочтительней чередовать символическую, видео- и аудиоинформацию, т. к. изменение знаков позволяет поддерживать внимание пользователя и является мощным фактором дополнительной мотивации в процессе освоения материала. Но информация, требующая только зрительного анализатора, должна составлять меньшую долю. Кроме того, с целью компенсации символической составляющей, способствующей развитию воссоздающего воображения, в электронные учебные пособия для средней школы целесообразно включать задания, связанные с ситуациями неопределённости. Это особенно актуально в отношении литературы для младших школьников и учащихся среднего звена, поскольку именно в этом возрасте наиболее активно развиваются мыслительные операции, связанные с воображением.

Исследования в области книговедческих аспектов электронной книги, проводимые нами в течение нескольких лет, позволили сделать вывод, что создавать электронный книжный продукт необходимо на основе принципа эргономичности. Некоторые ас-

¹² Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. – М., 2000. – С. 275–279.

пекты содержания этого принципа определены в документологической литературе по отношению к электронному документу, однако понятие «эргономичность» эти источники представляют неполно, а иногда и противоречиво¹³. Подчеркнём, что до сих пор целостное представление об этом свойстве по отношению к электронной книге отсутствует. Исходя из этого и на основе предпосылок, имеющих в научных трудах, нами было разработано содержание принципа эргономичности относительно электронной книги как типа электронного документа. С этой целью был применён метод моделирования, который позволил выявить **требования**, предъявляемые к системе электронной книги и составляющие содержание принципа эргономичности:

1) **целесообразности** – распространяется на техническую и технологическую доступность электронной книги (с помощью какого устройства воспроизводится её содержание и насколько оно доступно в нужное время);

- выбор знаковых систем, необходимых для передачи информации;
- выбор формата, в котором будет представлено содержание книги;
- уровень её интерактивности;
- особенности структуры и инфраструктуры электронной книги;
- адаптируемость к персональным характеристикам пользователя;

2) **рациональности**:

- оптимальное сочетание поисковых, загрузочных, навигационных характеристик электронной книги;

- выбор программного обеспечения, его надёжность, доступность, непротиворечивость в работе с другими программными средствами;

- его совместимость с устройством, воспроизводящим информацию, содержащуюся в электронном документе;

- выбор оптимальных параметров отображения содержания книги (кегля шрифта, гарнитуры, интерлиньяжа, объёма электронной страницы и т. д.);

3) **аттрактивности**:

- качество дизайна, выбор оптимальных цветовых сочетаний;
- контрастность изображения;
- качество представления графического материала, звуковой, видеоинформации [19, с. 16–17].

Особенности реализации принципа эргономичности в структуре электронной книги распространяются в том числе и на выбор знаковых систем, а значит, в случае учёта читательского адреса и целевого назначения позволяют сохранять условия для развития всех мыслительных операций в целом и воображения в частности. В этом контексте применение принципа эргономичности даёт возможность определить необходимость использования компенсирующих упражнений на воссоздающее воображение и их количество.

Важно отметить, что в решении вопроса о видах воображения психологи учитывают различие процессов воображения по их направленности, структуре и функциям. Воссоздающее воображение – это создание образов, соответствующих описанию, а творческое – создание новых образов, без опоры на готовое описание или условное изображение. Воссоздающее не выходит за пределы образной

¹³ *Электронные документы: создание и использование в публичных библиотеках: справочник / науч. ред. Р. С. Гиляревский, Г. Ф. Гордукалова. – СПб., 2007. – 664 с.; Колкова Н. И., Скипор И. Л. Техноло-*

гия создания электронных информационных ресурсов: учебное пособие. – М., 2013. – 360 с.; Столяров Ю. Н. Документология: учебное пособие. – Орёл, 2013. – 370 с.

конкретизации того, что сказано в тексте, творческое воплощается в оригинальных и ценных продуктах деятельности. При этом подчёркивается взаимодействие разных видов воображения в творческой деятельности: воссоздающее воображение постепенно и зачастую незаметно переходит в творческое воображение, а творческое часто использует образы воссоздающего. Люди с развитым воссоздающим воображением обладают способностью «входить» в мир книги, рисовать в воображении чёткие картины на основе воспроизведённых в тексте деталей. Творческое воображение, в свою очередь, способствует обострению читательского восприятия и более глубокому проникновению в суть текста.

Это два взаимосвязанных вида воображения, но, по мнению исследователей, их полезно различать. Как считает А. Р. Лурия, «на такой путь расчленения натолкнула психология ребенка, так как его воображение носит, в основном, воссоздающий характер, а появление подлинного творческого воображения следует отнести к более позднему его развитию»¹⁴. Тем самым именно закономерности возрастной психологии определяют выбор знаковых систем в электронной книге. Чем младше ребёнок, тем более конкретно-образной должна быть видеoinформация, включая образы, соответствующие описанию. Так у юного читателя формируется научная картина мира, накапливаются представления и создаётся основа для творческого воображения. Чем ребёнок старше, тем менее электронная книга должна содержать готовые образы. Наряду с текстовой психологически оправдано применение условной, символической ин-

формации, позволяющей в силу своей обобщённости и неполной определённости включать механизмы творческого воображения.

Результаты исследования

Выдвинутые положения стали основой экспериментальных разработок в области электронной книги, осуществлённых на базе кафедры издательского дела и редактирования Вятского государственного гуманитарного университета. Концепция развития воображения в условиях электронной коммуникации нашла отражение в издательских проектах, представляющих собой электронные научно-популярные и учебные пособия для младших школьников. Применение принципа эргономичности к знаковой составляющей этих изданий можно проследить на примере электронного научно-популярного пособия для детей 7–10 лет «Животные мира» и электронного учебного пособия «Счастливый английский.ру», которое было разработано в качестве приложения к основному учебнику английского языка для второго класса общеобразовательной школы.

При разработке концепции этих изданий учитывались психофизиологические особенности младшего школьного возраста, диктующие необходимость: 1) структурировать учебный материал с опорой на принципы наглядности, доступности, преемственности, системности, единства теории и практики, единства абстрактного и конкретного; 2) осуществлять подбор учебного материала, используя игровой метод, а также учитывать необходимость активного взаимодействия субъектов процесса обучения; 3) направлять процесс обучения на стимулирование творческой деятельно-

¹⁴ Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. – М., 1974. – С. 138.

сти младших школьников, расширение их кругозора. При этом контенты электронных изданий создавались в соответствии с положениями государственных и отраслевых стандартов по издательскому делу, регламентирующих работу над электронным учебным и научно-популярным детским изданием.

В разработанных электронных книгах используются средства различных знаковых систем: идеографические знаки, мультимедиа, аудиозаписи. Их выбор и количественный состав опирался на принцип эргономичности, который в знаковой компоненте этих изданий реализуется, исходя из главных функциональных характеристик этих знаков.

1. Идеографические знаки составляют основу содержания книги, что сохраняет возможность полноценного развития различных видов воображения.

2. Мультимедийные знаки (видео, мультимедийные элементы) обеспечивают динамику восприятия материала, способствуют его активному запоминанию на основе соединения слова и образа, стимулируют мотивационную сферу учащихся. Например, в электронном научно-популярном пособии «Животные мира» к каждой странице прикреплен пяти-семи минутный фильм, рассказывающий о жизни животного; в электронном учебном пособии «Счастливый английский.ру» с каждой буквой английского алфавита соединена минутная видеопеременка, содержание которой создаёт видеобраз той или иной буквы английского алфавита.

3. Аудиозаписи развивают способность воспринимать учебный материал на слух и на основе соединения звука и образа формируют элементы воображения. В электронном научно-популярном пособии «Животные мира» знакомство с каждым животным начинается с прослушивания звукозаписи его «голоса». Учащимся предлагается представить

внешний облик животного, исходя из образа, возникшего при восприятии его названия и звука, а затем демонстрируется его подлинное изображение.

Кроме этого, в разработанные контенты включены различные творческие задания, обеспечивающие интерактивный характер пособий и направленные на развитие различных видов воображения. Например, в энциклопедии «Животные мира» читателям предлагаются следующие упражнения: а) «дорисуй недостающие элементы в изображении животного» (задание выполняется средствами компьютерной графики); б) «сделай фигурку животного в стиле оригами в соответствии с предлагаемой схемой» (работа производится по интерактивной схеме – пошаговой инструкции); в) «сочини сказку о животном» и некоторые другие. Тем самым в действие приводятся главные механизмы воображения: агглютинация, гиперболизация, схематизация. Сочинение собственного текста (сказки о животном) по опыту чтения других сказок включает механизм типизации.

В электронное учебное издание «Счастливый английский.ру» к таким упражнениям относятся: а) поиск слова по его транскрипции (задание на выбор одного варианта ответа). Например: «В транскрипции [ˈnɒ] буква Nn загадала своё любимое слово. Попробуй найти это слово среди других: NEEDNEVERNEWNOSENOTNOISENORTH; б) поиск звука, обозначенного определённой буквой, в нескольких словах (задание на выбор нескольких вариантов ответа). Например: «Перед тобой английские слова. Буква Nn запуталась, в каких из этих слов она произносится как звук [ŋ]. Помоги букве Nn разобраться. Найди слова, в которых буква Nn читается как звук [ŋ]: DRINK THINK HUNGRY SONG NOTE NUMBER YOUNG. Подсказка: нажми на любое из этих слов, и оно прозвучит;

в) исправление ошибки, «закравшейся» в определённом соотношении слова и предмета, им обозначенного; г) сочинение рассказа о приключениях буквы, попавшей в «чужие» слова.

С целью самоконтроля за выполнением заданий в электронное учебное пособие «Счастливый английский.ру» включена дополнительная, скрытая, страница со словом, окрашенным в зелёный (вызывающий ассоциацию с правильным ответом) или красный (вызывающий ассоциацию с неправильным ответом) цвета. В случае неправильного ответа появляется запись «Попробуй поискать ещё!»

Таким образом, при создании концепций этих пособий реализация принципа эргономичности была нацелена на решение следующих задач: 1) максимально облегчить для читателя восприятие содержания книги; 2) добиться наиболее эффективного усвоения читателем содержания текста; 3) сделать интересным и творческим процесс чтения; 4) сбалансировать применение знаковых систем в тексте и тем самым сохранить условия для развития всех мыслительных форм, в том числе и воображения.

В результате наблюдения за процессом восприятия содержания этих электронных книг мы пришли к выводу о том, что благодаря сбалансированному применению различных знаковых систем у юных читателей воз-

никает не только устойчивый интерес к содержанию книги, но и возможность получить наиболее полное представление о предмете чтения, а результатом является эффективное усвоение знаний.

Выводы

Теоретические и практические исследования в области электронной книги, проводимые нами в течение нескольких лет, позволяют сделать вывод о том, что при создании электронных книжных контентов, в концепции которых оптимально реализуются все функции чтения как психического процесса, определяющими факторами становятся психологические аспекты электронной книги, особенности восприятия электронного текста. Учёт этих факторов может быть осуществлён на основе принципа эргономичности по отношению к любой составляющей электронной книги, но особого внимания заслуживает её знаковая составляющая, т. к. сочетание различных знаковых систем и их объединение в стиле оформления текста основано на законах психологии. В решении этого вопроса принцип эргономичности нацелен на достижение необходимого баланса информационных знаков. Только в этом случае сохраняются все условия для развития базовых свойств воображения, а, следовательно, для реализации способности человека к творчеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Чудинова В. П.** Тенденции и содержание чтения подростков: возможности коррекции // Чтение. XXI век: коллективная монография. – Челябинск: Челябинская госакадемия культуры и искусств, 2014. – С. 108–123.
2. **Чудинова В. П., Шаповал С. А., Колосова Е. А., Губанова А. Ю., Армадерова Е. А., Косенко Л. Н.** Чтение московских подростков в реальной и электронной среде: социологическое исследование. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2012. – 144 с.

3. **Sorensen A., Hallinan M.** Effects of ability grouping on growth in academic achievement // *American Educational Research Journal*. – 1986. – Vol. 23, № 4. – P. 519–542.
4. **Williams Sh., McGee R.** Reading attainment and juvenile delinquency // *Journal of Child Psychology*. – 1994. – Vol. 35, № 3. – P. 441–459.
5. **Schwartz S. H.** Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. – 1992. – Vol. 25. – P. 165.
6. **Gueval J., Tarnow K., Kumm S.** Implementing e-books: Faculty and student experiences // *Teaching and Learning in Nursing*. – 2015. – Vol. 10, Issue 4. – P. 161–185. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.teln.2015.06.003>
7. **Cavallo G., Chartier R.** *A History of Reading in the j West*. – Amherst: Univ. of Massachusetts press, 2003. – 488 p.
8. **Cordyn-Garcia J.-A., Alonso-Arevalo J., Gjmez-Diaz R., Linder D.** Towards a new conception of books and reading // *Social Reading*. – 2013. – P. 7–75. DOI: <http://doi.org/10.1016/B978-1-84334-726-2.50001-X>
9. **Maxim A., Maxim A.-U.** The Role of e-books in Reshaping the Publishing Industry // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2012. – Vol. 62. – P. 1046–1050. DOI <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.09.178>
10. **Мелентьева Ю. П.** О чтении. (Размышления о теоретических аспектах чтения). – М.: Канон+, 2014. – 184 с.
11. **Четенто** в реална и електронна среда: с научни доклади: кръгла маса с международно участие (18 септември 2014) / съст. Е. Павловска; рец. Стоян Дончев. – София: За буквите – О писменех, 2014. – 223 с.
12. **Roskos K., Brueck J., Lenhart L.** An analysis of e-book learning platforms: Affordances, architecture, functionality and analytics // *International Journal of Child-Computer Interaction*. – 2017. In Press. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.ijcci.2017.01.003>
13. **Kör H., Aksoy H., Erbay H.** Comparison of the Proficiency Level of the Course Materials (Animations, Videos, Simulations, E-books) Used in Distance Education // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 141. – P. 854–860. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.05.150>
14. **Mulholland E., Bates J.** Use and Perceptions of e-books by Academic Staff in Further Education // *The Journal of Academic Librarianship*. – 2014. – Vol. 40. – P. 492–499. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.acalib.2014.05.018>
15. **Bradshaw T., Bonnie N.** National Endowment for the Arts // *Reading at Risk: A Survey of Literary Reading in America: Research Division Report № 46*. – Washington, 2004. – 60 p.
16. **Брушлинский А. В.** Проблема субъекта в психологической науке. – М.: Академический проект, 2000. – 320 с.
17. **Raynard M.** Understanding Academic e-books through the diffusion of innovations theory as a basis for developing effective marketing and educational strategies // *The Journal of Academic Librarianship*. – 2017. – Vol. 43. – P. 82–86. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.acalib.2016.08.011>
18. **Мосунова Л. А.** Актуальные вопросы психологии чтения художественной литературы // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. – 2012. – № 3 (1). – С. 162–171.
19. **Динер Е. В.** Принцип эргономичности: содержание и особенности применения к структуре электронной книги // *Полиграфист. В помощь руководителю и главному бухгалтеру*. – 2015. – № 3 (69). – С. 16–26.

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.03)

Elena Vasilievna Diner, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor the Department of Journalism and Integrated Communications, Faculty of Philology and Media Communications, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-6233-7571>

E-mail: sautinalina@yandex.ru

Lyudmila Aleksandrovna Mosunova, Doctor of Psychological Sciences, Professor the Department of Journalism and Integrated Communications, Faculty of Philology and Media Communications, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-2130-6872>

E-mail: lmosunova@hotmail.com

IMAGINATION DEVELOPMENT IN THE PROCESS OF READING E-BOOKS ¹⁵

Abstract

Introduction. *The article provides an overview of completed research studies on reading psychology, revealing the changes in text perception psychology in a multimedia environment. The interaction of readers with information has changed with the proliferation of multimedia technologies. The number of people focused on the perception of images on the screen has increased. In this context, the problem of imagination development, which is linked to the symbolic nature of texts, is increasingly recognized. However, Russian and foreign researchers have not treated the problem in much detail. The article aims at analyzing the peculiarities of imagination mechanisms in terms of symbolic diversity of electronic texts and characterizing the ergonomics principle as a baseline to achieve the optimal combination of information signs in the e-book.*

Materials and Methods. *The research methodology is built on a system of basic principles, methods and concepts of psychological activity theory and the theory of speech activity. The methodology also includes the concept of imagination, the concept of e-books, and the principle of ergonomics. The content of the ergonomics principle within the framework of electronic communication is identified by means of the modeling method.*

Results. *The main results consist in clarifying the psychological features of electronic text perception. The article examines the topical issues of imagination development in terms of symbolic diversity inherent in electronic communication. The authors reveal the principles of holistic imagination development within the multimedia environment. It is emphasized that the replacement of the sign system in the video can lead to insufficient development of creative imagination, which is responsible for independent creation of new images, and mental transformation of reality.*

Conclusions. *The authors conclude that it is possible to overcome the reduction of imagination in the process of reading e-books in case of applying the ergonomics principle for its symbolic diversity. The content of this principle regarding e-book are examined. The feasibility of its application for symbolic components of e-books is experimentally proved. The authors provide a range of examples of experimental practical developments in the field of educational and popular e-books for primary school children. The authors argue that the ergonomics principle is aimed at achieving the required balance of information signs for optimal imagination development. Therefore, e-book content should be based on psychological aspects of electronic text perception.*

¹⁵ This article was prepared with the support of the Russian state humanitarian foundation, application number: 16-03-00242.

Keywords

Reading; imagination; e-book; electronic manual; multimedia text; sign component; multimedia technology; ergonomics.

REFERENCES

1. Chudinova V. P. Tendencies and the content of the reading adolescents: possibilities of correction. *Reading. XXI century*. Collective monograph. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts Publ., 2014, pp. 108–123. (In Russian)
2. Chudinova V. P., Shapoval S. A., Kolosova E. A., Gubanova A. Yu., Armaderova E. A., Kosenko L. N. *Reading Moscow teenagers in the real and electronic environment: a case study*. Moscow, Interregional library cooperation center Publ., 2012, 144 p. (In Russian)
3. Sorensen A., Hallinan M. Effects of ability grouping on growth in academic achievement. *American Educational Research Journal*. 1986, vol. 23, no. 4, pp. 519–542.
4. Williams Sh., McGee R. Reading attainment and juvenile delinquency. *Journal of Child Psychology*. 1994, vol. 35, no. 3, pp. 441–459.
5. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*. 1992, vol. 25, p. 165.
6. Gueval J., Tarnow K., Kumm S. Implementing e-books: Faculty and student experiences. *Teaching and Learning in Nursing*. 2015, vol. 10, issue 4, pp. 161–185. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.teln.2015.06.003>
7. Cavallo G., Chartier R. *A History of Reading in the West*. Amherst, University of Massachusetts press Publ., 2003, 488 p.
8. Cordyn-Garcia J.-A., Alonso-Arevalo J., Gjimenez-Diaz R., Linder D Towards a new conception of books and reading. *Social Reading*. 2013, pp. 7–75. DOI: <http://doi.org/10.1016/B978-1-84334-726-2.50001-X>
9. Maxim A., Maxim A.-U. The Role of e-books in Reshaping the Publishing Industry. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012, vol. 62, pp. 1046–1050. DOI <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.09.178>
10. Melent'eva Y. P. *About reading. (Reflections about the theoretical aspects of reading)*. Moscow, Kanon+ Publ., 2014, 184 p. (In Russian)
11. *Reading in the real and electronic environment: scientific reports: round table with international participation* (18 Sep. 2014). Compiler E. Pavlovskaja; reviewer Stoyan Donchev. Sophia, For Bukvite – pismeneh Publ., 2014, 223 p. (In Bulgarian)
12. Roskos K., Brueck J., Lenhart L. An analysis of e-book learning platforms: Affordances, architecture, functionality and analytics. *International Journal of Child-Computer Interaction*. 2017, In Press. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.ijcci.2017.01.003>
13. Kör H., Aksoy H., Erbay H. Comparison of the Proficiency Level of the Course Materials (Animations, Videos, Simulations, E-books) Used in Distance Education. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014, vol. 141, pp. 854–860. DOI <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.05.150>
14. Mulholland E., Bates J. Use and Perceptions of E-books by Academic Staff in Further Education. *The Journal of Academic Librarianship*. 2014, vol. 40, pp. 492–499. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.acalib.2014.05.018>
15. Bradshaw T., Bonnie N. National Endowment for the Arts. *Reading at Risk: A Survey of Literary Reading in America: Research Division Report*. no. 46, Washington, 2004, 60 p.

16. Brushlinsky A. V. The problem of subject in psychological science. Moscow, Academic project Publ., 2000, 320 p. (In Russian)
17. Raynard M. Understanding Academic E-books Through the Diffusion of Innovations Theory as a Basis for Developing Effective Marketing and Educational Strategies. *The Journal of Academic Librarianship*. 2017, vol. 43, pp. 82–86. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.acalib.2016.08.011>
18. Mosunova L. A. Current issues in psychology of reading fiction. *Bulletin of Vyatka state University of Humanities*. 2012, no. 3 (1), pp. 162–171. (In Russian)
19. Diner E. V. The principle of ergonomics: content and application of the e-book structure. *Typographer. To help the Manager and chief accountant*. 2015, no. 3 (69), pp. 16–26. (In Russian)

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОСОФИЯ
И ИСТОРИЯ

PHILOSOPHY AND HISTORY

© А. С. Панова, М. А. Суботялов

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.04)

УДК 57(091)

РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А. С. Панова, М. А. Суботялов (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. Статья посвящена рассмотрению этапов становления и развития научной школы на базе кафедры анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности Новосибирского государственного педагогического университета, являющейся одной из ветвей крупнейшей в мире физиологической школы И. П. Павлова. Цель статьи – исследовать процесс становления научной физиологической школы под руководством проф. Р. И. Айзмана.

Методология. В ходе написания статьи авторами применялись сравнительно-исторический и аналитический методы историко-биологического исследования.

Результаты. Основные результаты заключаются в выделении и представлении краткой характеристики предпосылок и основных периодов развития научной школы. В процессе становления научной школы авторами выделено 4 этапа: период предпосылок, период становления, период развития и современный период. Показана основополагающая роль проф. А. Г. Гинецинского и проф. Л. К. Великановой в становлении физиологической школы в Новосибирском пединституте. Авторами выделены ключевые направления работы научной школы: изучение функции почек и водно-солевого обмена (почечная физиология); исследование морфофункциональных и психофизиологических основ здоровья всех участников образовательного процесса при воздействии различных факторов среды; коррекция гомеостатических параметров организма в условиях патологии и ее экспериментального моделирования. Представлены основные результаты многолетней работы школы. В рамках первого направления членами научной школы было исследовано формирование механизмов регуляции осмотического, ионного и объёмного гомеостаза в онтогенезе и развитие их надёжности; впервые на человеке были изучены все этапы формирования механизмов регуляции водно-солевого обмена; было установлено влияние различных факторов (среда, пол, тип конституции, приём субстанций) на состояние исследуемой системы в норме и при патологических состояниях (сахарном диабете, почечной недостаточности) и разработаны способы коррекции нарушенных гомеостатических параметров. По второму направлению было изучено влияние индивидуально-типологических и этнических особенностей, а также условий

Панова Анастасия Сергеевна – студентка, направление «Биология», профиль «Общая биология», Институт естественных и социально-экономических наук, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: anastasiya.panova.95@mail.ru

Суботялов Михаил Альбертович – доктор медицинских наук, профессор кафедры анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности, Новосибирский государственный педагогический университет; кафедра фундаментальной медицины, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

E-mail: subotyalov@yandex.ru

обучения и уровня двигательной активности на морфофункциональные и психофизиологические параметры организма на различных этапах онтогенеза. В рамках третьей темы членами научного коллектива было показано воздействие различных субстанций при экспериментальном моделировании нарушений углеводного обмена, острой почечной недостаточности, остеопороза.

Заключение. Авторами подтверждается соответствие научной физиологической школы, созданной под руководством Р. И. Айзмана, всем критериям научной школы (наличие лидера, преемственность поколений, единство проблематики, продолжительность существования во времени и пространстве, признание вклада в науку со стороны других членов дисциплинарного научного сообщества).

Ключевые слова: история биологии; физиология; научная школа; почки; функции почек; водно-солевой обмен; педагогика; безопасность жизнедеятельности.

Постановка проблемы

Изучение становления и развития научных школ актуально в связи с необходимостью, с одной стороны, подведения исторических итогов деятельности научного проекта, а с другой – в связи с вопросом прогнозирования дальнейших этапов развития данного направления. Такого рода историко-научные исследования в медико-биологической отрасли ведутся в нашей стране с 1970-х гг.¹ преимущественно в области медицины. Прежде всего это исследования таких отечественных историков медицины, как В. И. Бородулин [36], А. В. Тополянский [34; 35], С. П. Глянцев [40], К. А. Пашков [33], Г. Л. Микиртичан [49], М. С. Бетехтин², П. М. Богопольский³. Примером подобной работы в биологических науках является диссертационная работа Т. В. Андриюшкевич «Становление микробиологических школ Института экспериментальной медицины и их влияние на развитие научных исследований в России»⁴.

В физиологии существует ряд исследований, освещающих вклад отдельных ученых в науку, но мало интегральных работ, посвященных изучению становления и развития научных физиологических школ. Всё это определяет **цель** нашей работы: изучить процесс становления и развития научной физиологической школы под руководством профессора Р. И. Айзмана на базе кафедры анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности Новосибирского государственного педагогического университета.

Существует ряд определений научной школы. И. А. Аршавский⁵ полагает, что первым и основным признаком научной школы является создание руководителем, ставшим во главе собранного им коллектива, неких оригинальных идей или теорий, в связи с которыми организуется совершенно новое исследовательское направление, ранее в науке

¹ Школы в науке: сборник / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Креба, Г. Штейнера. – М.: Наука, 1977. – 523 с.

² Бетехтин М. С. Развитие европейских дерматовенерологических школ и их роль в становлении дерматовенерологии в России (XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. мед. наук. – М., 2013. – 219 с.

³ Богопольский П. М. История реконструктивной хирургии пищевода в России: автореф. дис. ... докт. мед. наук. – М., 2014. – 48 с.

⁴ Андриюшкевич Т. В. Становление микробиологических школ института экспериментальной медицины и их влияние на развитие научных исследований в России: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – М., 2004. – 22 с.

⁵ Аршавский И. А. Роль А. А. Ухтомского – ученого и личности в создании физиологической школы Ленинградского университета // XIII Международный конгресс истории науки. СССР, Москва, 18–24 августа 1971 г. – М., 1971.

не представленное. Б. М. Кедров⁶ пишет о научных школах как об основных ячейках науки, «...в которых формируются её новые силы, и осуществляется постоянное взаимодействие между старыми и молодыми кадрами ученых, между учителями и их учениками, между основателями новых научных направлений и их преемниками». С. П. Глянцев⁷ под научной школой понимает сообщество ученых как минимум двух поколений, связанных многолетней совместной творческой научно-практической деятельностью, единым научным мировоззрением и общностью научных интересов, проповедующих единые подходы к постановке и решению научных и практических проблем, успешно их решающих и обеспечивающих преемственность результатов своей деятельности. Согласно определению Г. Л. Микиртичан⁸, научная школа представляет собой научное направление, развиваемое двумя и более поколениями единомышленников, связанных друг с другом преемственностью научных взглядов и методов исследования, характеризующееся продолжительностью существования во времени и пространстве, признанием ее вклада в науку со стороны других членов дисциплинарного научного сообщества. Кроме того, важно наличие у лидера школы качеств, необходимых как для успешной научной деятельности, так и для сплочения вокруг себя творческого коллектива.

⁶ Кедров Б. М. Научная школа и её руководитель // Школы в науке. – М.: Наука, 1977. – С. 300–310.

⁷ Глянцев С. П. Научные школы в хирургии как предмет исторического исследования // Альманах истории медицины: неизвестные и спорные страницы. – М.: Династия, 2014. – С. 365–373.

Материалы и методы

При написании статьи авторами использовались источники, посвященные проблематике становления и развития отечественных научных школ, авторефераты диссертаций и научные статьи в рецензируемых журналах, опубликованные сотрудниками кафедры анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности НГПУ. Применялись сравнительно-исторический и аналитический методы историко-научного исследования.

Результаты и обсуждение

Период предпосылок становления научной школы (1950–1970-е гг.)

Начало формирования научной школы связано с приездом в Новосибирск доктора медицинских наук, профессора, член-корреспондента АМН СССР А. Г. Гинецинского (1895–1962) – ученика академика Л. А. Орбели (1882–1958). Л. А. Орбели – отечественный физиолог, с 1956 по 1958 гг. руководитель Института эволюционной физиологии им. Сеченова в Ленинграде, ученик И. П. Павлова (1849–1936) – отечественного физиолога, лауреата Нобелевской премии 1904 г. и основателя крупнейшей в мире физиологической школы.

В Новосибирске А. Г. Гинецинский в 1951–1955 гг. возглавлял кафедру нормальной физиологии Новосибирского мединститута, где начал разработку новой, тогда еще мало изученной проблемы – физиологии почек и водно-солевого обмена. А. Г. Гинецинский высказал гипотезу о существовании перифе-

⁸ Глянцев С. П., Альбицкий В. Ю. Диссертационное исследование по истории медицины: методические рекомендации для аспирантов и соискателей ученой степени по специальности 07.00.10 – история науки и техники (медицинские науки). – М.: РОИМ, 2016.

рических осморцепторов, которая была проверена, подтверждена и развита ассистентом кафедры нормальной физиологии Новосибирского медицинского института Л. К. Великановой (1921–2009), впоследствии профессором (1971), заведующей кафедрой анатомии, физиологии и гигиены Новосибирского пединститута (1972–1987). В результате была создана теория об осморрегулирующей системе организма, представленной периферическими осморцепторами, афферентными проводящими путями спинного мозга, центром, состоящим из супраоптического и паравентрикулярного ядер гипоталамуса (центральных осморцепторов) и эфферентным гормональным звеном – антидиуретическим гормоном, влияющим на уровень диуреза. Эта теория легла в основу многочисленных исследований учеников А. Г. Гинецинского.

С момента вступления Л. К. Великановой в должность заведующей кафедрой анатомии, физиологии и гигиены в 1972 г. началось формирование научно-педагогического коллектива кафедры. В этот же период Р. И. Айзманом на базе кафедры нормальной физиологии Новосибирского пединститута совместно с А. Я. Тернером (1942–2008) были проведены исследования, посвященные изучению механизмов осморрегуляции и натрийрегуляции [57], а затем под руководством проф. Я. Д. Финкинштейна (1922–2009) – исследования регуляции калиевого гомеостаза [56], что легло впоследствии в основу его кандидатской диссертации (1977). Полученные знания и навыки стали хорошим базисом для работ в области функций почек и водно-солевого обмена, проводимых в дальнейшем на кафедре анатомии, физиологии и гигиены Новосибирского пединститута, куда Р. И. Айзман был приглашен в 1974 г. Л. К. Великановой и которую возглавил в 1987 г.

Период становления (1978–1989 гг.)

В связи с открытием на кафедре аспирантуры по специальности 03.00.13 – физиология человека и животных с 1978 г. началась интенсивная научная работа на созданной в пединституте экспериментальной базе. Одной из первых аспиранток – Н. П. Абаскаловой (Антоненко) совместно с Р. И. Айзманом и Л. К. Великановой были изучены механизмы формирования в онтогенезе надежности системы регуляции водно-солевого равновесия при возрастающих водных, солевых и объемных нагрузках у крыс [23]. Влияние солевых нагрузок (гипертонических растворов NaCl) на водные секторы организма крыс разного возраста исследовалось О. М. Паутовой [27].

Совместно с Институтом гигиены, в лице руководителя отдела гигиены водной среды, канд. мед. наук Е. М. Трофимовича, с 1978 г. началось изучение влияния факторов среды на развитие детского организма. В частности, для оценки влияния водного фактора была выбрана одна из наиболее чувствительных систем к его действию – система регуляции функций почек и водно-солевого обмена. Проведенные экспериментальные исследования в дальнейшем вылились в блестящую защиту Р. И. Айзманом докторской диссертации «Возрастные особенности водно-солевого обмена и функций почек» (1985). Интегральные исследования в этом направлении проводились Р. И. Айзманом лично и с участием сотрудников кафедры, для многих из которых они завершились защитами кандидатских диссертаций. Исследованием особенностей регуляции водно-солевого обмена у детей I и II периодов детства и влияния на них различных факторов среды занимались С. А. Борисова, Н. Е. Калмыкова [26; 29]. Изучением особенностей водно-солевого обмена и функции почек у подростков занималась О. Н. Степанова (Петрова) [31]. Результаты выполненных в

этот период исследований легли в основу нескольких монографий по возрастной физиологии (совместно с НИИ возрастной физиологии АПН СССР) и методических рекомендаций «Возрастные аспекты исследования водно-солевого обмена и функции почек с помощью водной и водно-солевых проб»⁹, утвержденных Министерством Здравоохранения СССР в 1984 г. для оценки функции почек и водно-солевого обмена в возрастном аспекте и получивших широкое применение в нефрологии, педиатрии и космической физиологии.

В 1980-е гг. Г. Н. Жарова начала первые работы по адаптации организма к внешним факторам, она исследовала влияние среды на морфофункциональное развитие детей 6–10 лет¹⁰.

Период развития (1990–1999 гг.)

В этот период на кафедре продолжают исследования в области почечной физиологии, а также начинают расширяться исследования по изучению адаптации детского организма к различным факторам среды. С. А. Борисовой и Н. Ф. Лысовой (Никитиной) показаны особенности функций почек и водно-электролитного обмена у детей 7–8 лет и подростков 13–15 лет, родившихся в Заполярье, в сравнении с детьми аналогичных возрастных

групп Западной Сибири [24]. Т. И. Дмитриевой изучено структурно-функциональное состояние почек у детей при дисметаболических нефропатиях [42]. С. К. Быструшкиным исследованы функции почек и водно-солевой баланс у крыс при гипо- и гиперосмии в различные периоды беременности [25]. Формирование водно-солевого обмена при нормальном и нарушенном эмбриогенезе показано Н. Г. Иглиной (Ельковой) [43]. М. В. Иашвили¹¹ изучен процесс формирования резервных возможностей системы регуляции функции почек и водно-солевого обмена в онтогенезе. А. Д. Герасёвым¹² показана роль нервных и гормональных механизмов в регуляции гомеостаза калия. В. М. Чернышев исследовал особенности функций почек у детей с синдромом гиперурикемии¹². В. В. Турбинским показаны гигиенические основы оптимизации водопользования населения в регионах Сибири, занимающихся разработкой неметаллических минералов¹³. Е. Н. Душиной изучена роль опиоидных пептидов в регуляции водно-солевого обмена и функции почек в онтогенезе¹⁴. Н. А. Сигаревой исследовано влияние биологически активного препарата «Плазмарал» на регенерацию костной ткани в эксперименте¹⁵.

⁹ Орехов К. В., Айзман Р. И., Великанова Л. К. и др. Возрастные аспекты исследования водно-солевого обмена и функции почек у человека с помощью водной и водно-солевых функциональных проб: метод. рекомендации. – М., 1984. – 50 с.

¹⁰ Жарова Г. Н. Адаптация к учебной деятельности детей 6–10 лет города Новосибирска в зависимости от некоторых факторов среды: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 1987. – 24 с.

¹¹ Иашвили М. В. Формирование резервных возможностей системы регуляции функции почек и водно-солевого обмена в онтогенезе: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 1996. – 30 с.

¹² Герасёв А. Д. Роль нервных и гормональных механизмов в регуляции гомеостаза калия: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 1994. – 25 с.

¹² Чернышев В. М. Синдром гиперурикемии у детей. Клиника, диагностика, особенности физиологического развития и функции почек: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Новосибирск, 1993. – 50 с.

¹³ Турбинский В. В. Гигиенические основы оптимизации водопользования населения при разработке неметаллических минералов в регионах Сибири: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Иркутск, 1991. – 24 с.

¹⁴ Душина Е. Н. Влияние энкефалинов на водно-солевой обмен крыс в онтогенезе: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 1995. – 24 с.

¹⁵ Сигарева Н. А. Влияние биологически активного препарата «Плазмарал» на регенерацию костной ткани в эксперименте: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 1999. – 19 с.

В 1992–1993 гг. Р. И. Айзман работал в качестве приглашенного профессора на кафедре физиологии человека Калифорнийского университета (Дэвис, США), где совместно с L. Rabinowitz занимался изучением рефлекторных механизмов регуляции калиевого гомеостаза [22]. Позже Р. И. Айзман получил приглашение из Каролинского института (Стокгольм, Швеция), где в период с 1994 по 1998 гг. работал на кафедре педиатрии. За время работы в Каролинском институте было показано наличие возрастных особенностей транспорта калия в кишечнике [4; 8], проведена серия работ, связанных с изучением гормональной регуляции транспорта калия [9]. По результатам проведенных совместно с иностранными коллегами исследований было опубликовано множество статей в зарубежных журналах [1; 7; 10].

Современный период (2000–2017 гг.)

Начало 2000-х гг. характеризуется как продолжением экспериментальных работ на животных, так и расширением исследований по изучению функций организма человека в норме и патологии под влиянием различных факторов.

С. Р. Савиной (Кушнер) и Н. Г. Иглиной показано влияние водной депривации в период беременности на водно-солевой состав тканей и функции почек потомства [47]. И. П. Слинькова изучила процессы всасывания растворов солей в пищеварительном тракте¹⁶. Я. Л. Завьяловой (Муравьевой)¹⁷ исследовано влияние ренальной денервации на функцию почек

крыс разного возраста при нормальном и повышенном уровне гидратации организма. Е. Н. Боровец¹⁸ были исследованы возрастные особенности транспорта калия в дистальном отделе толстой кишки. А. В. Петровой изучено функциональное состояние почек в условиях пренатального введения синтетического глюкокортикостероида дексаметазона [51]. Н. В. Виншу¹⁹ изучены функции почек и их гормональная регуляция у больных сахарным диабетом I типа с помощью водной и водно-солевых нагрузочных проб. Возрастные особенности реакций почек на прием пищи и тренировочные нагрузки у спортсменов циклических видов спорта показаны в исследованиях М. С. Головина и Л. А. Гиренко [3].

В этот период продолжается плодотворное взаимодействие с иностранными коллегами. В результате совместной работы Р. И. Айзмана в 2000–2004 гг. с Институтом науки им. Вайцмана (Израиль) было изучено действие специфических белков, регулирующих активность Na-K-АТФ-азы в толстом кишечнике [16].

В это же время в рамках открывшегося учебного направления «Валеология» начинается активное изучение физического и психического здоровья человека в онтогенезе, основанного на изучении морфофункциональных и психофизиологических особенностей организма под влиянием различных экзо- и эндогенных факторов. В качестве таких факторов изучалось воздействие различных форм обучения школьников и студентов, двигательной активности, индивидуально-типологических

¹⁶ Слинькова И. П. Особенности всасывания воды и растворов солей в пищеварительном тракте взрослых крыс и крысят weanling-периода: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2000. – 24 с.

¹⁷ Муравьева Я. Л. Влияние денервации на функции почек крыс в онтогенезе: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2000. – 22 с.

¹⁸ Боровец Е. Н. Возрастные особенности транспорта калия в дистальном отделе толстой кишки крыс:

автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2003. – 21 с.

¹⁹ Виншу Н. В. Особенности функций почек и их гормональной регуляции при сахарном диабете 1-го типа на фоне водной и водно-солевых нагрузочных проб: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Новосибирск, 2005. – 23 с.

особенностей организма. Изучению морфофункциональных и психофизиологических особенностей подростков и юношей различных конституциональных типов была посвящена диссертация М. А. Суботялова²⁰. О. Л. Жигаревым²¹ показано влияние спортивно-оздоровительного туризма на морфофункциональные и психофизиологические показатели организма студентов. Н. С. Шулениной исследовано влияние углубленного использования компьютерных технологий в учебном процессе на морфофункциональное и психофизиологическое состояние учащихся²². Р. И. Айзман, В. Б. Рубанович и Л. А. Гиренко провели исследования, направленные на выявление морфофункционального развития детей и подростков в зависимости от типа двигательной активности, типологических особенностей [54], степени полового созревания и вида двигательной активности [53], биологического и календарного возраста [18]. В эти годы под руководством Р. И. Айзмана выполнен ряд исследований по изучению морфофункциональных и психофизиологических показателей здоровья детей

разного возраста при занятиях различными видами спорта (О. В. Головин²³, С. М. Рябцев²⁴, И. Н. Гребенникова²⁵, М. А. Пугачева²⁶). В. Б. Рубанович исследовал морфофункциональное развитие детей и подростков разных конституциональных типов в зависимости от двигательной активности²⁷. Ю. С. Филиппова под руководством проф. В. Б. Рубановича выполнила исследование морфофункциональных и психофизиологических особенностей спортсменок, занимающихся спортивной аэробикой²⁸.

Впервые на кафедре совместно с коллегами из НГМУ (А. Г. Таранов) и Института биохимии СО РАМН (Л. Е. Панин) начаты работы, посвященные влиянию различных препаратов, в частности, природных цеолитов на функции почек и водно-солевой обмен в норме и при патологии. Эти работы были эффективно выполнены коллективом в составе А. Д. Герасёва, Г. А. Корощенко (Святаш), С. Н. Луканиной [17; 37–38]. В результате данного исследования были защищены доктор-

²⁰ Суботялов М. А. Морфофункциональные и психофизиологические особенности подростков и юношей различных конституциональных типов: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Томск, 2002. – 26 с.

²¹ Жигарев О. Л. Влияние спортивно-оздоровительного туризма на морфофункциональные и психофизиологические показатели организма студентов: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Томск, 2002. – 28 с.

²² Шуленина Н. С. Морфофункциональное и психофизиологическое состояние учащихся при углубленном использовании компьютерных технологий в учебном процессе: дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2002. – 165 с.

²³ Головин О. В. Влияние нормированной двигательной активности циклического характера на морфофункциональное и психофизиологическое развитие дошкольников: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 1999. – 20 с.

²⁴ Рябцев С. М. Влияние занятий лыжными гонками на состояние здоровья и морфофункциональные показатели мужского организма в онтогенезе: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 1999. – 27 с.

²⁵ Гребенникова И. Н. Возрастная динамика показателей функциональных систем, определяющих спортивный результат в женском биатлоне: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2002. – 20 с.

²⁶ Пугачева М. А. Психофизиологические особенности латерализации функций мозга детей 5–6 лет в процессе формирования произвольных движений: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Томск, 2003. – 23 с.

²⁷ Рубанович В. Б. Морфофункциональное развитие детей и подростков разных конституциональных типов в зависимости от двигательной активности: автореф. дис. ... докт. мед. наук. – Томск, 2004. – 50 с.

²⁸ Филиппова Ю. С. Морфофункциональные и психофизиологические особенности спортсменок, занимающихся спортивной аэробикой: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Томск, 2006. – 23 с.

ская и две кандидатских диссертации. Сотрудниками кафедры начато изучение аюрведических лекарственных растений и фитопрепаратов при различной патологии (Р. И. Айзман, Г. А. Корощенко, А. П. Гайдарова, М. А. Суботьялов). Так, предложены методы комплексной профилактики и коррекции углеводного обмена при сахарном диабете, основанные на изучении воздействия на организм экспериментальных животных корневища растения *Curcuma longa* [30; 46; 55], использование фитопрепарата «Теджас» для коррекции гомеостатических нарушений при острой почечной недостаточности [45]. По результатам исследования получен патент²⁹ и опубликованы статьи в зарубежных журналах [5; 6]. В сотрудничестве с М. А. Гиляским из НИИ физиологии СО РАМН проведена работа по анализу содержания метиларгининов в крови и моче при острой почечной недостаточности (ОПН), а также изменений уровня метиларгининов после воздействия некоторых субстанций [39].

Аспирантом кафедры К. И. Ершовым в сотрудничестве с НИИТО и ИЦиГ СО РАН выполнены работы, посвящённые изучению гликозаминогликанов и минерального состава костного матрикса при развитии остеопороза [44]. Аспиранты из Тывинского университета (Т. А. Григорьева, А. О. Ондар, У. В. Шыгырпай) совместно с лабораториями НИИ физиологии и фундаментальной медицины СО РАМН (К. А. Шошенко, С. Г. Кривошеков³⁰)

выполнили ряд исследований по изучению интеграции систем регуляции водно-солевого обмена и кровообращения в онтогенезе [32; 58].

Аспиранткой И. В. Пирумовой совместно с М. А. Суботьяловым изучены психофизиологические особенности школьников в условиях традиционного и раздельного обучения [52]. Г. В. Суховерковой изучены индивидуально-типологические особенности адаптации студентов алтайской национальности к процессу обучения в вузе³¹. А. В. Лебедевым исследованы психофизиологические и морфофункциональные особенности девушек разных социотипов [48]. С. М. Ситяевой изучена динамика психо-функционального состояния девушек в зависимости от фазы менструального цикла, индивидуально-типологических и возрастных особенностей³².

Совместно с проф. Л. В. Осадчук сотрудниками кафедры была проведена работа, посвящённая анализу гормональных, антропометрических и метаболических показателей у мужчин с избыточной массой тела и ожирением [50]. Морфофункциональные, психофизиологические и биохимические особенности спортсменов циклических видов спорта под воздействием аудиовизуальной стимуляции показаны в исследованиях М. С. Головина совместно с НИИ физиологии и фундаментальной медицины СО РАМН (С. Г. Кривошеков) [19–20; 28; 41].

²⁹ Средство и способ комплексной терапии больных сахарным диабетом: пат. 2548731 Рос. Федерация: МПК А61К36/9066; А61Р3/10/М. А. Суботьялов, Р. И. Айзман, А. Д. Герасёв, Г. А. Корощенко, О. В. Сазонова, С. В. Селиванова, С. Я. Хомичёва; заявитель и патентообладатель Новосибирский государственный педагогический университет. – № 2012145055/15; заявл. 24.10.2012.

³⁰ Ондар А. О., Мельников В. Н., Кривошеков С. Г., Айзман Р. И. Изменение периферической гемодинамики при водной нагрузке у здоровых мужчин // VI

Сибирский физиологический съезд: материалы конференции. – 2008. – С. 138–139.

³¹ Суховеркова Г. В. Индивидуально-типологические особенности адаптации студентов алтайской национальности к процессу обучения в вузе: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Горно-Алтайск, 2002. – 28 с.

³² Ситяева С. М. Динамика психо-функционального состояния девушек в зависимости от фазы менструального цикла, индивидуально-типологических и возрастных особенностей: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2005. – 24 с.

Новым интересным направлением на кафедре стали исследования, посвящённые изучению особенностей организма в зависимости от этнических факторов. Выполнены работы, посвящённые изучению морфофункционального, психофизиологического и биохимического развития детей и студентов в зависимости от пола и этнических признаков в республике Тыва (В. А. Красильникова³³, Л. К. Будук-оол) [2; 21], Горном Алтае (Е. А. Чанчаева), в Казахстане (Ж. М. Мукатаева) [11–15]. По результатам данных исследований были защищены три докторские^{34, 35, 36} и пять кандидатских диссертаций.

В этот период становится приоритетной разработка учебно-методического обеспечения дисциплин кафедры, исследование безопасности образовательного пространства и внедрение здоровьесберегающих технологий в учебный процесс вузов и школ. Сотрудниками кафедры разработаны инновационные подходы к созданию компьютерных программ по профориентации и профотбору «Профессиональный маршрут»; выявлению риска развития аддикций, мониторингу здоровья всех участников образовательного процесса – электронные паспорта здоровья, которые получили соответствующие регистрационные свидетельства Министерства информационных технологий и связи РФ, и внедрены в Новосибирской области, других регионах РФ и Казахстана.

Перечисленные разработки играют большую роль в развитии научной школы, поскольку отражают накопленный опыт и дают возможность использовать полученные результаты в учебно-образовательном процессе вуза. Бесперебойная работа научной школы возможна в том числе благодаря созданной руководством университета материально-технической базе. Свой вклад в поддержание этой базы и создание условий и атмосферы для плодотворной научной деятельности внесли сотрудники кафедры Е. Д. Астракова и С. А. Недовесова.

В связи с тем, что коллектив научной школы занимается не только научно-исследовательской, но и педагогической деятельностью сотрудниками кафедры опубликованы учебники и учебные пособия для высшей школы. Большой вклад в разработку и создание учебно-методического комплекса внесли сотрудники кафедры Н. П. Абаскалова, Н. А. Волобуева, Л. В. Косованова, М. М. Мельникова, И. В. Омельченко, В. М. Ширшова. Результаты многолетней работы в области исследования морфофункциональных и психофизиологических основ здоровья отражены в фундаментальном коллективном учебном пособии «Физиологические основы здоровья» (2001)³⁷, переизданном в 2015 году³⁸.

³³ Красильникова В. А. Морфофункциональные и психофизиологические особенности младших школьников, проживающих в республике Тыва: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Томск, 2006. – 23 с.

³⁴ Мукатаева Ж. М. Морфофункциональные и психофизиологические особенности развития детей и подростков Павлодарской области, проживающих в городской и сельской местности: автореф. дис. ... докт. биол. наук. – Алматы, 2009. – 36 с.

³⁵ Будук-оол Л. К. Адаптация студентов Республики Тыва к обучению в вузе (этноэкологические, морфо-

функциональные и психофизиологические особенности): автореф. дис. ... докт. биол. наук. – Челябинск, 2010. – 48 с.

³⁶ Чанчаева Е. А. Возрастно-половые и этно-национальные особенности коренного и пришлого населения Горного Алтая: автореф. дис. ... докт. биол. наук. – Новосибирск, 2013. – 35 с.

³⁷ Физиологические основы здоровья / под ред. Р. И. Айзмана, А. Я. Тернера. – Новосибирск: Лада, 2001. – 524 с.

³⁸ Физиологические основы здоровья / под ред. Р. И. Айзмана. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 351 с.

Выводы

Таким образом, научная физиологическая школа, созданная под руководством проф. Р. И. Айзмана, соответствует всем критериям научной школы (наличие лидера, преемственность поколений, единство проблематики, продолжительность существования во времени и пространстве, признание вклада в науку со стороны других членов дисциплинарного научного сообщества).

1. Наличие лидера.

Лидер школы Р. И. Айзман, которому в 2017 году исполняется 70 лет, награжден почетными грамотами Министерства образования и науки РФ, бывшего министра по ЧС С. К. Шойгу, администраций города и области. В 1991 г. ему присвоено звание «Отличник народного образования РФ», в 1999 г. – Почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ», в 2010 г. – награжден почетным знаком «Достояние Сибири», избран в Международную академию наук высшей школы (2002), Российскую академию естествознания (2014), Российскую академию экологии и безопасности жизнедеятельности (2014), почетным профессором Тывинского государственного университета. Под руководством лидера научной школы сотрудниками кафедры и внешними соискателями защищено восемь докторских и 39 кандидатских диссертаций.

2. Преемственность поколений.

Новосибирская физиологическая школа Новосибирского государственного педагогического университета объединяет четыре поколения исследователей, которые продолжают изучать системные, молекулярно-генетические и возрастные механизмы регуляции функций почек в норме и при патологии, а также морфофункциональные и психофизиологические основы здоровья.

Одна из особенностей научной школы в том, что не все её члены являются сотрудниками кафедры анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности. Это стало возможным благодаря развитию на современном этапе дистанционных технологий взаимодействия учителя и ученика. Появились новые структурные подразделения: НИИ здоровья и безопасности, две научно-исследовательские лаборатории, научно-образовательный центр «Физиология онтогенеза», Региональный центр СФО по развитию преподавания безопасности жизнедеятельности. Расширились творческие научные связи со многими отечественными и зарубежными лабораториями и институтами.

3. Единство проблематики.

Можно выделить три ключевых направления работы научной школы:

а) изучение функции почек и водно-солевого обмена (почечная физиология);

б) исследование морфофункциональных и психофизиологических основ здоровья всех участников образовательного процесса при воздействии различных факторов среды;

в) коррекция гомеостатических параметров организма в условиях патологии и ее экспериментального моделирования.

4. Продолжительность существования во времени.

В развитии научной школы нами было выделено четыре этапа: период предпосылок, период становления, период развития и современный период.

5. Признание вклада в науку со стороны других членов дисциплинарного научного сообщества.

За 30 лет существования научной школы под руководством Р. И. Айзмана, опубликовано свыше 600 научных трудов, включая монографии, статьи, учебники и учебно-методи-

ческие рекомендации. В том числе в результате исследований, проведенных совместно с иностранными коллегами, опубликовано более 30 статей в зарубежных журналах.

Подтверждением высокой научной активности членов научной школы служит высокий уровень цитируемости публикуемых работ. Наиболее высоко цитируемым является руководитель школы проф. Р. И. Айзман – суммарное число цитирований его публикаций составляет почти три тысячи, объективным показателем является высокий индекс

Хирша ($h = 22$). Другие представители научной школы также имеют высокие показатели цитирования.

Благодарности

Авторы публикации выражают глубокую благодарность и признательность доктору биологических наук, профессору, заведующему кафедрой анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности НГПУ Р. И. Айзмину за помощь и поддержку при работе над статьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Aizman R., Brismar H., Celsi G.** Nitric oxide inhibits potassium transport in the rat distal colon // *American Journal of Physiology – Gastrointestinal and Liver Physiology*. – 1999. – Vol. 276, № 1 39-1. – P. 146–154.
2. **Aizman R. I., Buduk-Ool L. K. S., Krasil'nikova V. A.** Morphological, functional and psychological development of children living permanently in the Tuva republic // *Alaska Medicine*. – 2007. – Vol. 49, № 2. – P. 133–138.
3. **Aizman R. I., Golovin M. S., Girenko L. A.** Age-specific features in renal response to food intakes and training loads in young professional skiers // *Human Physiology*. – 2014. – Vol. 40, № 4. – P. 450–455.
4. **Aizman R., Grahnquist L., Celsi G.** Potassium homeostasis: ontogenetic aspects // *Acta Paediatrica, International Journal of Paediatrics*. – 1998. – Vol. 87, № 6. – P. 609–617. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/080352598750013987>
5. **Aizman R. I., Koroshchenko G. A., Gaidarova A. P., Lukanina S. N., Subotyalov M. A.** The mechanisms of plant rhizome *Curcuma longa* action on carbohydrate metabolism in alloxan – induced diabetes mellitus rats // *American Journal of Biomedical Research*. – 2015. – Vol. 3, № 1. – P. 1–5.
6. **Aizman R. I., Koroshchenko G. A., Gaidarova A. P., Sakharov A. V., Subotyalov M. A.** The mechanisms of *Curcuma longa* rhizome action on glucose metabolism in alloxan – induced diabetic rats // *International Ayurvedic Medical Journal*. – 2014. – Vol. 2, № 5. – P. 752–760.
7. **Aizman R. I., Rabinowitz L., Mayer-Harnisch C.** Early effects of uninephrectomy on K homeostasis in unanesthetized rats // *American Journal of Physiology – Regulatory Integrative and Comparative Physiology*. – 1996. – Vol. 270, № 2 39-2. – P. R434–R442.
8. **Aizman R., Wang Z. M., Yasui M., Celsi G., Aperia A.** Developmental changes of N/K-ATPase in rat colon // *Pediatric Nephrology*. – 1994. – Vol. 8, № 5. – P. 60.
9. **Aperia A., Cheng X. -J., Fisone G., Aizman O., Aizman R., Levenson R., Greengard P.** PKA-mediated phosphorylation and inhibition of $\text{Na}^+\text{-K}^+\text{-ATPase}$ in response to β -adrenergic hormone // *American Journal of Physiology – Cell Physiology*. – 1997. – Vol. 273, № 3 42-3. – P. 893–901.
10. **Celsi G., Kistner A., Aizman R., Eklöf A. Ch., Ceccatelli S., Santiago A. De., Jacobson S. H.** Prenatal dexamethasone causes oligonephronia, sodium retention, and higher blood pressure in the

- offspring // *Pediatric Research*. – 1998. – Vol. 44, № 3. – P. 317–322. DOI: <http://dx.doi.org/10.1203/00006450-199809000-00009>
11. **Chanchaeva E. A., Aizman R. I.** Age-related changes in blood plasma antioxidant activity in population of the Southern Altai // *Journal of Evolutionary Biochemistry and Physiology*. – 2012. – Vol. 48, № 2. – P. 152–154. DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S0022093012020041>
 12. **Chanchaeva E. A., Aizman R. I.** Interethnic differences in biochemical adaptation of the population of Gornyi Altai // *Human Physiology*. – 2014. – Vol. 40, № 2. – P. 179–183. DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S0362119714020054>
 13. **Chanchaeva E. A., Aizman R. I., Gerasev A. D.** Contemporary perception of antioxidant system of human organism // *Human Ecology*. – 2013. – № 7. – P. 50–58.
 14. **Chanchaeva E. A., Aizman R. I., Sidorov S. S.** Gender variability of morphofunctional indices in adolescents of mountain Altai // *Gigiena i sanitariia*. – 2016. – Vol. 95, № 3. – P. 269–273. DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/0016-9900-2016-95-3-269-273>
 15. **Chanchaeva E. A., Kogteva O. S., Aizman R. I.** Antioxidant activity of blood plasma in Altai aborigines // *Human physiology*. – 2012. – Vol. 38, № 2. – P. 206–211. DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S0362119712010069>
 16. **Garty H., Lindzen M., Scanzano R., Aizman R., Fuzesi M., Goldshleger R., Farman N., Blostein R., Karlish S. J.** A functional interaction between CHIF and Na-K-ATPase: implication for regulation by FXYP proteins // *American Journal of Physiology – Renal Physiology*. – 2002. – Vol. 283, № 4. – P. 607–615. DOI: <http://dx.doi.org/10.1152/ajprenal.00112.2002>
 17. **Gerasev A. D., Lukanina S. N., Koroshchenko G. A., Aizman R. I.** Nutrition using natural zeolites for treatment of acute renal insufficiency // *Peritoneal Dialysis International*. – 2001. – Vol. 21, № S2. – P. 35.
 18. **Girenko L. A., Rubanovich V. B., Aizman R. I.** Morphofunctional characteristics of 12- to 14-year-old boys as dependent on their physiological and chronological ages // *Human Physiology*. – 2005. – Vol. 31, № 3. – P. 346–351. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10747-005-0055-7>
 19. **Golovin M. S., Aizman R. I.** Audiovisual Stimulation Modulates Physical Performance and Biochemical and Hormonal Status of Athletes // *Bulletin of Experimental Biology and Medicine*. – 2016. – P. 1–5. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10517-016-3474-3>
 20. **Golovin M. S., Balioz N. V., Aizman R. I., Krivoshchekov S. G.** Effect of audiovisual on the psychophysiological functions in track-and-field athletes // *Human Physiology*. – 2015. – Vol. 41, № 5. – P. 532–538. DOI: <http://dx.doi.org/10.7868/S0131164615050045>
 21. **Krasil'nikova V. A., Buduk-Ool L. K., Aizman R. I.** Morphofunctional development of Tyvan and Russian schoolchildren // *Human Physiology*. – 2008. – Vol. 34, № 1. – P. 66–72.
 22. **Rabinowitz L., Aizman R. I.** The central nervous system in potassium homeostasis // *Frontiers in Neuroendocrinology*. – 1993. – Vol. 14, № 1. – P. 1–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.1006/frne.1993.1001>
 23. **Айзман Р. И., Антоненко Н. П., Великанова Л. К.** Интеграция механизмов регуляции водно-солевого равновесия при возрастающих водных, солевых и объемных нагрузках // *Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова*. – 1980. – Т. 66, № 9. – С. 1404–1411.
 24. **Айзман Р. И., Борисова С. А., Великанова Л. К., Никитина Н. Ф., Попова Е. Б.** Особенности почечных функций и водно-электролитного обмена у детей в условиях Крайнего Севера // *Физиология человека*. – 1990. – Т. 16, № 4. – С. 115–119.

25. Айзман Р. И., Быструшкин С. К., Склянов Ю. И. Водно-солевой обмен материнского и плодового организмов при гидратации в различные периоды беременности // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 1992. – Т. 78, № 6. – С. 97–104.
26. Айзман Р. И., Великанова Л. К., Калмыкова Н. Е., Трофимович Е. М. Особенности регуляции водно-солевого обмена у детей I и II периода детства // Педиатрия. – 1980. – № 2. – С. 35–37.
27. Айзман Р. И., Великанова Л. К., Паутова О. М. Влияние солевых нагрузок на водные разделы организма крыс разного возраста // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. – 1986. – Т. 22, № 2. – С. 149–156.
28. Айзман Р. И., Головин М. С., Гиренко Л. А. Психофизиологические показатели лыжников-гонщиков и биатлонистов разного уровня спортивного мастерства // Теория и практика физической культуры. – 2013. – № 4. – С. 44–47.
29. Айзман Р. И., Калмыкова Н. Е., Борисова С. А., Слинкова И. П. Возрастные особенности водно-солевого обмена у детей и влияние на них некоторых факторов среды // Педиатрия. – 1980. – № 2. – С. 13–27.
30. Айзман Р. И., Корощенко Г. А., Гайдарова А. П., Суботялов М. А., Луканина С. Н., Сахаров А. В. Механизмы действия порошка корневища растения *Curcuma longa* на углеводный обмен при аллоксан-индуцированном сахарном диабете у крыс // Бюллетень сибирской медицины. – 2014. – Т. 13, № 6. – С. 105–112.
31. Айзман Р. И., Петрова О. Н., Тупицин И. О. Возрастные особенности гемодинамики у человека на стимуляцию осморегулирующей системы // Физиология человека. – 1988. – Т. 14, № 4. – С. 647–651.
32. Беличенко В. М., Григорьева Т. А., Шыырапай У. В., Айзман Р. И., Шошенко К. А. Динамика органного кровотока у крыс в постнатальном онтогенезе // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. – 2009. – Т. 45, № 2. – С. 197–201. DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S0022093009020078>
33. Бетехтин М. С., Бородулин В. И., Пашков К. А. Новая венская медицинская школа и её роль в генезисе московской и Санкт-Петербургской дерматологических школ // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2014. – № 2. – С. 45–49.
34. Бородулин В. И., Палеев Н. Р., Тополянский А. В. О кардиологической школе Д. Д. Плетнева: пересмотр взглядов // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2013. – № 1. – С. 51–56.
35. Бородулин В. И., Тополянский А. В. Научная терапевтическая школа А. Н. Крюкова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2012. – № 5. – С. 57–61.
36. Бородулин В. И., Тополянский А. В. Терапевтическая школа В. Д. Шервинского – Л. Е. Голубина в Императорском московском университете и клиника внутренних болезней в СССР: о школе М. П. Кончаловского // История медицины. – 2015. – Т. 2, № 2. – С. 227–241. DOI: <http://dx.doi.org/10.17720/2409-5583.t2.2.2015.17r>
37. Герасёв А. Д., Луканина С. Н., Святаш Г. А., Панин Л. Е., Айзман Р. И. Влияние природных цеолитов на транспорт калия в кишечнике крыс // Сибирский научный медицинский журнал. – 2004. – Т. 24, № 4. – С. 88–90.
38. Герасёв А. Д., Корощенко Г. А., Луканина С. Н., Таранов А. Г., Айзман Р. И. Влияние природных цеолитов на функции почек и водно-солевой обмен у крыс // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 2003. – Т. 89, № 7. – С. 879–887.

39. **Гилинский М. А., Айзман Р. И., Корощенко Г. А., Латышева Т. В., Новоселова Т. И., Петракова Г. М., Суховешин Р. А., Суботялов М. А.** Метиларгинины у крыс в глицириновой модели острой почечной недостаточности // Сибирский научный медицинский журнал. – 2010. – Т. 30, № 4. – С. 82–86.
40. **Глянец С. П.** Профессор Г. А. Орлов и его школа. К 100-летию со дня рождения // Хирургия. Журнал им. Н. И. Пирогова. – 2010. – № 4. – С. 79–80.
41. **Головин М. С., Айзман Р. И.** Влияние аудиовизуальной стимуляции на вегетативную регуляцию и вариабельность сердечного ритма спортсменов циклических видов // Теория и практика физической культуры. – 2015. – № 1. – С. 19–22.
42. **Дмитриева Т. И., Айзман Р. И., Косолапов Г. К., Петерсон В. Д.** Структурно-функциональное состояние почек у детей при дисметаболических нефропатиях // Педиатрия. Журнал им. Г. Н. Сперанского. – 1990. – Т. 69, № 2. – С. 31–36.
43. **Елькова Н. Г., Айзман Р. И.** Формирование водно-электролитного гомеостаза при нормальном и нарушенном эмбриогенезе у крыс // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. – 1993. – Т. 29, № 5–6. – С. 487–494.
44. Ершов К. И., Русова Т. В., Фаламеева О. В., Садовой М. А., Айзман Р. И., Колосова Н. Г. Гликозаминогликаны костного матрикса при развитии остеопороза у преждевременно стареющих крыс *OXYs* // Успехи геронтологии. – 2009. – Т. 22, № 2. – С. 285–291.
45. **Корощенко Г. А., Айзман Р. И., Суботялов М. А., Гайдарова А. П.** Нефропротекторный эффект фитопрепарата «Теджас» на модели острой почечной недостаточности // Растительные ресурсы. – 2014. – Т. 50, № 2. – С. 270–278.
46. **Корощенко Г. А., Суботялов М. А., Герасёв А. Д., Айзман Р. И.** Влияние корневища растения *Curcuma longa* на углеводный обмен крыс в эксперименте // Сибирский научный медицинский журнал. – 2011. – Т. 31, № 3. – С. 92–96.
47. **Кушнер С. Р., Иглина Н. Г., Айзман Р. И.** Влияние водной депривации в период беременности крыс на водно-солевой состав тканей и функции почек потомства первого и второго поколений // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 2001. – Т. 87, № 9. – С. 1184–1192.
48. **Лебедев А. В., Суботялов М. А., Айзман Р. И.** Социотипический портрет студенток ВУЗа с учетом их психофизиологических особенностей // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 3 (47). – С. 154–159.
49. **Микиртичан Г. Л.** Школа Михаила Степановича Маслова // Вопросы современной педиатрии. – 2009. – Т. 8, № 1. – С. 150–154.
50. **Осадчук Л. В., Попова А. В., Туманик О. В., Суботялов М. А., Айзман Р. И.** Андрогенный дефицит у мужчин с избыточной массой тела и ожирением // Проблемы репродукции. – 2012. – № 4. – С. 76–79.
51. **Петрова А. В., Иглина Н. Г., Сахаров А. В., Айзман Р. И.** Морфофункциональное состояние почек у крыс в условиях пренатального введения дексаметазона // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 2004. – Т. 90, № 8–2. – С. 68–69.
52. **Пирумова И. В., Суботялов М. А., Айзман Р. И.** Психофизиологические особенности школьников различных конституциональных типов в условиях традиционного и раздельного обучения // Бюллетень сибирской медицины. – 2005. – Т. 4, № S1. – С. 166.
53. **Рубанович В. Б., Айзман Р. И.** Морфофункциональное развитие подростков в зависимости от степени полового созревания и вида двигательной активности // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 2004. – Т. 90, № 8–2. – С. 420.

54. **Рубанович В. Б., Гиренко Л. А., Айзман Р. И.** Особенности морфофункционального развития мальчиков 7–14 лет разных типов адаптивного реагирования // Физиология человека. – 2003. – Т. 29, № 3. – С. 48–53.
55. **Сафонова О. В., Трофимович Е. М., Айзман Р. И., Корощенко Г. А., Агеева Т. А., Суботялов М. А., Селиванова С. В.** К вопросу комплексной профилактики сахарного диабета с учетом техногенных факторов окружающей среды (экспериментальные данные) // Медицина труда и промышленная экология. – 2012. – № 5. – С. 33–37.
56. **Финкинштейн Я. Д., Айзман Р. И., Тернер А. Я., Пантюхин И. В.** Рефлекторный механизм регуляции калиевого гомеостаза // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 1973. – Т. 59, № 9. – С. 1429–1436.
57. **Финкинштейн Я. Д., Коган А. С., Тернер А. Я., Айзман Р. И.** О локализации осморорецепторов печени // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 1972. – Т. 58, № 5. – С. 722–728.
58. **Шырапай У. В., Беличенко В. М., Шошенко К. А., Айзман Р. И.** Клубочковый аппарат и кровотоки в почках крыс в постнатальном онтогенезе // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 2008. – Т. 94, № 4. – С. 456–464.

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.04)

Anastasia Sergeevna Panova, student of field of study «Biology», training profile «General biology», Institute of natural social and economic sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-0556-0552>

E-mail: anastasiya.panova.95@mail.ru

Mikhail Albertovich Subotyalov, Doctor of Medical Sciences, professor of department of anatomy, physiology and life safety, Novosibirsk State Pedagogical University; Fundamental Medicine Department, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8633-1254>

E-mail: subotyalov@yandex.ru

DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC PHYSIOLOGICAL SCHOOL AT NOVOSIBIRSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

Abstract

Introduction. *The article is devoted to the review of the stages of formation and development of a scientific school on the basis of the Anatomy, Physiology and Safety of Life Department at Novosibirsk State Pedagogical University, which is one of the branches of the largest in the world I.P. Pavlov's physiological school. The purpose of the article is to investigate the process of the formation of a scientific physiological school under the guidance of professor R.I. Aizman.*

Materials and Methods. *The authors employed the comparative-historical and analytic methods of historical-biological research.*

Results. *The results contain identification and presentation of a brief description of the prerequisites and main periods in the development of the scientific school. The authors identified four stages of the scientific school development: the background period, the period of formation, the period of development and the present period. The fundamental role of professor A.G. Ginetsinsky and professor L.K. Velikanova in the formation of the physiological school in Novosibirsk Pedagogical Institute is emphasized. The authors outlined the following key fields of the scientific school: the study of kidney function and water-salt metabolism (renal physiology); research of morphofunctional and psychophysiological basis of health of all participants of the educational process under the influence of various environmental factors; correction of homeostatic parameters of an organism in conditions of pathology and its experimental modeling. The main results of the long-term work of the school are presented. Within the framework of the first direction, the members of the scientific school have studied the formation of mechanisms of osmotic, ionic and volume homeostasis regulation in ontogeny and the development of their reliability; for the first time, all stages of water-salt metabolism regulation mechanisms of humans have been studied; the influence of various factors (environment, gender, type of body constitution, intake of substances) on the system state was established at normal and pathological conditions (diabetes mellitus, renal insufficiency) and methods for correcting disturbed homeostatic parameters were developed. On the second direction, the influence of individual typological and ethnic characteristics, as well as the learning conditions and the level of motor activity on the morphofunctional and psychophysiological parameters of the organism at different stages of ontogeny, have been studied. Within the framework of the third topic, the members of the research team showed the effect of various substances in the experimental modeling of disorders of carbohydrate metabolism, acute renal failure, and osteoporosis.*

Conclusion. In conclusion, the authors confirm the correspondence of the scientific physiological school created under the leadership of R.I. Aizman, to all the criteria of a scientific school (the presence of a leader, the succession of generations, the unity of problems, the duration of existence in time and space, recognition of the contribution to science from other members of the disciplinary scientific community).

Keywords

History; biology; human physiology; school; kidneys; renal function; metabolism; safety.

REFERENCES

1. Aizman R., Brismar H., Celsi G. Nitric oxide inhibits potassium transport in the rat distal colon. *American Journal of Physiology – Gastrointestinal and Liver Physiology*. 1999, vol. 276, no. 1 39-1, pp. 146–154.
2. Aizman R. I., Buduk-Ool L. K. S., Krasil'nikova V. A. Morphological, functional and psychological development of children living permanently in the Tuva republic. *Alaska Medicine*. 2007, vol. 49, no. 2, pp. 133–138.
3. Aizman R. I., Golovin M. S., Girenko L. A. Age-specific features in renal response to food intakes and training loads in young professional skiers. *Human Physiology*. 2014, vol. 40, no. 4, pp. 450–455.
4. Aizman R., Grahnquist L., Celsi G. Potassium homeostasis: ontogenetic aspects. *Acta Paediatrica, International Journal of Paediatrics*. 1998, vol. 87, no. 6, pp. 609–617. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/080352598750013987>
5. Aizman R. I., Koroshchenko G. A., Gaidarova A. P., Lukanina S. N., Subotyalov M. A. The mechanisms of plant rhizome *Curcuma longa* action on carbohydrate metabolism in alloxan – induced diabetes mellitus rats. *American Journal of Biomedical Research*. 2015, vol. 3, no. 1, pp. 1–5.
6. Aizman R. I., Koroshchenko G. A., Gaidarova A. P., Sakharov A. V., Subotyalov M. A. The mechanisms of *Curcuma longa* rhizome action on glucose metabolism in alloxan – induced diabetic rats. *International Ayurvedic Medical Journal*. 2014, vol. 2, no. 5, pp. 752–760.
7. Aizman R. I., Rabinowitz L., Mayer-Harnisch C. Early effects of uninephrectomy on K homeostasis in unanesthetized rats. *American Journal of Physiology – Regulatory Integrative and Comparative Physiology*. 1996, vol. 270, no. 2 39-2, pp. R434–R442.
8. Aizman R., Wang Z. M., Yasui M., Celsi G., Aperia A. Developmental changes of N/K-ATPase in rat colon. *Pediatric Nephrology*. 1994, vol. 8, no. 5, pp. 60.
9. Aperia A., Cheng X. -J., Fisone G., Aizman O., Aizman R., Levenson R., Greengard P. PKA-mediated phosphorylation and inhibition of Na⁺-K⁺-ATPase in response to β-adrenergic hormone. *American Journal of Physiology – Cell Physiology*. 1997, vol. 273, no. 3 42-3, pp. 893–901.
10. Celsi G., Kistner A., Aizman R., Eklöf A. Ch., Ceccatelli S., Santiago A. De., Jacobson S. H. Prenatal dexamethasone causes oligonephronia, sodium retention, and higher blood pressure in the offspring. *Pediatric Research*. 1998, vol. 44, no. 3, pp. 317–322. DOI: <http://dx.doi.org/10.1203/00006450-199809000-00009>
11. Chanchaeva E. A., Aizman R. I. Age-related changes in blood plasma antioxidant activity in population of the Southern Altai. *Journal of Evolutionary Biochemistry and Physiology*. 2012, vol. 48, no. 2, pp. 152–154. DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S0022093012020041>
12. Chanchaeva E. A., Aizman R. I. Interethnic differences in biochemical adaptation of the population of Gornyi Altai. *Human Physiology*. 2014, vol. 40, no. 2, pp. 179–183. DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S0362119714020054>
13. Chanchaeva E. A., Aizman R. I., Gerasev A. D. Contemporary perception of antioxidant system of human organism. *Human Ecology*. 2013, no. 7, pp. 50–58.

14. Chanchaeva E. A., Aizman R. I., Sidorov S. S. Gender variability of morphofunctional indices in adolescents of mountain Altai. *Gigiena i sanitariia*. 2016, vol. 95, no. 3, pp. 269–273. DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/0016-9900-2016-95-3-269-273>
15. Chanchaeva E. A., Kogteva O. S., Aizman R. I. Antioxidant activity of blood plasma in Altai aborigines. *Human physiology*. 2012, vol. 38, no. 2, pp. 206–211. DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S0362119712010069>
16. Garty H., Lindzen M., Scanzano R., Aizman R., Fuzesi M., Goldshleger R., Farman N., Blostein R., Karlish S. J. A functional interaction between CHIF and Na-K-ATPase: implication for regulation by FXFD proteins. *American Journal of Physiology – Renal Physiology*. 2002, vol. 283, no. 4, pp. 607–615. DOI: <http://dx.doi.org/10.1152/ajprenal.00112.2002>
17. Gerasev A. D., Lukanina S. N., Koroshchenko G. A., Aizman R. I. Nutrition using natural zeolites for treatment of acute renal insufficiency. *Peritoneal Dialysis International*. 2001, vol. 21, no. S2, p. 35.
18. Girenko L. A., Rubanovich V. B., Aizman R. I. Morphofunctional characteristics of 12- to 14-year-old boys as dependent on their physiological and chronological ages. *Human Physiology*. 2005, vol. 31, no. 3, pp. 346–351. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10747-005-0055-7>
19. Golovin M. S., Aizman R. I. Audiovisual Stimulation Modulates Physical Performance and Biochemical and Hormonal Status of Athletes. *Bulletin of Experimental Biology and Medicine*. 2016, pp. 1–5. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10517-016-3474-3>
20. Golovin M. S., Balioz N. V., Aizman R. I., Krivoshechekov S. G. Effect of audiovisual on the psychophysiological functions in track-and-field athletes. *Human Physiology*. 2015, vol. 41, no. 5, pp. 532–538. DOI: <http://dx.doi.org/10.7868/S0131164615050045>
21. Krasil'nikova V. A., Buduk-Ool L. K., Aizman R. I. Morphofunctional development of tyvan and Russian schollchildren. *Human Physiology*. 2008, vol. 34, no. 1, pp. 66–72.
22. Rabinowitz L., Aizman R. I. The central nervous system in potassium homeostasis. *Frontiers in Neuroendocrinology*. 1993, vol. 14, no. 1, pp. 1–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.1006/frne.1993.1001>
23. Aizman R. I., Antonenko N. P., Velikanova L. K. Integration of mechanisms of regulation of water-salt balance during the growing water, salt and volume loads. *Neuroscience and Behavioral Physiology – Sechenov Physiology Journal*. 1980, vol. 66, no. 9, pp. 1404–1411. (In Russian)
24. Aizman R. I., Borisova S. A., Velikanova L. K., Nikitina N. F., Popov E. B. Features of renal function and water and electrolyte metabolism in children in the far North. *Human Physiology*. 1990, vol. 16, no. 4, pp. 115–119. (In Russian)
25. Aizman R. I., Bystrushkin S. K., Sklyanov Yu. I. The water-salt metabolism during hyperhydration in different periods of pregnancy and its effect on the mother and foetus organisms. *Neuroscience and Behavioral Physiology – Sechenov Physiology Journal*. 1992, vol. 78, no. 6, pp. 97–104. (In Russian)
26. Aizman R. I., Velikanova L. K., Kalmykova N. E., Trofimovich E. M. Peculiarities of regulation of water-salt metabolism in children I and II period of childhood. *Pediatrics*. 1980, no. 2, pp. 35–37. (In Russian)
27. Aizman R. I., Velikanova L. K., Pautova O. M. The effect of salt loading on water basins in the organism of rats from various age groups. *Journal of Evolutionary Biochemistry and Physiology*. 1986, vol. 22, no. 2, pp. 149–156. (In Russian)
28. Aizman R. I., Golovin M. S., Girenko L. A. Psychophysiological characteristics of racing skiers and biathletes of different levels of sportsmanship. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2013, no. 4, pp. 44–47. (In Russian)
29. Aizman R. I., Kalmykova N. E., Borisova S. A., Slinkova I. P. Age peculiarities of water-salt metabolism in children and influence of certain environmental factors. *Pediatrics*. 1980, no. 2, pp. 13–27. (In Russian)

30. Aizman R. I., Koroshchenko G. A., Gaidarova A. P., Subotyalov M. A., Lukanina S. N., Sakharov A. V. Mechanisms of action of the powder of *Curcuma longa* rhizome plant on a carbohydrate metabolism at alloxan-induced diabetic rats. *Bulletin of Siberian Medicine*. 2014, vol. 13, no. 6, pp.105–112. (In Russian)
31. Aizman R. I., Petrov O. N., Tupitsin, I. O. Age features of hemodynamics in man to stimulation of the osmoregulation system. *Human Physiology*. 1988, vol. 14, no. 4, pp. 647–651. (In Russian)
32. Belichenko B. M., Grigorieva T. A., Shyyrapai U. V., Aizman R. I., Shoshenko K. A. Dynamics of organ blood flow in rats in postnatal ontogenesis. *Journal of Evolutionary Biochemistry and Physiology*. 2009, vol. 45, no. 2, pp. 246–251. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S0022093009020078>
33. Betekhtin M. S., Borodulin V. I., Pashkov K. A. The new Vienna medical school and its role in genesis of the Moscow and St. Petersburg dermatological schools. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*. 2014, no. 2, pp. 45–49. (In Russian)
34. Borodulin V. I., Paleyev N. R., Topoliyanskiy A. V. About the cardiologic school of D. D. Pletniev: the revision of views. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*. 2013, no. 1, pp. 51–56. (In Russian)
35. Borodulin V. I., Topoliyansky A. V. The scientific therapeutic school of A. N. Kryukov. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*. 2012, no. 5, pp. 57–61. (In Russian)
36. Borodulin V. I., Topoliyansky A. V. V.D. Shervinskiy - L.E. Golubinin Therapeutic School at the Imperial Moscow University and USSR Department of Internal Medicine: M.P. Konchalovsky's School. *History of Medicine*. 2015, vol. 2, no. 2, pp. 227–241. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17720/2409-5583.t2.2.2015.17r>
37. Gerashev A. D., Lukanina S. N., Svyatash G. A., Panin L. E., Aizman R. I. Effect of natural zeolites on K transport in the rat gut. *The Siberian Scientific Medical Journal*. 2004, vol. 24, no. 2, pp. 88–90. (In Russian)
38. Gerashev A. D., Koroshchenko G. A., Lukanina S. N., Taranov A. G., Aizman R. I. Effect of natural zeolites on renal functions and water-salt metabolism in rats. *Neuroscience and Behavioral Physiology – Sechenov Physiology Journal*. 2003, vol. 89, no. 7, pp. 879–887. (In Russian)
39. Gilinsky M. A., Aizman R. I., Koroshchenko G. A., Latysheva T. V., Novoselova T. I., Petrakova G. M., Sukhovshin R. A., Subotyalov M. A. Methylarginines in glycerol induced acute renal failure of rat. *The Siberian Scientific Medical Journal*. 2010, vol. 30, no. 4, pp. 82–86. (In Russian)
40. Gliantsev S.P. Professor G.A. Orlov and his school. The 100th anniversary of birth. *Surgery. Pirogov Journal*. 2010, no. 4, pp. 79–80. (In Russian)
41. Golovin M. S., Aizman R. I. The effect of audio-visual stimulation on autonomic regulation and heart rate variability of athletes specializing in cyclic sports. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2015, no. 1, pp. 19–22. (In Russian)
42. Dmitrieva T. I., Aizman R. I., Kosolapov G. K., Peterson, V. D. Structural and functional state of the kidneys in children with dysmetabolic nephropathies. *Pediatrics. Speransky Journal*. 1990, vol. 69, no. 2, pp. 31–36. (In Russian)
43. Elkova N. G., Aizman R. I. The development of water and salt homeostasis during normal and abnormal embryogenesis in rats. *Journal of Evolutionary Biochemistry and Physiology*. 1993, vol. 29, no. 5–6, pp. 487–494. (In Russian)
44. Ershov K. I., Rusova T. V., Falameeva O. V., Sadovoy M. A., Aizman R. I., Kolosova N. G. Bone matrix glycosaminoglycans and osteoporosis development in early aging OXYS rats. *Advances in Gerontology*. 2011, vol. 1, no. 1, pp. 57–62. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S2079057011010061>

45. Koroshchenko G. A., Aizman R. I., Subotyalov M. A., Gajdarova A. P. Nephroprotective effect of herbal remedy Tejas on model acute renal failure. *Plant Resources*. 2014, vol. 50, no. 2, pp. 270–278. (In Russian)
46. Koroshchenko G. A., Subotyalov M. A., Gerasev A. D., Aizman R. I. Influence of a rhizome of plant *Curcuma longa* on a carbohydrate balance in experiments on rats. *The Siberian Scientific Medical Journal*. 2011, vol. 31, no. 3, pp. 92–96. (In Russian)
47. Kushner S. R., Iglina N. G., Aizman R. I. Effect of the water deprivation during pregnancy on the water-salt tissue composition and kidney function in the rat offspring of the first and second generation. *Neuroscience and Behavioral Physiology – Sechenov Physiology Journal*. 2001, vol. 87, no. 9, pp. 1184–1192. (In Russian)
48. Lebedev A. V., Subotyalov M. A., Aizman R. I. Sociotipičeskij portrait of the female students of the University, taking into account their psycho-physiological characteristics. *The Bulletin of Kemerovo State University*. 2011, no. 3 (47), pp. 154–159. (In Russian)
49. Mikirtichan G. L. Michael Maslov's school. *Issues of Modern Pediatrics*. 2009, vol. 8, no. 1, pp. 150–154. (In Russian)
50. Osadchuk L. V., Popova A. V., Tumanik O. V., Subotyalov M. A., Aizman R. I. Androgens deficiency in men with overweight and obesity. *Problems of Reproduction*. 2012, no. 4, pp. 76–79. (In Russian)
51. Petrova A. V., Iglina N. G., Sakharov A. V., Aizman R. I. Effect of dexamethasone on morphology and renal function in rats. *Neuroscience and Behavioral Physiology – Sechenov Physiology Journal*. 2004, vol. 90, no. 8–2, pp. 68–69. (In Russian)
52. Pirumova I. V., Subotyalov M. A., Aizman R. I. Psychophysiological characteristics of students of different constitutional types in traditional and single-sex education. *Bulletin of Siberian Medicine*. 2005, vol. 4, no. S1, p. 166. (In Russian)
53. Rubanovich V. B., Aizman R. I. Morphofunctional development of adolescents depending on sexual maturity and type of physical activity. *Neuroscience and Behavioral Physiology – Sechenov Physiology Journal*. 2004, vol. 90, no. 8–2, p. 420. (In Russian)
54. Rubanovich V. B., Girenko L. A., Aizman R. I. Characteristics of the Morphofunctional Development of 7- to 14-Year-Old Boys with Different Types of Adaptive Response. *Human Physiology*. 2003, vol. 29, no. 3, pp. 48–53. (In Russian)
55. Sazonova O. V., Trofimovich E. M., Korotcenko G. A., Ageeva T. A., Aizman R. I., Subotyalov M. A., Selivanova S. V. To question about integrated prevention of diabetes taking into account the man-made factors of environment (experimental results). *Occupational Medicine and Industrial Ecology*. 2012, no. 5, pp. 33–37. (In Russian)
56. Finkinshtein Ya. D., Aizman R. I., Turner A. Ya., Pantyuchin I. V. Reflex mechanism of potassium homeostasis regulation. *Neuroscience and Behavioral Physiology – Sechenov Physiology Journal*. 1973, vol. 59, no. 9, pp. 1429–1436. (In Russian)
57. Finkinshtein Ya. D., Kogan A. S., Turner A. Ya., Aizman R. I. On liver osmoreceptor localization. *Neuroscience and Behavioral Physiology – Sechenov Physiology Journal*. 1972, vol. 58, no. 5, pp. 722–728. (In Russian)
58. Shyrapai U. V., Belichenko V. M., Shoshenko C. A., Aizman R. I. The glomerular apparatus and renal blood flow in rats during postnatal ontogenesis. *Neuroscience and Behavioral Physiology – Sechenov Physiology Journal*. 2008, vol. 94, no. 4, pp. 456–464. (In Russian)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

www.vestnik.nspu.ru

МАТЕМАТИКА И
ЭКОНОМИКА

MATHEMATICS AND ECONOMICS

© А. Ж. Жафяров

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.05)

УДК 371

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ВНЕДРЕНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ МАТЕМАТИКИ

А. Ж. Жафяров (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. В статье подробно изложены этапы авторской технологии внедрения компетентностного подхода в учебный процесс. Это продемонстрировано на примере изучения темы об иррациональности в школьном курсе математики.

Методология. В основу исследования положены методология и технология внедрения компетентностного подхода в процессе изучения школьного курса математики; материалы и методы изучения темы об иррациональности.

Результаты. На основе указанной технологии построены две модели: формирование базисной компетентности и повышение компетентности учителя по названной теме в целом. Введено более целесообразное определение равносильности математических объектов (уравнений, неравенств, систем и совокупностей), которое позволяет обоснованно излагать школьный курс математики, в частности тему об иррациональности. Отмечается: 1) ключевые понятия КП весьма сложные; 2) торжествует большая путаница в определениях этих понятий; 3) по краткой схеме трудно усвоить на должном уровне сущность любой технологии. Поэтому автор предлагает статью, в которой реализует эту технологию в процессе изучения темы об иррациональности (также известную под названием «Функция переменных рациональных степеней и ее приложения»). Целесообразность выбора именно этой темы обусловлена следующими обстоятельствами: эта тема вызывает большие трудности у учителей (не только у российских), студентов педагогических вузов и как следствие – у старшеклассников; ежегодно на ЕГЭ предлагаются задачи по этой тематике, на которых старшеклассники теряют баллы; почти нет учебных пособий, с помощью которых можно было бы освоить указанную тематику.

Заключение. Внедрение предлагаемой технологии изучения школьного курса математики будет способствовать повышению качества математического образования и личностного развития учащихся.

Ключевые слова: компетенция; компетентность; внедрение компетентностного подхода; учебный процесс; модели формирования компетентности; модели повышения компетентности; равносильность математических объектов.

Жафяров Акрам Жафярович – доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой геометрии и методики обучения математике, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: akram39@yandex.ru

Постановка проблемы. Методология

1. Определения ключевых понятий компетентностного подхода (далее – КП). Уже есть много определений понятия «компетенция» [1–10; 19–22]. Из определений многих авторов следует, что компетенция – свойство человека. Сторонников этого направления очень много: представители зарубежья, отечественные исследователи и даже академики РАО. Другая группа авторов дает пустое определение типа: компетенция – не свойство человека. Автор не согласен с такими определениями понятия компетенции, во многих работах (см. список литературы [11–18]) обосновывал ложность такого подхода, поскольку из-за него создается противоречивая ситуация. В таких ситуациях по теореме знаменитого немецкого ученого К. Геделя любое предложение можно доказать как истинное. Здесь нет необходимости повторяться, интересующиеся могут познакомиться с подробными доказательствами, прочитав изданные работы автора.

Ниже приведены авторские определения понятий компетенция и компетентность.

Определение 1. Компетенция в данной области деятельности человечества – это всего лишь название вида деятельности. Ее сущностью является то, что человечество должно быть готово решать конкретные проблемы данной области деятельности.

Из этого определения следует, что компетенция относится ко всему человечеству. Но объем понятия компетенция шире, чем совокупность видов деятельности всего человечества. Сказанное подтверждает следующий пример.

Со временем, когда условия жизни на планете Земля сильно ухудшатся, человечество, чтобы спасти цивилизацию, должно будет решать проблему переселения людей на другие планеты. Но людей, компетентных в

области переселения людей на другие планеты, нет, а компетенция – вид деятельности, связанный с переселением людей, уже есть. Это говорит о том, что приведенные выше определения понятия «компетенция» не выдерживают критики. Понятие «компетенция» относится к категории долженствования. В приведенном примере компетенция – переселение людей – вызвана необходимостью спасения жизни этих людей, а не тем, что кто-то из них способен это сделать, как утверждается в определениях многих авторов.

Определение 2. Компетентностью индивидуума в данной области деятельности человечества назовем владение им соответствующими компетенциями.

Из этого определения следует, что компетентность – это свойство конкретного человека, она относится только к личности [11].

Результаты исследования

2. Этапы технологии внедрения КП в учебный процесс. Указанная технология состоит из трех этапов. Первый – формирование базисных компетенций объекта изучения (далее – ОИ) (темы, дисциплины, укрупненной дидактической единицы (далее – УДЕ)). Вторым этапом – формирование базисной компетентности, т. е. компетентности по всем базисным компетенциям ОИ. Третий этап – повышение компетентности по объекту изучения в целом. Рассмотрим описание этапов, их реализацию в процессе изучения темы «Функция переменных рациональных степеней и ее приложения».

Первый этап – формирование базисных компетенций

Базисные компетенции должны удовлетворять некоторым универсальным требованиям. Они разработаны автором на основе пяти предложений Болонского соглашения.

Но эти предложения существенно расширены и конкретизированы. Такая необходимость вызвана тем, что на основе обобщенных предложений и без какой-либо конкретизации невозможно построить эффективную технологию.

Общие требования к формированию базисных компетенций

Обучающийся должен:

а) знать определения и свойства базисных понятий, на основе которых создана данная базисная компетенция;

б) уметь применять данные знания для решения учебно-познавательных и практико-ориентированных задач;

в) владеть в целом знаниями и умениями для решения стандартных и нестандартных задач, для постановки проблем и их решения;

г) приобретать навыки инновационной, творческой и исследовательской деятельности;

д) непрерывно совершенствовать свои знания и умения, владение изученным материалом и исследовательской деятельностью в процессе изучения последующих тем данной и смежных дисциплин.

Определение 3. Обучающийся считается компетентным по данной базисной компетенции (далее – БК), если он владеет перечисленными микрокомпетенциями (дескрипторами) по отношению к этой компетенции.

Формирование базисных компетенций объекта изучения ОИ состоит из двух или трех шагов. В зависимости от сложности ОИ применяется либо первый подход, либо второй.

Первый подход (через базисные понятия) применяется, если объект изучения обыкновенный, т. е. ОИ представим в виде набора таких базисных понятий (далее – БП) из которых можно сформировать структуру и содержание базисных компетенций ОИ, адекватных как соответствующим государственным стандартам, так и их изложению в школьных учебниках и задачах ЕГЭ. В качестве примера приведем тему «Делимость целых чисел». На основе семи понятий можно на высоком уровне изложить эту тему¹.

Второй подход (через УДЕ) используется, если изучаемый объект особый, т. е. в его представлении в виде БП не выполнено хотя бы одно из указанных выше требований. Примером может служить изучение дисциплины «Стереометрия»².

Есть еще третий (гибридный) подход, в котором используются в качестве БП компетенции либо только одно понятие, либо несколько понятий.

Продемонстрируем сказанное на примере темы «Функция переменных рациональных степеней и ее приложения» (табл. 1).

Из таблицы 1 следует:

1) указанную тему можно изучить на восьми базисных понятиях;

2) БК-1 построена на основе только одного базисного понятия, все остальные состоят из двух базисных понятий, причем у всех этих компетенций одним из понятий является равносильность математических объектов (уравнений, неравенств, систем, совокупностей). Это вызвано тем, что, по мнению автора, математика начинается только там, где функционирует равносильность. Имеет смысл

¹ Жафяров А. Ж., Никитина Е. С., Слепцова А. Е. Дидактическое обеспечение работы учителей с детьми, одаренными в области математики: учебное пособие. – Якутск: СВФУ, 2016. – 254 с.

² Жафяров А. Ж., Жафяров А. А., Хасанов Н. А. Методология и технология формирования компетентности учителей, студентов, адъюнктов и учащихся по теме «Стереометрия». – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – 215 с.

привести авторское определение равносильности, которое является более общим, как в смысле областей применения, так и в методах доказательства равносильности.

Определение 4. Два математических объекта назовем равносильными на множестве W , если они на W имеют одно и то же множество решений.

Таблица 1

**Структура базисных компетенций на примере темы
«Функция переменных рациональных степеней и ее приложения»**

Table 1

**The structure of basic competencies on the example of the topic
"Variables rational Function of degree and its applications"**

№ пп	Базисные понятия	Структура базисных компетенций
1	Функция переменных рациональных степеней	Корень n -й степени, арифметический корень, функция переменных рациональных степеней
2	Иррациональные уравнения	Иррациональные уравнения. Равносильность
3	Иррациональные неравенства	Иррациональные неравенства. Равносильность
4	Системы иррациональных уравнений	Системы иррациональных уравнений. Равносильность
5	Системы иррациональных неравенств	Системы иррациональных неравенств. Равносильность
6	Смешанные системы	Смешанные системы. Равносильность
7	Совокупности	Совокупности. Равносильность
8	Равносильность математических объектов	–

**Формирование базисных компетенций
темы об иррациональности**

Каждая базисная компетенция – это то, что должен уметь делать обучающийся, после изучения базисных понятий этой компетенции. На основе сказанного и общих требований к формированию базисных компетенций дадим формулировки БК-1, БК-2, ..., БК-7.

Формулировка БК-1. **Обучающийся должен:**

– **знать** определения базисных понятий и их свойства, в частности, определения и свойства корня n -ой степени, арифметического корня; функции переменных рациональных степеней, области определения и значений функции, естественной области определения названной функции;

– **уметь** применять знания для решения учебно-познавательных и практико-ориентированных задач, особенно задач ЕГЭ;

– **владеть** знаниями и умениями для решения стандартных и нестандартных задач, постановки проблем и их решения;

– **приобретать** навыки инновационной, творческой и исследовательской деятельности;

– **непрерывно совершенствовать** свои знания, умения, владения изученным материалом и исследовательской деятельностью.

Аналогично создаются формулировки БК-2, ..., БК-7.

Второй этап – формирование базисной компетентности

Чтобы быть компетентным по всем базисным компетенциям любого объекта изучения, обучающийся должен выполнить все требования Определения 3. Сказанное полностью относится и к БК-1 по рассматриваемой теме. Названные нами требования к формированию базисных компетенций очень серьезные, поэтому обучающийся должен иметь возможность для усвоения на современном уровне теории, практики, инновационной, творческой и исследовательской деятельности. Второй этап и предназначен для этого.

Здесь мнения ученых расходятся. Например, великий не только как философ, но и как педагог, мыслитель И. Кант утверждает: «Учить не мыслям, а мыслить!» Но в XXI веке трудно с этим согласиться, особенно с первой частью, вторая часть превосходна, она именно в стиле этого века. Наш век отличается от других тем, что ныне существенно возросла скорость удвоения результатов научных исследований. С одной стороны, если раньше указанные успехи достигались за столетия, а в конце двадцатого столетия – за 10 лет, то в XXI веке по некоторым направлениям научной деятельности (информационно-коммуникационные технологии, нано-технологии) удвоение достигается за полтора года. С другой – ни один индивидуум ни в какой научно-практической области, где уже накоплен большой объем информации и достигнуты значимые практические результаты, не может внести существенный вклад без соответствующей подготовки. Следовательно, необходимо внести коррекцию относительно первой части высказывания И. Канта. Автор это изложил следующим образом: «Учить и мыслям, и мыслить!»

Второй этап – формирование базисной компетентности – реализован именно на указанной концепции автора. Он состоит из двух шагов:

- 1) «Учим мыслям»,
- 2) «Учим мыслить».

Первый шаг касается теории и практики по тематике объекта изучения. Главная цель – осовременить эти параметры, т. е. с учетом современных достижений в этой области: критически изучить теорию и методы применения этой теории для решения учебно-познавательных и практико-ориентированных задач. Такой подход необходим для достижения двух целей: обновить учебно-дидактический материал и за счет критического отношения подготовить обучающихся к инновационной деятельности. Приведем пример, подтверждающий необходимость обновления.

Задача. Дан правильный треугольник ABC и окружность W , описанная около этого треугольника. Докажите, что для любой точки M дуги AC данной окружности длина отрезка BM равна сумме длин отрезков AM и CM .

Традиционными евклидовыми методами эта задача решается на трех страницах, а современным методом геометрических преобразований на трех строчках.

Второй шаг – «Учим мыслить» – в аспекте предложенной технологии означает:

- формирование инновационной деятельности обучающихся, достигается за счет самостоятельного решения специально подобранных задач и воспитания ответственности;
- приобретение навыков творческой и исследовательской деятельности, достигается за счет выполнения творческих заданий.

Все сказанное продемонстрируем на примере БК-1, рассматриваемой темы об иррациональности. Начнем с критического изучения теории и методов применения этой теории

для решения учебно-познавательных и практико-ориентированных задач, затем формирование инновационной деятельности обучающихся и т. д.

Краткая теория об определениях и свойствах следующих понятий: корень n -й степени, арифметический корень, функция переменных рациональных степеней.

Для обеспечения мотивации рассматриваются задачи ЕГЭ и олимпиадные, анализируются типичные ошибки. Обращаем серьезное внимание на недостатки школьных учебников, которые и породили указанные ошибки. Иначе говоря, осовремениваем теорию, вырабатываем критическое отношение к предлагаемой информации, закладываем начало формирования у обучающихся инновационной деятельности.

Практика по решению учебно-познавательных и практико-ориентированных задач. Совместно с учащимися решаем широкий набор типовых задач по данной тематике, под названием демонстрационные примеры. Вырабатываем критическое отношение как к содержанию задач, так и методам их решения. В качестве образца приведем пример:

При каких значениях a область определения функции $f(x) = \sqrt{2ax - x^2 - 5} + \sqrt{1-x}$ состоит из одной точки?

Формирование инновационной деятельности за счет самостоятельного решения специально подобранных задач. Например, при каких значениях a область определения функции $f(x) = \sqrt{2ax - x^2 - 5} + \sqrt{1-x}$ содержит отрезок $\left[\frac{1}{2}; 1\right]$?

Приобретение навыков творческой и исследовательской деятельности реализуется за счет выполнения творческих заданий. Например, при каких значениях параметра a область значений функции $f(x) = \sqrt{(2a+1)x - x^2 - 4a}$ содержит отрезок $[-1; 1]$?

Аналогично формируется компетентность по базисным компетенциям БК-2, ..., БК-7. Теперь все готово для построения модели компетентности учителя по базисным компетенциям рассматриваемой темы (табл. 2).

Таблица 2

**Формирование базисной компетентности по теме:
«Функция переменных рациональных степеней и ее приложения»**

Table 2

**The formation of basic competencies of the theme
"Variables rational Function of degree and its applications"**

Компетенции		Субъекты	Методы и приемы
ПУ	Базисные темы		
1) мотивированность и направленность 2) современные знания предмета и истории его развития 3) умение применять знания для решения задач 4) владение методикой преподавания и культурой педагогического общения	1) функция переменных рациональных степеней 2) уравнения и равносильность 3) неравенства и равносильность 4) системы уравнений и равносильность	Учащиеся Учителя Студенты-педагоги	1) индивидуализация 2) дифференциация 3) деятельностный подход 4) ИКТ 5) организация самостоятельной работы, инновационной и творческой деятельности

5) готовность к инновационной и творческой деятельности 6) нацеленность на профессиональное самосовершенствование и личностное развитие 7) умение достигать поставленной цели 8) большая работоспособность и стрессоустойчивость 9) нацеленность на принятие обоснованных решений	5) системы неравенств и равносильность 6) смешанные системы и равносильность 7) совокупности и равносильность		6) обеспечение образовательного процесса: – компетентными педагогическими кадрами, – литературой, – современными техническими средствами обучения
---	---	--	--

Из таблицы 2 следует формирование компетентности по компетенциям профессии учителя и базисным компетенциям (рис. 1).

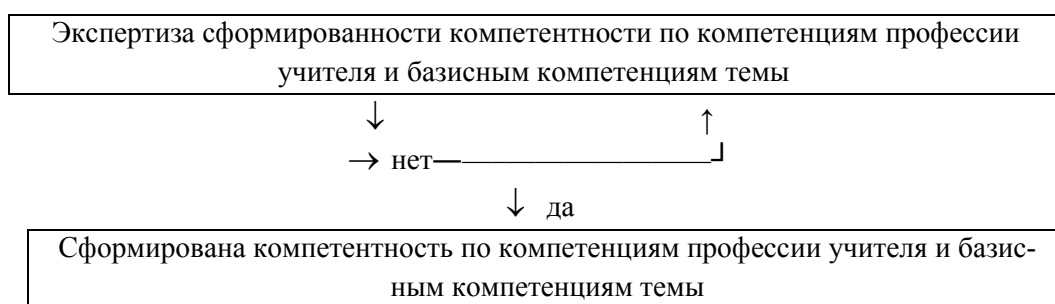

Рис. 1. Модель Ф-ПУ. Формирование компетентности по компетенциям профессии учителя и базисным компетенциям темы: «Функция переменных рациональных степеней и ее приложения»

Fig. 1. Model. The formation of competence and competence of the teaching profession basic competencies theme: Variables rational Function of degree and its applications

Третий этап – повышение компетентности в целом

Рассмотрим повышение компетентности по теме «Функция переменных рациональных степеней и ее приложения». Сущность этого этапа заключается в повышении компетентности по теме в целом, а не только по базисным компетенциям. Достигается это за счет регулярного использования знаний, умений и

навыков по теме: как в процессе изучения последующих тем, так и повторения пройденных (повышение компетентности по вертикали). Повышение компетентности по горизонтали обеспечивается за счет обогащения процесса изучения темы соответствующими результатами высшей математики и использования полученных знаний, умений и навыков при изучении профильных дисциплин, решении практико-ориентированных проблем. Приведем

интеграционную модель повышения компетентности в целом по теме «Функция переменных рациональных степеней и ее приложения» (рис. 2).

Тема «Функция переменных рациональных степеней и ее приложения» изучается в школе поверхностно. Если до ЕГЭ не повторять эту тему, то у учащихся достаточно времени для основательного забывания тех знаний, которые были получены. К этому негативу следует добавить, что уровень задач ЕГЭ по этой тематике очень высокий («задание 18» для профильного уровня). Поэтому становится понятной причина возникновения стрессовой, а иногда и критической ситуации. Вызвано это тем, что абсолютное большинство учащихся не могут решать задачи уровня «задания 18», т. к. многие учителя тоже не справляются с этими типами задач, нет соответствующих учебников, а в педагогических вузах сокращены часы на математику, не хватает времени на усвоение даже государственных стандартов.

Без интеграции рассматриваемой темы с высшей математикой (первое направление), без мер, связанных с повторением данной темы в процессе изучения остальных тем школьного курса математики (далее – ШКМ) (второе направление), невозможно добиться успеха на ЕГЭ. Коротко об интеграции с высшей математикой: все базисные понятия, их свойства, большой задачный материал взяты из теории высшей алгебры, теории чисел и задач ЕГЭ.

Очень важным в математике является понятие равносильности, практически математика начинается там, где есть равносильность. Дано авторское определение равносильности математических объектов, более

компактное и демократичное, чем традиционное определение этого понятия. Равносильность двух высказываний, принцип необходимости и достаточности, кванторы из курса математической логики адаптированы для ШКМ.

На интеграции алгебры и математического анализа изучены линейные и квадратичные функции, функции от переменных высших степеней, иррациональность, логарифмические и показательные функции, последовательности (в частности прогрессии), тригонометрические функции. Из курса геометрии использованы кривые второго порядка (окружность, гипербола), графический способ решения задач, геометрические задачи на экстремум и целочисленность, принцип Дирихле в геометрии. Интеграция ШКМ с высшей математикой повышает уровень научно-методического изложения школьного курса математики, чем и способствует повышению уровня компетентности учащихся, учителей и любого обучающегося. Интеграция темы об иррациональности с остальными темами ШКМ предназначена для сохранения приобретенных знаний, их углубления и расширения. Достигается это за счет разработки специальных задач по каждой теме ШКМ. От решения таких задач выигрывают обе темы, т. к. расширяется кругозор и достигается единство всей математики. Будет успешнее, если сказанное единство объединится с олимпиадным движением, участием в конкурсах. Учащимся, особенно одаренным, необходимо самим проявлять инициативу в научно-исследовательской деятельности. Любое проявление самостоятельности и достижение хотя бы некоторых результатов – путь к достижению цели.

Интеграции темы «Функция переменных рациональных степеней и ее приложения»	В ы с ш а я м а т е м а т и к а				
	Теория чисел	Алгебра	Геометрия	Математический анализ	Математическая логика
Ш К М: линейность, квадратичность, высшая степень, иррациональность, a^x , $\log_a x$, прогрессии, тригонометрия, геометрия, ЕГЭ	«Среда» повышения уровня компетентности по теме				
	Базисные компетенции темы				
	1. Функция переменных рациональных степеней 2. Уравнения и равносильность 3. Неравенства и равносильность 4. Системы уравнений и равносильность 5. Системы неравенств и равносильность 6. Смешанные системы и равносильность 7. Совокупности и равносильность				

Рис. 2. Интеграционная модель повышения уровня компетентности по теме «Функция переменных рациональных степеней и ее приложения»

Fig. 2. The integration model of competence on the theme The rational function of variable degree and its applications

Выводы

1. Учебно-дидактическое обеспечение, составленное на основе авторской технологии, содержит: а) обновленную теорию и методы ее применения для решения задач и проблем, в разработке которых активное участие принимают сами обучающиеся, при этом они приобретают навыки критического мышления и инновационной деятельности; б) качественные материалы для организации самостоятельной работы, творческой и исследовательской деятельности учащихся и для самообразования учителей.

2. Внедрение предлагаемой технологии изучения школьного курса математики будет

способствовать повышению качества математического образования и личностного развития учащихся.

3. Все заинтересованные во внедрении компетентного подхода в учебный процесс получают простой метод реализации, состоящей из двух частей: первая – создаем учебно-дидактическое обеспечение (темы, дисциплины и т. д.); вторая – активизируем деятельность обучающихся в соответствии с требованиями к формированию базисной компетентности.

4. Сказанное позволяет не тратить время и энергию на изучение материалов о компетентном подходе, опубликованных в виде статей, учебных пособий и монографий или размещенных в Интернете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ashby W. R.** Design for a brain. The origin of adaptive behavior. – London: Chapman and Hall, 1960. – 389 p.
2. **Bruner J. S.** Toward a Theory of Instruction. – Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1967. – 176 p.
3. **Bruner J. S.** The process of education. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. – 229 p.
4. **Cheetham G., Chivers G.** The reflective (and competent) practitioner: a model of professional competence which seeks to harmonise the reflective practitioner and competence-based approaches // Journal of European Industrial Training. – 1998. – № 22 (7). – P. 267–276.
5. **Dewey J.** Experience and education. – N.Y.: Simon and Schuster, 2007. – 96 p.
6. **Hirsch E. D.** Cultural literacy: What every American needs to know. – Boston: Houghton Mifflin, 1987. – 189 p.
7. **Kolb D., Fry R.** Towards an applied theory of experimental learning // Theories of group processes. – London: Wiley, 1975. – P. 33–57.
8. **Markham T., Lenz B.** Ready for the world // Educational leadership. – 2012. – Vol. 59, № 7. – P. 47–52.
9. **Pinar W., Reynolds W., Slattery P., Taubman P.** Understanding Curriculum: An Introduction to the Study of Historical and Contemporary Curriculum Discourses. – N.Y.: Peter Lang, 2008. – 1143 p.
10. **Shale D. G.** Toward a reconceptualization of distance education // American Journal of Distance Education. – 1988. – Vol. 2, № 3. – P. 25–35.
11. **Жафяров А. Ж.** Компетентный подход к изучению школьного курса алгебры // Педагогическое образование и наука. – 2011. – № 8. – С. 64–68.
12. **Жафяров А. Ж.** Методология и технология повышения компетентности учителей, студентов и учащихся по теме «Делимость целых чисел»: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. – 218 с.

13. **Жафяров А. Ж.** Методология и технология повышения компетентности учителей, студентов и учащихся по теме «Линейная функция и ее приложения»: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 279 с.
14. **Жафяров А. Ж., Жафяров А. А.** Методология и технология повышения компетентности учителей, студентов и учащихся по теме «Квадратичная функция и ее приложения» в процессе изучения школьного курса математики: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. – 225 с.
15. **Жафяров А. Ж., Никитина Е. С., Федотова М. Е.** Методология и технология формирования компетентности учителей, студентов и учащихся по теме «Квадратичная функция и ее приложения»: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. – 145 с.
16. **Жафяров А. Ж., Никитина Е. С., Федотова М. Е.** Формирование базисных компетенций и компетентностей по теме «Функция переменных высоких степеней и ее приложения»: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – 140 с.
17. **Жафяров А. Ж., Никитина Е. С., Слепцова А. Е., Федотова М. Е.** Формирование базисных компетенций и компетентностей по теме: «Функция переменных рациональных степеней и ее приложения»: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – 120 с.
18. **Краевский В. В., Хуторской А. В.** Основы обучения. Дидактика и методика. – М.: Академия, 2007. – 352 с.
19. **Цветков В. Л., Хрусталева Т. А., Рожков А. А., Красноштанова Н. Н., Семчук И. В.** Компетентностный подход как стратегическая линия в подготовке профессиональных кадров // Математика в школе. – 2015. – № 1. – С. 130–136.
20. **Шадриков В. Д.** Личностные качества педагога как составляющие профессиональной компетенции // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. – 2006. – № 1. – С. 15–21.
21. **Шкерина Л. В.** Методика выявления и оценивания уровня сформированности профессиональных компетенций студентов – будущих учителей математики. – Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2015. – 264 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.05)

Akryam Zhafyarovich Zhafyarov, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Education, Head of the Geometry and Methods of Teaching Mathematics Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-1339-1472>

E-mail: akram39@yandex.ru

TECHNOLOGY OF IMPLEMENTING THE COMPETENCE-BASED APPROACH WITHIN THE SCHOOL COURSE OF MATHEMATICS

Abstract

Introduction. *The article describes in detail the stages of the author's technology of implementing the competence-based approach in the educational process, which is demonstrated by the example of teaching the topic of irrationality in the school course of Mathematics.*

Methodology. *The author relies on the methodology and technology of implementing the competence-based approach in the process of teaching and learning mathematics at secondary schools; uses materials and methods of teaching the topic of irrationality.*

Results. *The author introduces two models based on the established technology: the model of basic competence development, and the model of the enhancing teachers' competence concerning the topic of irrationality. The author introduces a more appropriate definition of the term equality of mathematical objects (equations, inequalities, systems and sets), which contributes to more effective teaching the school course of Mathematics, in particular the topic of irrationality. The article contains a brief outline of the technology of implementing the competence-based approach in education. The author emphasizes that 1) the key concepts of the competence-based approach are very complicated; 2) the concepts of the competence-based approach are often confused; 3) it is difficult to understand the essence of any technology by means of brief schemas. Therefore, the author offers this article, which considers implementing the above-mentioned technology in the process of teaching and learning the topic of the irrationality (also known as "The rational Function of variable degree and its applications").*

Choosing this topic is explained by the following reasons: this topic causes great difficulties for teachers (not only Russian), students of pedagogical universities and, as a consequence, high school students; tasks based on this topic are included into the national state examinations; there is a small number of textbooks aimed at mastering the topic of irrationality.

Conclusion. *Implementation of the proposed technology in teaching Mathematics will contribute to improving the quality of mathematical education and personal development of students.*

Keywords

Competency; competence; introduction of competence approach; educational process; models of formation competence; equality of mathematical objects.

REFERENCES

1. Ashby W. R. *Design for a brain. The origin of adaptive behavior.* London, Chapman and Hall Publ., 1960, 389 p.

2. Bruner J. S. *Toward a Theory of Instruction*. Cambridge, The Belknap Press of Harvard University Press Publ., 1967, 176 p.
3. Bruner J. S. *The process of education*. Cambridge, MA, Harvard University Press Publ., 1960, 229 p.
4. Cheetham G., Chivers G. The reflective (and competent) practitioner: a model of professional competence which seeks to harmonise the reflective practitioner and competence-based approaches. *Journal of European Industrial Training*. 1998, no. 22 (7), pp. 267–276.
5. Dewey J. *Experience and education*. N.Y., Simon and Schuster Publ., 2007, 96 p.
6. Hirsch E. D. *Cultural literacy: What every American needs to know*. Boston, Houghton Mifflin Publ., 1987, 189 p.
7. Kolb D., Fry R. *Towards an applied theory of experimental learning. Theories of group processes*. London, Wiley Publ., 1975, pp. 33–57.
8. Markham T., Lenz B. Ready for the world. *Educational leadership*. 2012, vol. 59, no. 7, pp. 47–52.
9. Pinar W., Reynolds W., Slattery P., Taubman P. *Understanding Curriculum: An Introduction to the Study of Historical and Contemporary Curriculum Discourses*. N.Y., Peter Lang Publ., 2008, 1143 p.
10. Shale D. G. Toward a reconceptualization of distance education. *American Journal of Distance Education*. 1988, vol. 2, no. 3, pp. 25–35.
11. Zhafyarov A. Zh. The competence approach to studying of the school course of algebra. *Pedagogical Education and Science*. 2011, no. 8, pp. 64–68. (In Russian)
12. Zhafyarov A. Zh. *Methods and technology of increasing the competence of teachers and students of the theme “Divisibility of integers”*. Monograph. Novosibirsk, NSPU Publ., 2012, 218 p. (In Russian)
13. Zhafyarov A. Zh. *Methodology and technology of increase of competence of teachers and students on the theme “Linear function and its applications”*. Novosibirsk, NSPU Publ., 2013, 279 p. (In Russian)
14. Zhafyarov A. Zh., Zhafyarov A. A. *Methodology and technology of increase of competence of teachers and students on the topic “Quadratic function and its application in the process of learning school mathematics”*. Monograph. Novosibirsk, NSPU Publ., 2014, 225 p. (In Russian)
15. Zhafyarov A. Zh., Nikitina E. S., Fedotova M. E. *Methodology and technology of forming of competence of teachers and students on the topic “Quadratic function and its applications”*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2014, 145 p. (In Russian)
16. Zhafyarov A. Zh., Nikitina E. S., Fedotova M. E. *The Formation of basic competences and competences on the subject of “Function variables of high degree and its applications”*. Novosibirsk, NSPU Publ., 2015, 140 p. (In Russian)
17. Zhafyarov A. Zh., Nikitina E. S., Sleptsova A. E., Fedotova M. E. *The Formation of basic skills and competencies on the theme: “the rational Function of variable degree and its applications”*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2016, 120 p. (In Russian)
18. Kraevsky V. V., Khutorskoy A. V. *Fundamentals of Training. Didactics and Methods*. Manual. Moscow, Academy Publ., 2007, 352 p. (In Russian)
19. Tsvetkov V. L., Khrustaleva, T. A., Rozhkov A. A. Krasnoshtanova N. N., Semchuk I. V. Competence-based approach as a strategy in professional training. *Mathematics at school*. 2015, no. 1, pp. 130–136. (In Russian)

20. Shadrikov V. D. Personal qualities of the teacher as components of the professional competence. *Bulletin of P. G. Demidov Yaroslavl state University*. 2006, no. 1, pp. 15–21. (In Russian)
21. Shkerina L. V. *Methods of identifying and estimating the level of formation of professional competence of students – future teachers of mathematics*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'eva Publ., 2015, 264 p. (In Russian)

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© Н. Н. Пономарева

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.06)

УДК 911(4/9) + 625(4/9)

ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК ОБЪЕКТА ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Н. Пономарева (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. Понятийный аппарат является фундаментальной основой любой науки. Он определяет методологию, теорию и методику научного исследования. В экономике и экономической и социальной географии до сих пор нет общепринятого определения понятия международной транспортной инфраструктуры. Цель статьи – раскрыть сущность и определить место понятия международной транспортной инфраструктуры в системе понятий указанных наук и его географические границы.

Методология. В статье рассматриваются разные точки зрения на определение сущности понятий производственной инфраструктуры, международной производственной инфраструктуры с целью определения места транспорта как инфраструктурной отрасли национального или всего мирового хозяйства в них с последующим вычленением понятия международной транспортной инфраструктуры.

Результаты. Характеризуются основные особенности международной транспортной инфраструктуры как элемента производственной инфраструктуры.

Для определения географических границ понятия международной транспортной инфраструктуры акцентируется внимание на таких формах интернационализации мирового хозяйства как регионализация и глобализация, роль которых особенно возрастает в последние десятилетия в развитии и размещении производительных сил.

В статье дается представление разных авторов о таком относительно новом явлении в мировом хозяйстве как международный транспортный коридор и делается попытка соотнести относительно друг друга, используемые в мировой практике, два понятия – международная транспортная инфраструктура и международный транспортный коридор.

Основные результаты исследования заключаются в том, что большинство экономико-географов к производственной инфраструктуре, к которой относится и международная транспортная инфраструктура, относят пассивные основные фонды, в том числе транспортные объекты, прикрепленные к территории. Вначале МТИ формировалась как элемент территориальной структуры хозяйства интеграционного региона, а затем под влиянием глобализации мирового хозяйства его географические границы значительно расширились. Автором в статье на основе проведенного обзора мнений делается попытка дать определение понятию международной транспортной инфраструктуры. Выделены особенности ее формирования и развития.

Пономарева Надежда Николаевна – кандидат географических наук, профессор кафедры географии, регионоведения и туризма, Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: econgeo@inbox.ru

Заключение. Делаются выводы о том, что понятие международной транспортной инфраструктуры по-прежнему остается востребованным и занимает свое место в иерархии понятий о производственной инфраструктуре. Его географические границы могут расширяться под влиянием процессов регионализации и глобализации мирового хозяйства. Именно МТИ определяет географические особенности макротерриториальной структуры хозяйства страны, региона и всего мирового хозяйства.

Ключевые слова: производственная инфраструктура; международная производственная инфраструктура; международная транспортная инфраструктура; международный транспортный коридор; международное разделение труда; международная экономическая интеграция; регионализация; глобализация; макротерриториальная структура хозяйства.

Постановка проблемы

Для проводимого научного исследования чрезвычайно важно определение его понятийного аппарата, что является фундаментальной основой любой науки. Ведь именно понятийно-терминологический аппарат определяет методологию, теорию и методику научного исследования. В последние десятилетия в экономической и социальной географии повысился интерес к исследованию транспорта, транспортной инфраструктуры, транспортных коридоров, в том числе международного значения. Отсюда часто стало использоваться словосочетание «международная транспортная инфраструктура» без раскрытия его содержания. Поэтому цель статьи – рассмотреть методологию его появления, раскрыть сущность понятия и географические границы его определения.

Следует отметить, что в экономической и экономико-географической научной литературе сложилось две точки зрения на опреде-

ление понятия «транспортная инфраструктура», в том числе «международная транспортная инфраструктура» как составляющие производственной инфраструктуры. Одни ученые придерживаются более широкого понимания, включая в содержание этих понятий весь транспорт как отрасль хозяйства. Эти взгляды разделяют П. А. Пыхов, Т. О. Кашина [2], В. П. Красовский [3], Н. Д. Матрусов¹, Н. Ф. Дмитриевская, С. Б. Шлихтер² и др. Другие ученые под транспортной инфраструктурой, в том числе международного значения, понимают только транспортную сеть и транспортные сооружения, «привязанные» к территории. К их числу относятся Э. Б. Алаев³, М. И. Альбрет [1], И. М. Маергойз⁴, Н. С. Мироненко⁵, Б. Б. Горизонтов, А. В. Летенко [7], С. П. Петухова [5] и др. В то же время Я. Закони [8] предлагает рассматривать производственную инфраструктуру, составной частью которой является транспортная инфраструктура, в широком и узком смысле слова, объединяя эти две позиции.

¹Матрусов Н. Д. Некоторые географические аспекты понимания инфраструктуры / В кн.: Международная география – 76: материалы XXIII Международ. геогр. конгресса. Т. 6. Общая экономическая география. – М., 1976. – Т. 6. – С. 42-46.

²Дмитриевская Н. Ф., Шлихтер С. Б. Инфраструктура как объект экономико-географического исследования / В кн.: Проблемы функционирования и развития инфраструктуры народного хозяйства: труды семинара. – М., 1982. – С. 37-44.

³Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – С. 232.

⁴Маергойз И. М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – С. 97.

⁵Мироненко Н. С. Категория инфраструктуры в экономической географии / В кн.: Проблемы функционирования и развития производственной инфраструктуры. Первый всесоюзный семинар: тезисы докладов, 6-10 апреля 1981 г. – М., 1981. – С. 19-21.

С появлением и изучением такого нового элемента территориальной структуры хозяйства как транспортный коридор и международный транспортный коридор российские (В. М. Самуйлов, О. Д. Покровская [24], С. М. Резер, Т. А. Прокофьева, С. С. Гончаренко [21] и др.) и зарубежные специалисты (А. D. Perl, А. R. Goetz [25], Е. Ю. Винокуров, М. А. Джадралиев, Ю. А. Щербанин [23] и др.) рассматривают транспортную инфраструктуру (или международную транспортную инфраструктуру) как материальную основу данных коридоров.

Методология

Хотелось бы сразу оговориться, что сущность понятия «международная транспортная инфраструктура» (МТИ) еще в достаточной степени не определена. Сложность определения этого понятия, видимо, заключается в том, что понятийный аппарат, включающий понятия «производственная инфраструктура» и «международная производственная инфраструктура» (составной частью которой является МТИ), находится еще в стадии разработки. Во всяком случае в нашей науке единая концепция производственной инфраструктуры еще не сложилась.

Методология определения ее вытекает из положений, данных К. Марксом в «Капитале». Характеризуя средства труда, он писал: «...к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться. Прямо они не входят в него, но без них он или совсем невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде... Примером этого ... рода средств труда ... могут служить рабочие здания, каналы, дороги и т. д.»⁶. Исходя из

этого, в российской экономической и социальной географии, начиная с работ И. М. Маергойза, под производственной инфраструктурой обычно понимают основные фонды, которые в виде сетей, различных устройств и сооружений «прикреплены к земле» и являются фундаментом для любого вида хозяйственной деятельности на данной территории. Она включает основные фонды транспорта и связи, энергохозяйства, электроснабжения, газо- и теплоснабжения, водоснабжения, которые со свойственной им функцией перемещения образуют территориально четко локализованные сети линейного типа⁷.

Эта же точка зрения нашла отражение в работах Э. Б. Алаева, Н. С. Мироненко, указанных ранее, М. И. Альбрута [1, с. 161–165] и др.

В отличие от большинства экономико-географов, которые к производственной инфраструктуре относят только сами объекты, существует точка зрения, согласно которой она представляет собой органическое единство отраслей и специфических видов деятельности, направленных на обеспечение общих условий расширенного воспроизводственного процесса, включая в отраслевой состав все виды транспорта, связи, материально-техническое снабжение и информационное обеспечение производственных процессов. Такая точка зрения получила развитие преимущественно в работах экономистов [2, с. 43], но также и ряда экономико-географов: В. П. Красовского [3, с. 24–34], Н. Д. Матрусова, Н. Ф. Дмитриевской, С. Б. Шлихтера и др.

Иными словами, расхождения заключаются в том, что одни относят к производственной инфраструктуре территориально прикрепленные объекты, главным из которых является транспортная сеть, а другие – транспорт как

⁶Маркс К. Капитал / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1960. – С. 191.

⁷Маергойз И. М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – С. 97.

отрасль. Такие расхождения, видимо, связаны с отсутствием четкого представления о границах производственной инфраструктуры. По отношению ко всему национальному хозяйству транспорт является инфраструктурной отраслью, несмотря на то что это отрасль материального производства. К. Маркс писал: «Кроме добывающей промышленности, земледелия и обрабатывающей промышленности существует еще четвертая сфера материального производства... Это – транспортная промышленность, все равно перевозит ли она людей или товары»⁸. Но в то же время К. Маркс отмечал и специфику транспортной промышленности: она «является продолжением процесса производства в пределах процесса обращения»⁹. На основании этого положения К. Маркса и того, что транспорт не производит новых материальных благ, а лишь создает общие условия для развития материального производства, он является ведущим ядром производственной инфраструктуры. А как отрасль производственной инфраструктуры он включает инфраструктурные объекты и инфраструктурную деятельность. При этом для экономико-географического исследования наибольший интерес представляют территориально прикрепленные объекты, создание и развитие которых влияет на развитие и оптимальное размещение производительных сил, на формирование более рациональной территориальной структуры хозяйства. Изменение уровня обеспеченности определенной территории инфраструктурными объектами во многом определяет отраслевые и территориальные сдвиги в размещении производительных сил, выравнивание уровней развития экономических районов, обеспечивая, в конечном

итоге экономический рост [4], что в общем-то, и составляет предмет экономико-географического исследования.

В связи с этим большинство экономико-географов, точку зрения которых разделяем и мы, к производственной инфраструктуре относят лишь инфраструктурные объекты, являющиеся «общифондовой базой» для хозяйственного развития территории. В соответствии с этим транспортная инфраструктура в нашем понимании – это комплекс сооружений, важнейшим элементом которого является транспортная сеть. Вследствие того, что размещение ее отражает сложившуюся систему размещения производства и географию его связей, повышается экономико-географический интерес к ее исследованию.

Формирование международной производственной инфраструктуры объективно обусловлено процессом интернационализации хозяйственной жизни. Высшей формой интернационализации хозяйственной жизни на региональном уровне является международная экономическая интеграция, а на мировом – глобализация, одним из объектов которых стала международная производственная инфраструктура. Понятие «международная производственная инфраструктура» появилось в нашей экономической литературе в 1970-е гг. Впервые определение его было дано в работе Б. Б. Горизонтова и С. П. Петуховой [5, с. 87]. По мнению В. И. Капитонова, о международной инфраструктуре можно говорить лишь применительно к отдельным регионам или интегральным группировкам стран [6, с. 34–35].

Б. Б. Горизонтов и А. В. Летенко также подчеркивают, что интеграционная (международная) производственная инфраструктура

⁸Маркс К. Теория прибавочной стоимости. IV том «Капитала» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. 1. – М.: Госуд. изд-во политической литературы, 1962. – С. 422.

⁹Маркс К. Капитал / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. – М.: Госуд. изд-во политической литературы, 1962. – С. 171.

представляет собой региональное образование [7, с. 139].

Я. Закони предлагает рассматривать понятие «международная производственная инфраструктура» в широком и узком смысле слова. В узком смысле – как объекты, сооружения, обеспечивающие поддержание связей между государствами, т. е. есть как части национальных систем производственной инфраструктуры, играющие значительную роль в осуществлении внешнеэкономических связей. В широком – как совокупность комплексов отраслей производственной инфраструктуры отдельных народных хозяйств [8, с. 89].

В данном случае нас интересуют, прежде всего, географические «рамки» международной производственной инфраструктуры. Как мы видим, все исследователи в 1970–80-е гг. сходились на том, что в международную производственную инфраструктуру следует включать ту часть национальной производственной инфраструктуры, которая обслуживает внешнеэкономические связи и международное географическое разделение труда (МГРТ), в частности, международную экономическую интеграцию. В связи с тем, что в 1970-80-е гг. в нашей стране большое внимание уделялось формированию интеграционного региона европейских стран-членов СЭВ, первое понимание сущности международной производственной инфраструктуры появилось в работах экономистов и экономико-географов, которые занимались изучением этого региона.

Проведенный анализ литературы, посвященный исследованию производственной инфраструктуры на государственном и международном уровнях, позволяет сделать вывод о том, что понятие «международная транспортная инфраструктура» может быть определено, если исходить из признания того, что важней-

шим элементом «общезондовой базы территории» является транспортная сеть. Соответственно под МТИ следует понимать только пассивную часть основных фондов, т. е. территориально прикрепленные транспортные объекты, обслуживающие внешнеэкономические связи и МГРТ. Именно в этом значении термин «международная транспортная инфраструктура» применяется в работах многих исследователей, в том числе и в работах экономико-географов.

На наш взгляд, эта точка зрения ничуть не потеряла своей актуальности и в настоящее время, поскольку идет усиление регионализации мирового хозяйства в связи с углублением МГРТ в пределах отдельных регионов, а также формированием и развитием интеграционных группировок (ЕС, НАФТА, АСЕАН, ЕЗЭС и др.), что требует создания высокоэффективной международной транспортной инфраструктуры на региональном уровне.

Но кроме регионализации с 1980-х гг. нарастает процесс глобализации мирового хозяйства [9]. Это привело, как мы считаем, к расширению географических границ понимания международной транспортной инфраструктуры, которая обслуживает и будет обслуживать межрегиональные перевозки. Примером может служить реализация двух масштабных геоэкономических проектов инфраструктурного обустройства глобального мирового пространства – трансевразийский пояс RAZVITIE и «Великий шелковый путь». Это позволит создать Евразийскую инфраструктурную систему в виде комплексной (мультимодальной) инфраструктурной магистрали, которая предполагает формирование широтного геоэкономического пояса мирового развития от Тихого океана до Атлантики с последующим выходом на Америку (с ответвлением через Беренгов пролив) [10, с. 8–19; 11; 12, с. 5; 13]. Основу ее на территории России

составит Транссибирская железнодорожная магистраль¹⁰.

Отсюда, *международную транспортную инфраструктуру*, на наш взгляд, можно определить как единую взаимосвязанную систему транспортных магистралей, состоящую из специально созданных международных и взаимосостыкованных национальных магистральных транспортных путей, обслуживающих внешнеэкономические и транзитные связи как в условиях регионализации, так и глобализации мирового хозяйства, и образующих вместе с нанизанными на них промышленными центрами и узлами остов макротерриториальной структуры хозяйства не только региона сотрудничающих стран, но и всего мирового хозяйства.

Говоря о МТИ, следует отметить, что она как элемент производственной инфраструктуры, рассматриваемый на международном уровне, имеет ряд особенностей.

1. Для нее характерно сочетание *чрезвычайно высокой капиталоемкости с иммобильностью (неподвижностью) объектов*, что требует совместного участия заинтересованных стран в их создании. Тем более, что международные магистрали проходят по территории нескольких государств, а это, в свою очередь, порождает совместный поиск оптимальных вариантов их размещения в интересах сотрудничающих стран.

2. МТИ формируется в процессе *адаптации национальных транспортных сетей* международного значения на стыковых участках. В связи с этим элементы МТИ, первоначально, как правило, *«вырастают» из магистральной национальной транспортной инфраструк-*

туры (например, из железнодорожной, автомобильной и водной сети), а затем *дополняются* объектами, специально создаваемыми как международные на долеговой или компенсационной основе (международные тоннели, железнодорожные вводы широкой колеи, международные нефте- и газопроводы и т. д.).

3. МТИ должна представлять собой *взаимосвязанную*, т. е. технически однородную на всем протяжении *согласованно функционирующую систему*, регулируемую всеми сотрудничающими странами.

4. В финансовом отношении она принадлежит тем странам, на территории которых находятся ее объекты, т. е. они являются *составной частью национальных транспортных систем*.

5. МТИ как территориальная система вместе с «нанизанными» на нее промышленными центрами и узлами *представляет собой остов формирующейся макротерриториальной структуры хозяйства сотрудничающих стран*. Соединяя между собой экспортно-импортные базы стран мира и обеспечивая непрерывность их функционирования, МТИ *объединяет* этим в единое целое элементы макротерриториальной структуры хозяйства сотрудничающих стран, придавая ей *основные черты конфигурации и определяя направления развития международных связей*.

В последние десятилетия нарастающая глобализация мирового хозяйства требует глобальной инфраструктуры для эффективной транспортировки грузов, рабочей силы и передачи информации [14]. Для успешного обеспечения неуклонно растущих объемов экс-

¹⁰ Пономарева Н. Н. Транссиб как ведущий международный транспортный коридор на территории России // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: материалы Международ.

научно-практической конференции / под ред. А. А. Лобжанидзе. – М.: Экон-информ, 2014. – С. 118–122.

портно-импортных, международных транзитных грузопотоков возникает потребность в создании и развитии такого транспорта, который бы обеспечивал высокое качество транспортного информационного обслуживания, сохранность грузов, безопасность их следования, доставку «точно-в-срок» с минимальными транспортными, налоговыми и таможенными издержками. К процессу транспортировки подключаются информационно-аналитические системы и космическая навигация. Идет «интеллектуализация» транспорта, формируются интеллектуально-транспортные системы с максимальным использованием новейших информационно-управляющих технологий [15, с. 125].

Телекоммуникации и компьютерные технологии способствуют синхронизации стыковки различных систем транспортировки, хранения и перераспределения грузопотоков. В итоге это приводит к формированию международных транспортных коридоров (МТК). Значение их как в национальной, так и мировой экономике неуклонно возрастает. В разных странах и регионах идет активное их строительство [16, с. 83–84; 17, с. 80–82]. Они создаются как мультимодальные транспортные артерии [18, с. 692–694]. Международный характер МТК требует сотрудничества всех заинтересованных сторон в их создании и функционировании [19, с. 860–861].

В экономической науке и экономической и социальной географии создание мультимодальных транспортных артерий международного значения [20] привело к появлению нового понятия «международный транспортный коридор». Сущность этого понятия до конца также еще не определена [21, с. 20–21; 22, с. 155].

Несмотря на отсутствие единого подхода к определению транспортного коридора, экспертами ООН было принято следующее

его определение: «МТК – это часть национальной или международной транспортной системы, которая обеспечивает значительные международные грузовые и пассажирские перевозки между отдельными географическими районами, включает в себя подвижной состав и стационарные устройства всех видов транспорта, работающие на данном направлении, а также совокупность технологических, организационных и правовых условий осуществления этих перевозок» [23, с. 10].

При этом актуальность понятия «международная транспортная инфраструктура» не потеряла своего значения [21, с. 22, 122–123; 24, с. 35]. Если сравнивать эти два понятия и рассматривать их соотношение относительно друг друга, то, на наш взгляд, МТИ более узкое понятие и является материальной основой международных транспортных коридоров в виде транспортной сети. Эту точку зрения разделяют как российские (В. М. Самуйлов, О. Д. Покровская), так и североамериканские ученые (А. D. Perl (Канада), А. R. Goetz (США)), отмечая, что транспортная сеть является основой транспортного коридора [24, с. 35; 25]. Поэтому по-прежнему МТИ представляет большой интерес для экономико-географических исследований как объект (остов МТК), привязанный к территории и формирующий территориальную структуру хозяйства любого географического образования (район, страна, регион и т. д.) от локального до глобального.

Результаты исследования

Анализ показал, что, как правило, экономико-географы к производственной инфраструктуре относят пассивную часть основных фондов, «прикрепленных к земле». Международная производственная инфраструктура, в том числе международная транспортная инфраструктура, вначале стала формироваться как региональное образование с развитием

международной экономической интеграции. С нарастанием процесса глобализации мирового хозяйства географические границы МТИ значительно расширились.

Сделана попытка дать определение понятию международной транспортной инфраструктуры в современных условиях регионализации и глобализации мирового хозяйства. Определены основные особенности ее формирования и развития.

В связи с появлением такого нового элемента территориальной структуры мирового хозяйства, как международный транспортный коридор, актуальность выделения МТИ не потеряла своего значения. МТИ может рассматриваться как составная часть транспортного коридора в виде транспортной сети,

его материального остова, привязанного к территории.

Заключение

Таким образом, понятие международной транспортной инфраструктуры по-прежнему остается востребованным при изучении мирового транспорта в экономической и социальной географии и занимает свое определенное место в иерархии понятий о производственной инфраструктуре. Его географические границы могут расширяться под влиянием таких процессов интернационализации мирового хозяйства как регионализация и глобализация и тем самым определять географические особенности макротерриториальной структуры хозяйства страны, региона или всего мирового хозяйства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Альбрет М. И.** Об инфраструктуре // Изв. ВГО. – 1980. – Т. 112, Вып. 2. – С. 161–165.
2. **Пыхов П. А., Кашина Т. О.** Инфраструктура как объект экономических исследований // Журнал экономической теории. – 2016. – № 1. – С. 39–46.
3. **Красовский В. П.** Экономические проблемы инфраструктуры СССР // Вопросы экономики. – 1977. – № 2. – С. 24–34.
4. **Taotao Deng.** Impacts of transport Infrastructure on Productivity and Economic Growth: Recent Advances and Research Challenges // Transport Reviews. – 2013. – Vol. 33, Issue 6. – P. 686–699. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/01441647.2013.851745>.
5. **Горизонтов Б., Петухова С.** Развитие международной инфраструктуры стран СЭВ // Вопросы экономики. – 1977. – № 2. – С. 87–94.
6. **Капитонов В. И.** СЭВ: международная производственная инфраструктура: монография. – М.: Высшая школа, 1980. – 183 с.
7. **Горизонтов Б., Летенко А.** Сотрудничество стран СЭВ в развитии производственной инфраструктуры // Вопросы экономики. – 1982. – № 8. – С. 139–147.
8. **Территориальная структура национальных хозяйств стран СЭВ / под ред. О. Т. Богомолова.** – М.: Наука, 1979. – 247 с.
9. **Saimi P., Jenatabadi H. S.** Globalization and Economic Growth: Empirical Evidence on the Role of Complementarities // PLoS One. – 2014. – № 9(4). – e87824. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0087824>.
10. **Кочетов Э. Г.** Инновационное обустройство глобального мира (Россия–Китай: стыковка широтных геоэкономических поясов – меридиональные связи) // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2015. – № 3 (158). – С. 7–19.

11. **Байдаков М., Бассанини Ф., Громыко Ю., Зюков В., Раймонди П., Ревилио Э., Тенненбаум Дж.** Трансевразийский пояс RAZVITIE. – М.: Праксис, 2012. – 264 с.
12. **Осипов Г. В., Садовничий В. А., Якунин В. И.** Интегральная евразийская инфраструктурная система как приоритет национального развития стран. – М.: ИСПИ РАН, 2013. – 62 с.
13. **Zafer Acar A., Bentyn Z., Kocaoglu B.** Turkey as a Regional Logistic Hub in Promotion of Reviving Ancient Silk Route between Europe and Asia // Journal of Management, Marketing and Logistics. – 2015. – Vol. 2, Issue 2. – P. 94–109. DOI: <http://dx.doi.org/10.17261/Pressacademia.2015211609>.
14. **Randall E. W.** “White Paper on Valuing Transportation Infrastructure”. Report prepared for Workshop on Data and Statistics for Valuing Transportation Infrastructure and Transportation’s Contribution to the Economy DOI: <http://dx.doi.org/10.17848/rpt214>.
15. **Козлов Л. Н.** О приоритетах в формировании и развитии международных транспортных коридоров // Евразийская экономическая интеграция. – 2009. – № 4 (5). – С. 121–135.
16. **Medda F. R., Carbonaro G., Davis S. L.** Public private partnerships in transportation: Some insights from the European experience // IATSS Research. – 2013. – Vol. 36. – P. 83–87. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.iatssr.2012.11.002>.
17. **Zafer Acar A., Gürol P.** An innovative solution for transportation among Caspian region // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2016. – Vol. 229. – P. 78–87. DOI: <http://doi:10.1016/j.sbspro.2016.07.116>.
18. **Kanafani A., Wang R., Griffin A.** The Economics of Speed – Assessing the performance of High Speed Rail in Intermodal Transportation // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2012. – Vol. 43. – P. 692–708. DOI: <http://dx.doi.org/10.2016/j.sbspro.2012.04.143>.
19. **Öberg M., Nilsson K. L., Johansson Ch.** Governance of Major Transport Corridors Involving Stakeholders // Transportation Research Procedia. – 2016. – Vol. 14. – P. 860–868. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.trpro.2016.05.034>.
20. **Regmi M. B., Hanaoka S.** Assessment of intermodal transport corridors: Cases from North-East and Central Asia // Research in Transportation Business & Management. – 2012. – Vol. 5. – P. 27–37. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.rtbm.2012.11.002>.
21. **Резер С. М., Прокофьева Т. А., Гончаренко С. С.** Международные транспортные коридоры: проблемы формирования и развития. – М.: ВИНТИ РАН, 2010. – 312 с.
22. **Троицкая Н. А.** Транспортные коридоры России для международного сообщения. – М.: АСМАП, 2000. – 174 с.
23. **Винокуров Е. Ю., Джадралиев М. А., Щербанин Ю. А.** Международные транспортные коридоры ЕвразЭС: быстрее, дешевле, больше. Отраслевой обзор. – Алматы: Евразийский банк развития, 2009. – 58 с.
24. **Покровская О. Д., Самуйлов В. М., Неволина А. Д.** Инфраструктура международных транспортных коридоров // Инновационный транспорт. – 2013. – № 3 (9). – С. 33–37.
25. **Perl A. D., Goetz A. R.** Corridors, hybrids and networks: three global development strategies for high speed rail // Journal of Transport Geography. – 2015. – Vol. 42. – P. 134–144. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2014.07.006>

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.06)

Nadezhda Nikolaevna Ponomareva, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Geography, Regional Studies and Tourism, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orhid.org/0000-0003-4333-7829>

E-mail: econgeoinbox.ru

INTERNATIONAL TRANSPORTATION INFRASTRUCTURE AS AN OBJECT OF ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL RESEARCH

Abstract

Introduction. Basic terms and notions are fundamental for any science. They determine the methodology, theory and methods of scientific research. Nowadays, a generally accepted definition of International Transportation Infrastructure is lacking in economic and social geography. The main purpose of the article is to define a position of international transportation infrastructure in the system of scientific concepts as an infrastructural branch in national and global world economy.

Materials and methods. In this paper, definitions of industrial infrastructure and international industrial infrastructure are examined from several points of view. The definition of “international transportation infrastructure” is resulted from above mentioned ones. Moreover, the special features of international transportation infrastructure as an element of industrial infrastructure are identified in this paper.

Results. Much attention is paid to such forms of internationalization of the world economy as regionalization and globalization in order to develop a geographical circulation of the term “international transportation infrastructure”. The paper analyses the ideas of different researchers on international transportation corridor as a new phenomenon in the world economy and correlates two definitions: international transportation infrastructure and international transportation corridor.

There are many discussions in the field of Economic Geography on industrial infrastructure, including international transportation infrastructure (ITI). Transportation objects attached to the territory are considered as passive fixed assets.

At first, ITI was formed as an element of territorial structure of economy of the integration region. Afterwards under the influence of globalization of the world economy its geographical boundaries have been considerably extended. The author attempts to provide a definition of international transportation infrastructure and identify the peculiarities of its formation and development.

Conclusion. The author concludes that international transportation infrastructure is increasingly recognized and is an important component in the hierarchy of the concepts of industrial infrastructure. The geographical boundaries of this concept can be expanded under the influence of the processes of regionalization and globalization in the world economy. ITI determines the geographical features of macro-territorial structure of economy of the country, the region and the entire world economy.

Keywords

Industrial infrastructure; international industrial infrastructure; international transportation infrastructure; international transportation corridor; international division of labour; international economic integration; regionalization, globalization; macro-territorial industrial structure.

REFERENCES

1. Albrut M. I. Infrastructure. *Bulletin of VSU*. 1980, no. 112, issue 2, pp. 161–165. (In Russian).
2. Pykhov P. A., Kashina T. O. The phenomenon of infrastructure as an object of economic research. *Journal of Economic Theory*. 2016, no. 1, pp. 39–46. (In Russian).
3. Krasovsky V. P. Economical problems of infrastructure of the USSR. *Voprosy Ekonomiki*. 1977, no. 2, pp. 24–34. (In Russian).
4. Taotao Deng. Impacts of transport Infrastructure on Productivity and Economic Growth: Recent Advances and Research Challenges. *Transport Reviews*. 2013, vol. 33, issue 6, pp. 686–699. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/01441647.2013.851745>.
5. Gorizontov B., Petukhova S. Development of international infrastructure of countries of the Council for Mutual Economic Assistance. *Voprosy Ekonomiki*. 1977, no. 2, pp. 87–94. (In Russian).
6. Kapitonov V. I. *The Council for Mutual Economic Assistance: international industrial infrastructure*. Monography. Moscow, High School Publ., 1980, 183 p. (In Russian).
7. Gorizontov B., Letenko A. Collaboration of the Council for Mutual Economic Assistance countries in development of industrial infrastructure. *Voprosy Ekonomiki*. 1982, no. 8, pp. 139–147. (In Russian).
8. *Territorial structure of national economy of the Council for Mutual Economic Assistance countries*. Edited by O. T. Bogomolova. Moscow, Nauka Publ., 1979, 247 p. (In Russian).
9. Saimi P., Jenatabadi H. S. Globalization and Economic Growth: Empirical Evidence on the Role of Complementarities. *PLoS One*. 2014, no. 9(4), e87824. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0087824>.
10. Kochetov E. G. Innovative Arrangement of the Global World (Russia-China: Connection of Latitudinal Geoeconomic Zones – Meridional Links). *Izvestia VSTU*. 2015, no. 3 (158), pp. 7–19. (In Russian).
11. Baidakov M., Bassanini Ph., Gromyko Yu., Zyukov V., Raymondi P., Revilio E., Tennenbaum G. *Trans-Eurasian Belt RAZVITIE*. Moscow, Praxis Publ., 2012, 264 p. (In Russian).
12. Osipov G. V., Sadovnichiy V. A., Yakunin V. I. *Integral Eurasian infrastructural system as priority of national development for countries*. Moscow, ISPR RAS Publ., 2013, 62 p. (In Russian).
13. Zafer Acar A., Bentyn Z., Kocaoglu B. Turkey as a Regional Logistic Hub in Promotion of Revivaling Ancient Silk Route between Europe and Asia. *Journal of Management, Marketing and Logistics*. 2015, vol. 2, issue 2, pp. 94–109. DOI: <http://dx.doi.org/10.17261/Pressacademia.2015211609>.
14. Randall E. W. “White Paper on Valuing Transportation Infrastructure”. Report prepared for Workshop on Data and Statistics for Valuing Transportation Infrastructure and Transportation’s Contribution to the Economy. DOI: <http://dx.doi.org/10.17848/rpt214>.
15. Kozlov L. N. About priorities in forming and development of international transportation corridors. *Journal of Eurasian Economic Integration*. 2009, no. 4 (5), pp. 121–135. (In Kazakhstan).
16. Medda F. R., Carbonaro G., Davis S. L. Public private partnerships in transportation: Some insights from the European experience. *IATSS Research*. 2013, vol. 36, pp. 83–87. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.iatssr.2012.11.002>.
17. Zafer Acar A., Gürol P. An innovative solution for transportation among Caspian region. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016, vol. 229, pp. 78–87. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.07.116>.
18. Kanafani A., Wang R., Griffin A. The Economics of Speed – Assessing the performance of High Speed Rail in Intermodal Transportation. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012, vol. 43, pp. 692–708. DOI: <http://doi:10.2016/j.sbspro.2012.04.143>.

19. Öberg M., Nilsson K. L., Johansson Ch. Governance of Major Transport Corridors Involving Stakeholders. *Transportation Research Procedia*. 2016, vol. 14, pp. 860–868. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.trpro.2016.05.034>.
20. Regmi M. B., Hanaoka S. Assessment of intermodal transport corridors: Cases from North-East and Central Asia. *Research in Transportation Business & Management*. 2012, vol. 5, pp. 27–37. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.rtbm.2012.11.002>.
21. Rezer S. M., Prokofieva T. A., Goncharenko S. S. *International transportation corridors: problems of forming and development*. Moscow, Russian Institute for Scientific and Technical Information RAS, 2010, 312 p. (In Russian).
22. Troitskaya N. A. *Transportation corridors of Russia for international cooperation*. Moscow, AS-MAP Publ., 2000, 174 p. (In Russian).
23. Vinokurov E. Yu., Dzhadraliev M. A., Scherbanin Yu. A. International transportation corridors Eurasian Economic Community: faster, cheaper, more. Branch review. Almaty, Eurasian Bank of Development, 2009, 58 p. (In Kazakhstan).
24. Pokrovskaya O. D., Samuilov V. M., Nevolina A. D. Infrastructure of international transport corridors. *Innotrans Journal*. 2013, no. 3 (9), pp. 33–37. (In Russian).
25. Perl A. D., Goetz A. R. Corridors, hybrids and networks: three global development strategies for high speed rail. *Journal of Transport Geography*. 2015, vol. 42, pp. 134–144. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2014.07.006>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОЛОГИЯ
И КУЛЬТУРА

PHILOLOGY AND CULTURE

© А. В. Алексеев, А. В. Ленец

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.07)

УДК 81'44 + 004.738.5

ДИРЕКТИВНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ КАК КОМПОНЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)*

А. В. Алексеев, А. В. Ленец (Ростов-на-Дону, Россия)

Проблема и цель. Процесс кодирования информации, который обусловлен технически и социально, является уже обязательным для современной виртуальной коммуникации. Цель статьи – анализ причин и способов использования директивных лексических сокращений в процессе виртуальной коммуникации.

Методология. Материалом исследования послужили примеры англоязычных и немецкоязычных аббревиатур (из сети Twitter, Facebook). Методом сплошной выборки было проанализировано всего 1 872 лексических единицы из английского и немецкого языков.

Результаты. Использование аббревиатур свидетельствует об экономии речевых усилий коммуникантов. В исследовании сокращённые лексические единицы трактуются с позиции теории речевых актов. Сокращённые лексемы классифицируются по следующим основным группам аббревиатур: директивная, комиссивная, декларативная, экспрессивная, ассертивная и квестивная. Подробно в статье рассматривается класс директивных аббревиатур в виртуальной коммуникации и процессе текстинга, где существенной чертой является трансформация взаимодействия коммуникантов на уровне языка. Авторами подчёркивается косвенность директивных аббревиатур в виртуальной коммуникации. В группе директивных аббревиатур выделяются такие подклассы как превентивные, реквестивные и регулятивные аббревиатуры. Результаты исследования показали, что участниками виртуальной коммуникации особенно активно используются регулятивные аббревиатуры (в английском и немецком языках). Активное использование коммуникантами регулятивных аббревиатур объясняется их кодированием и косвенностью. Высокий процент регулятивных аббревиатур объясняется необходимостью двустороннего управления коммуникацией. Такое превалирование регулятивных аббревиатур в немецкоязычном виртуальном пространстве объясняется национально-культурной спецификой предписаний (запретов и разрешений), регулирующих поведение коммуникантов в немецкоязычной среде.

Заключение. Авторами делается вывод о том, что текстинг является особым типом виртуального общения, где экономятся речевые усилия коммуникантов.

Ключевые слова: аббревиация; речевой акт; директивные аббревиатуры; виртуальная коммуникация; лексические единицы; кодирование информации; текстинг.

*Статья опубликована при поддержке гранта РГНФ «Коммуникативное взаимодействие в современном медийном пространстве как способ конструирования имиджа», проект 16-34-00014А1
Алексеев Александр Владимирович – аспирант института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет.
E-mail: allik-killla@mail.ru

Ленец Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, заведующая кафедрой немецкой филологии, Южный федеральный университет.
E-mail: annalenets@mail.ru

Постановка проблемы

Интенсивное развитие современного виртуального пространства – социальных сетей, блогов, веб-, видео-, телечат в сети Интернет, sms-сообщений – способствовало активному исследованию этих видов дискурса как отечественными, так и зарубежными учёными в различных науках: социологии [3, s. 280–291], философии [5, p. 37–56], языкознании [12, p. 435–437], культурологии [7, p. 4–6] и других. При этом зарубежных учёных интересуют не только предпосылки возникновения и такого стремительного развития новых видов коммуникативного взаимодействия, но и различные аспекты сетевой коммуникации – этика дискурса [2, s. 73–96], аспекты общемировой морали в сетях [9, s. 487–496]. Лингвистические исследования особенностей виртуального общения проводятся сравнительно недавно, и в основном зарубежными учёными, анализ изысканий которых указывает на двойственность характера коммуникации в сети Интернет [4–6]. С одной стороны, исследования коммуникативной компетентности, которой владеют пользователи виртуальной Сети, доказывают успешность коммуникантов в профессиональной сфере, повышение уровня образования [4], с другой – сопоставительный анализ прямой и виртуальной коммуникации свидетельствует об эффективности именно прямого (непосредственного), а не дистантного (виртуального) речевого сотрудничества [6]. Коммуникативное взаимодействие, осуществляемое в виртуальном пространстве, определяется следующими общими признаками: коммуникационный канал, краткость и опосредованность общения. Выбор коммуникационного канала влияет на выбор письменной/устной формы общения, а также на подготовленность/спонтанность коммуникации. Опосредованность

заключается в использовании цифрового мобильного устройства, компьютера и т. п.

Одним из основных лингвистических признаков современной виртуальной коммуникации является стремление к экономии речевых усилий, что в значительной мере влияет на словообразовательные процессы в любом языке [1]. Даже поверхностное наблюдение позволяет утверждать, что в современном интернет-пространстве кодирование информации активно осуществляется с помощью сокращения лексических единиц. В связи с этим лексические сокращения трактуются как своеобразный языковой код используемый коммуникантами [8, p. 5–12] и как неотъемлемая часть современного дистантного коммуникативного взаимодействия [12, p. 448]. Несмотря на такую актуальность, многоаспектность и кажущуюся разработанность вопроса, недостаточно изученным остаётся прагматическая экспликация использования лексических сокращений в текстинге в процессе виртуального взаимодействия (чат, социальные сети, SMS).

Сокращённые лексические единицы как явление современной виртуальной коммуникации объясняется активным расширением объекта исследования вследствие динамично развивающихся технологий в сети Интернет и большой ролью коммуникации, ведущей к процессам интеграции и глобализации. При этом главенствующая роль принадлежит английскому языку как языку международного общения в процессе коммуникативного взаимодействия. Активное использование немецких лексических сокращений в немецкоязычном виртуальном пространстве позволяет проанализировать условия их употребления.

Целью статьи является анализ причин и способов использования директивных лексических сокращений в процессе виртуальной коммуникации на примере английского и

немецкого языков. Эта цель предполагает решение следующих задач: 1) определение текстинга как современного способа коммуникативного взаимодействия в виртуальном пространстве; 2) обоснование лексических сокращений в виртуальном пространстве как речевого акта коммуникации; 3) выявление подтипов директивных лексических сокращений с их последующим анализом и сравнением.

Материалы и методы

Материалом исследования являются сокращённые лексические единицы английского и немецкого языков, которые наиболее часто употребляются в процессе виртуальной коммуникации, текстинга и SMS-сообщениях. Методом сплошной выборки было отобрано всего 1 872 лексических единицы из английского и немецкого языков. При этом необходимо отметить, что количество английских аббревиатур значительно превышает число немецких. Этот факт объясняется универсальностью и распространённостью английского языка, который является языком международного общения, в сфере виртуальной коммуникации он также занимает главенствующую позицию (26,8 %), обгоняя даже китайский язык (24,2 %). Согласно данным Miniwatts Marketing Group 2011 года, по количеству носителей немецкий язык занимает шестое место, и количество пользователей, использующих этот язык, составляют 3,6 % от всех пользователей¹. Для чистоты проводимого нами анализа использования сокращённых единиц мы выбрали по 40 директивных сокращений из английского и немецкого языков.

Виртуальное общение, которое в основном базируется на технологии текстовых сообщений с помощью текстинга, является неотъемлемой частью современной жизни: в

обществе упомянутая форма общения используется более 80 % коммуникантов мобильной связи. Процесс текстинга распространился по всему миру с огромной скоростью. Текстинг (от англ. *texting*) – процесс передачи текстовых сообщений посредством различного рода мобильных гаджетов. Он включает в себя ряд общепринятых сокращений, которые позволяют с помощью минимума символов транслировать максимальное количество смысла [12, p. 436–440].

Вследствие отсутствия у коммуникантов возможности воспринимать интонационные оттенки и видеть эмоциональное состояние собеседника, декодирование сокращённых лексических единиц становится достаточно трудоёмким процессом, заключающимся в разборе всего контекста виртуальной коммуникации, а также включающим сопоставительный анализ с аналогичными текстами определённой тематики. Приведём конкретные примеры сокращённых лексических единиц в виртуальной коммуникации, представив результаты их дешифровки. Сокращение лексических единиц в текстинге:

1) базируется на процессе аббревиации: *QT/Cutie* – пер. с англ. *какая прелесть!* (восхищение); *EZ/Easy* – пер. с англ. *полегче* (предупреждение-угроза); *Hase/(Ich) habe Sehnsucht* – пер. с нем. *я тоскую* (эмоциональное состояние); *braduhi/Brauchst du Hilfe?* – пер. с нем. *тебе нужна помощь?* (косвенное предложение помощи);

2) с помощью акронимии: *OMG/oh, my god* – пер. с англ. *о мой Бог!* (удивление); *DWAI/Don't Worry About It* – пер. с англ. *не волнуйся по этому поводу* (утешение); *kzg/Kaum zu glauben!* – пер. с нем. *в это трудно поверить!* (удивление); *kk/Kein Kommentar* – пер. с нем. *без комментариев* (невмешательство).

¹ Miniwatts Marketing Group. Top 10 Languages (англ.). Internet World Stats [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.internetworldstats.com/stats7.htm> (дата обращения 13.01.2016)

Для текстинга присуще употребление большого числа сокращений, характерных для письменной формы языка. Например: *DTRT/Do The Right Thing* – пер. с англ. *делай правильно* (совет); *EGBOK/Everythin's Going To Be Okay* – пер. с англ. *всё будет хорошо* (обещание/косвенное пожелание); *ads/Alles deine Schuld* – пер. с нем. *это всё твоя вина* (обвинение); *bha/bis heute Abend* – пер. с нем. *до вечера* (обещание). Приведённые нами способы экономии речевых усилий и как результат «сокращённый язык» особенно активно используются в современном виртуальном пространстве.

Результаты исследования

Совмещение теоретического подхода к изучению аббревиатур как системы кодирования речевого действия и изучение прагматических установок участников виртуального пространства, а также их реакций даёт наиболее полное представление о речевой деятельности и об особенностях коммуникативного взаимодействия коммуникантов. Чаще всего для достижения желаемого для отправителя результата, т. е. чтобы получатель положительно отреагировал на побуждение коммуниканта, последний прибегает к выбору соответствующих сокращённых лексических средств² и таких синтаксических конструкций, которые позволят отправителю наиболее успешно создать своё сообщение.

Трактовка и классификация лексических сокращений как речевых актов. Понимая обмен сообщениями в виртуальном пространстве как типичную коммуникативную речевую ситуацию, в которой реализуются речевые действия, нам представляется справедливым

мнение Дж. Сёрля о том, что «*производство конкретного предложения в определённых условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт есть минимальная единица языкового общения*» [11, р. 221–239]. Отсюда аббревиатура в текстинге понимается нами как речевой акт, который представляет собой «*целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, существующими в данном обществе*»³.

Анализируемый материал сокращённых лексем сообщений английского и немецкого языков позволил нам выделить следующие основные классы аббревиатур как речевых актов по цели их осуществления: ассертивная, декларативная, директивная, комиссивная, экспрессивная, квеститивная. Каждая группа, представленная в классификации, имеет определённые признаки с точки зрения их иллокутивной цели. Так, ассертивная аббревиатура – в проявлении ответственности отправителя за сообщение/утверждение/констатацию; декларативная аббревиатура – в указании на статус и полномочия отправителя; директивная аббревиатура – в побуждении отправителем получателя совершить действие, построенное на умозаключении получателя; комиссивная аббревиатура – в принятии отправителем обязательства совершить действие в определённом контексте; экспрессивная аббревиатура – в выражении отправителем психологического состояния, его отношения или оценки существующего положения дел; квеститивная аббревиатура – в запросе на получение информации. Рассмотрим каждую группу отдельно.

В ассертивных аббревиатурных конструкциях часто встречаются элементы кодификации информации аббревиатур не только

² *Steinhauer A.* Das Wörterbuch der Abkürzungen. – Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2011. – 512 s.

³ *Арутюнова Я. Л.* Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 412.

исходя из их словообразовательной составляющей, но и благодаря распространению текстинга в коммуникации определённого социально-возрастного разреза общества, в частности языка подростков, программистов и геймеров. Цель ассертивов – фиксация ответственности говорящего за предоставляемую информацию, сообщение. Ассертивная аббревиатура, выражающая мнение коммуниканта, основанная на объективных параметрах реальной ситуации: *IWI/It Is What It Is* – пер. с англ. *это то, что есть* (констатация факта); *heuni/heute nicht* – пер. с нем. *сегодня не получается* (информирование).

Относительно класса **декларативных аббревиатур** следует отметить, что они схожи с ассертивными конструкциями, отличаясь наличием авторитета, заявляющего о своём намерении, подкреплённого положением [10, р. 1–23]. В качестве примера можно привести такие сокращённые лексические единицы как: *G2G/Got To Go* – пер. с англ. *надо идти* (объяснение необходимости); *BAK/Back At Keyboard* – пер. с англ. *вернулся за клавиатуру* (статус присутствия); *Rfdi/reif für die Insel* – пер. с нем. *я созрел для отпуска* (статус готовности).

Следующая категория включает в себя сокращённые лексемы, выраженные комиссивными конструкциями. Ключевое свойство комиссивов – обязывать отправителя сообщения к определённой линии поведения. Примерами **комиссивных аббревиатур** являются такие сокращённые лексические единицы, при использовании которых отправитель принимает на себя некое обязательство: *IDTT/I'll Drink To That* – пер. с англ. *я выпью за это* (обещание выпить); *Biglzuhaus/Bin gleich zu Hause* – пер. с нем. *я скоро буду дома* (обещание прийти); *sz/Schreibe zurück* – пер. с нем. *отпишусь* (обещание написать).

Экспрессивные аббревиатуры связаны с утверждением или описанием, а также с выражением чувств. Кроме того, речевые акты данной группы включают понятие ответной реакции получателя на сообщение отправителя: *HIWTH/Hate It When That Happens* – пер. с англ. *ненавижу, когда это происходит* (выражение злости); *axo/ach so* – пер. с нем. *ax так* (выражение возмущения). Отличительная черта экспрессивных аббревиатур – наличие эмоциональной оценки совершаемого действия, выражение психологического состояния, что является важным элементом общения в сфере виртуальной коммуникации: *HOF/Hell Of Funny* – пер. с англ. *чертовски смешно* (эмоция смеха); *Hdgd/Ich habe dich ganz doll lieb* – пер. с нем. *я люблю тебя безмерно* (эмоция симпатии).

Мы выделили группу **квеситивных аббревиатур**. Например: *AWCIGO?/And Where Can I Get One?* – пер. с англ. *и где я могу это взять?* (вопрос-помощь); *Wobidu?/wo bist du?* – пер. с нем. *где ты?* (вопрос-информирование). Эти аббревиатуры направлены на запрос информации, в отличие от остальных представленных категорий имеет вопросительную форму.

В связи с исследованием сокращённых лексических единиц необходимо отметить важную роль директива, определяющая иллюкутивная направленность которого заключается в намерении говорящего добиться того, чтобы слушающий произвёл какое-либо действие [11, с. 221–239]. Необходимость выполнения определённого действия со стороны получателя осуществляется отправителем в виртуальной коммуникации с помощью **директивных аббревиатур**. К этой группе можно отнести следующие примеры: *DSH/Desperately Seeking Help* – пер. с англ. *отчаянно ищу помощь* (призыв о помощи);

lug/Lass' uns gehen – пер. с нем. *пойдём!* (призыв-приглашение).

Косвенность аббревиатур в виртуальной коммуникации. Уместно рассмотреть вопрос о косвенных речевых актах – речевых действиях, осуществляемых с помощью высказываний, которые имеют в своей структуре явный показатель одной иллокутивной функции, но при этом в норме их иллокутивная функция является другой. Именно директивные высказывания часто используются в качестве косвенных речевых актов. Традиционными примерами косвенных речевых актов являются вежливые просьбы, иногда замаскированные под вопросительные предложения: *ITAN/Is There Anybody Here?* – пер. с англ. *здесь есть кто-нибудь?* (готовность пообщаться); или утверждения *alkla?/Alles klar?* – пер. с нем. *всё понятно?* (готовность повторить, разъяснить). Прибегая по той или иной причине (например, из вежливости или для более глубокого воздействия на адресата) к косвенному способу выражения своей иллокутивной цели, коммуникант рассчитывает не только на языковые знания собеседника, но и на его способность к умозаключению на основе разнообразных неязыковых знаний: условий успешности речевых актов, принципов общения.

Директивные аббревиатуры зачастую встречаются в текстах виртуальной коммуникации именно в косвенной форме. Как видно из примера приведённого выше директивная аббревиатура является косвенной, т. к. фраза *«отчаянно ищу помощь»* подразумевает императивную конструкцию *«Помогите!»* Особенно важно это явление для языка программистов, хотя много случаев можно встретить также в переписке молодёжи в социальных сетях, где экономия времени для написания текстового сообщения зачастую выступает приоритетом.

Таксономия директивных аббревиатур. Анализ точек зрения лингвистов на природу директива позволяет заключить, что директивными высказываниями являются лексические единицы, которые предполагают определённую последовательность действий, вводя новые условия взаимодействия коммуникантов в процессе речевого общения. Директивные аббревиатуры – это высказывания, побуждающие реципиента для воспроизведения того или иного действия: призывы и разрешения, требования и приказы, просьбы, советы и замечания, указания и инструкции, распоряжения, предупреждения и мольба, отговорки, а также установки норм [13, s. 416]. Очевидно, что директивные высказывания содержат целую шкалу призывных значений, начиная от приказа (иньюктив), заканчивая просьбой, мольбой (реквестив). Исследование директивных сокращённых лексических единиц в английском и в немецком языках позволило нам классифицировать их согласно выполняемым директивами коммуникативным функциям на три подкласса директивных аббревиатур: *реквестивов, превентивов и регулятивов*. Рассмотрим их подробнее.

Реквестивные аббревиатуры, которые вводятся перформативными глаголами, выполняющими функции просьбы или запрета: *«ЗАПРОС»*, *«ПРОСЬБА»*, *«ТРЕБОВАНИЕ/УГРОЗА»*, *«РАСПОРЯЖЕНИЕ»*, *«МОЛЬБА»*. Эти неинституциональные речевые акты, которые являются адресатно-иницирующими и побуждают к информированию. Речевые акты данного типа основаны не на власти или социальном положении, а на наличии у отправителя сильной мотивации для побуждения получателя к действию. Реквестивная аббревиатура *«ПРОСЬБА»* – речевой акт побуждения, который маркирован высокой степенью заинтересованности отправителя в установлении контакта с собеседником. Чтобы убедиться в

этом, представим примеры, относимые к данной группе сокращённых лексических единиц: *KIQ/Keep It Quiet* – пер. с англ. *сохрани это в тайне* (просьба о молчании); *LMK/Let Me Know* – пер. с англ. *дай мне знать* (просьба об информировании); *Ga/Gruß an* – пер. с нем. *передавай привет* (просьба о приветствии другого); *DaM/Denk an mich!* – пер. с нем. *думай обо мне!* (просьба не забывать). Реквезитивная аббревиатура «ТРЕБОВАНИЕ/УГРОЗА» включает следующие сокращённые лексические единицы: *DWIM/Do What I Mean* – пер. с англ. *сделай то, что я имею в виду* (требование чёткого исполнения); *MMF/Make Money Fast* – пер. с англ. *делай деньги быстро* (требование быстрого исполнения).

К этой группе можно отнести следующие сложные акронимы, состоящие более чем из пяти букв: *PMIGBOM/Put Mind In Gear Before Opening Mouth* – пер. с англ. *включай мозг, перед тем как говорить* (угроза-предупреждение о последующих высказываниях); *WYMOWS/Wash Your Mouth Out With Soap* – пер. с англ. *вымой свой рот с мылом* (угроза-предупреждение о выборе соответствующих слов); *ZL/Ziehe Leine!* – пер. с нем. *тикай отсюда, сматывай удочки (разг.)!* (предупреждение о выходе из чата). Интерес к этой группе речевых актов объясняется двойственностью содержания, т. к. требования, приведённые в определённом контексте, могут быть угрозой, что выражается в восклицательной форме предложения и пассивными конструкциями. Реквезитивная аббревиатура «ТРЕБОВАНИЕ/УГРОЗА» тесно соотносится с группами «ПРОСЬБА» и «СОВЕТ», но отличается, с одной стороны, наличием большего числа лексем с эмоционально-экспрессивной окраской слов, с другой – синтаксическими конструкциями (характеризуемыми наличием восклицания).

Превентивные аббревиатуры, которые вводятся перформативными глаголами, выполняющими функцию совета, подсказки, предложения более приемлемого решения вопроса: «СОВЕТ», «РЕКОМЕНДАЦИЯ», «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ», «ПРЕДЛОЖЕНИЕ», «ЗАМЕЧАНИЕ», «НАМЁК», «ПРИГЛАШЕНИЕ». Это речевые акты, которые направлены на опережение или предотвращение действий со стороны получателя. Интересно, что в немецких сокращённых лексических единицах, исследуемых нами, не оказалось подкласса «СОВЕТ», этот феномен можно объяснить замещением немецких аббревиатур английскими из-за того, что английский язык распространён в сфере программирования, где директив не является исключением. Превентивная аббревиатура «НАМЁК» представлена сокращёнными лексическими единицами в английском и в немецком языках (часто в косвенной форме): *BAC/Back At Computer* – пер. с англ. *вернулся к компьютеру* (намёк на готовность к общению); *DSH/Desperately Seeking Help* – пер. с англ. *отчаянно ищу помощь* (намёк на необходимость в помощи); *Lambada/Lass mich bitte an dich lehnen* – пер. с нем. *позволь мне на тебя опереться* (намёк на необходимость в помощи); *HdF/Halt die Fresse* – пер. с нем. *закрой пасть (груб.)* (предупреждение-угроза).

Регулятивные аббревиатуры, которые вводятся глаголами, выполняющими функцию заказа. К ним относятся «ПРИКАЗ», «УКАЗ», «ИНСТРУКЦИЯ», «УСТАНОВКА НОРМ». Это инициативные речевые акты, открывающие минимальную единицу речевого взаимодействия, для успешного завершения которого требуется ответственная реакция получателя: *BAB/Build A Bridge* – пер. с англ. *постройте мост* (инструкция по сотрудничеству); *CYM/Check Your Mail* – пер. с англ. *про-*

верь свою почту (приказ на дальнейшие действия); *DWIMC/Do What I Mean, Correctly* – пер. с англ. *сделай как я говорю, только правильно* (инструкция к действию); *Fdk/Fasse dich kurz!* – пер. с нем. *говори кратко, сжато!* (инструктирование о форме общения) *ASUP/Antworte schnell und präzise* – пер. с нем. *отвечай быстро и точно!* (инструктирование о форме общения).

В остальных случаях при определении подкласса, к которому относится та или иная сокращённая лексическая единица, следует полагаться на контекст, где она представлена. Отметим, что класс директивов отличается ярко выраженной глагольной структурой, позволяющей трактовать их как речевые акты. Теперь рассмотрим полученные результаты использования директивных аббревиатур в виртуальном пространстве.

Использование директивных аббревиатур в виртуальной коммуникации. Современная лингвистика стремится к созданию максимально достоверной картины функционирования языка в современном обществе, поэтому особое значение в практическом и теоретическом плане приобретают исследования в области именно сопоставительной прагмалингвистики. С этой позиции цель проводимого нами исследования можно определить как выявление общих закономерностей функционирования лексических сокращений в виртуальном пространстве на примере двух языков (английского и немецкого). На предварительном этапе при сопоставлении языкового материала мы выявили следующие основные соотношения между исследуемыми языками:

– одно и то же прагматическое содержание может быть выражено аналогичными языковыми средствами;

– одно и то же прагматическое содержание выражается различными языковыми средствами.

Обратимся к полученным результатам исследования – директивным аббревиатурам (11 % от всего числа сокращённых лексических единиц). Одним из важных показателей анализа является количественное распределение подвидов директивных аббревиатур в английском (11 % от всех лексических сокращений) и немецком (13 % от всех лексических сокращений) языках. Такое соотношение мы определяем по каждому из подвидов (реквестивные, превентивные, регулятивные) и по каждому из языков. Результаты представлены в процентах.

Рассмотрим сначала диаграмму 1, в которой представлены результаты распределения директивных аббревиатур в английском языке.

Представленная диаграмма позволяет заключить, что выделенные нами подвиды директивных аббревиатур примерно в равной степени используются коммуникантами в виртуальном пространстве. При этом активнее всего участники виртуальной реальности используют регулятивные аббревиатуры (41 %). Реквестивные и превентивные аббревиатуры используются виртуальными коммуникантами почти в равной степени (30 % и 29 % соответственно). Это объясняется соблюдением установленных правил речевого общения в виртуальной коммуникации.

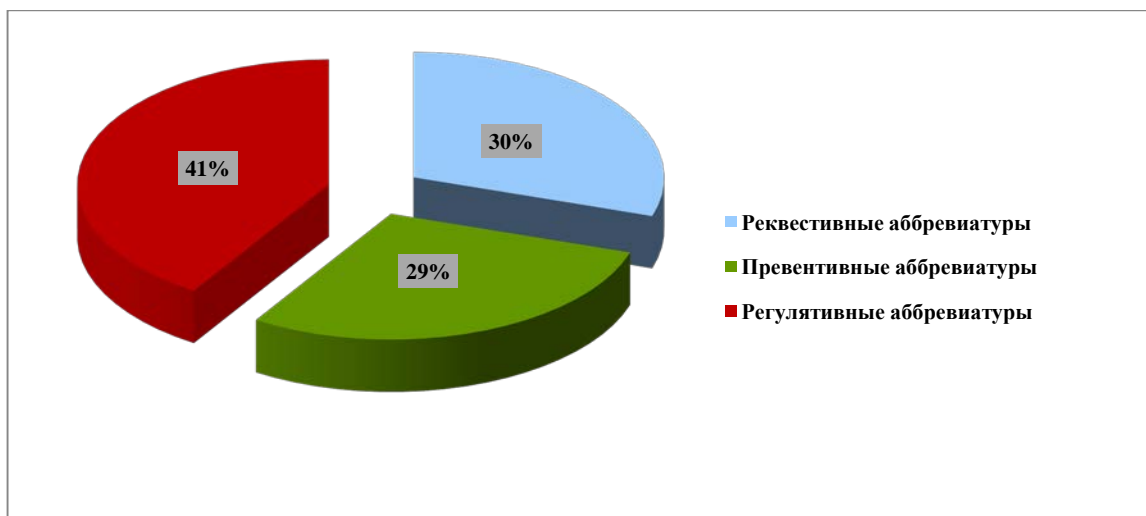

Диаграмма 1. Распределение директивных аббревиатур на **английском** языке в виртуальной коммуникации, %

*Diagram 1. Distribution of directive abbreviations in **English** in virtual communication, %*

Обратимся к результатам анализа немецких директивных аббревиатур (диаграмма 2).

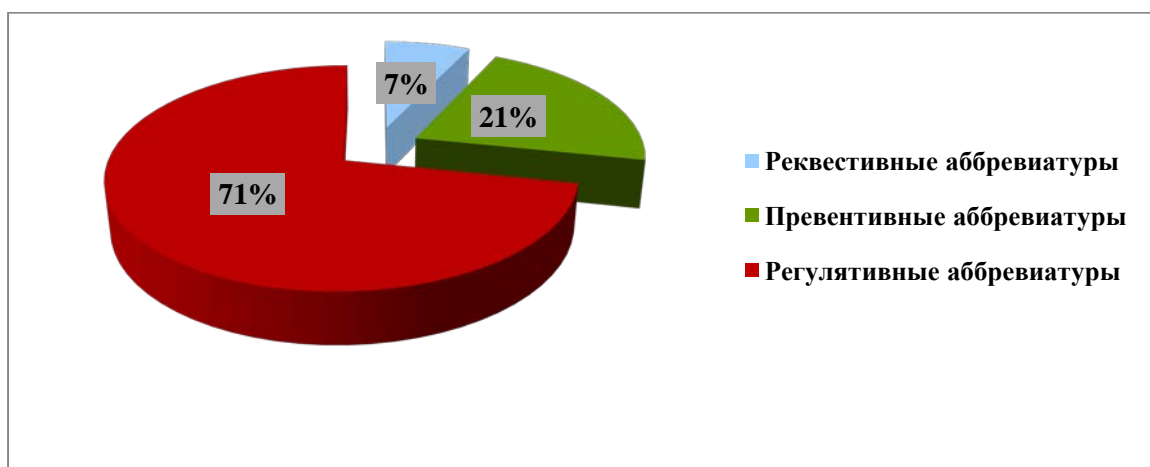

Диаграмма 2. Распределение директивных аббревиатур на **немецком** языке в виртуальной коммуникации, %

*Diagram 2. Distribution of directive abbreviations in **German** in virtual communication, %*

Значимым в исследовании на немецком языке оказалось то, что группа регулятивных аббревиатур (71 %) значительно превышает по показателям реквестивные (7 %) и превентивные (21 %) аббревиатуры. Тогда как в английском языке использование регулятивных аб-

бревиатур занимает только 41 %. Причина такого расхождения заключается, по нашему мнению, в том, что на использование регулятивных аббревиатур немецкоговорящими коммуникантами влияет в большей степени национальная специфика речевого общения на

немецком языке. Для немецкой лингвокультуры типичны предписания, правила, распоряжения, инструкции. Так, для немецкого менталитета одним из центральных концептов является «ЗАПРЕТ/РАЗРЕШЕНИЕ», к которым в немецком языковом сознании преобладает положительное отношение.

Таким образом, анализ использования директивных аббревиатур в виртуальном пространстве, в основе которых лежат различные языковые и культурно-национальные коннотации, позволил выявить влияние языка коммуникантов на оформление и употребление директивных аббревиатур в виртуальной коммуникации. Активное использование регулятивных аббревиатур как в английском (41 %), так и в немецком (71 %) языках позволяет коммуникантам успешно воздействовать на партнёра по виртуальной коммуникации для контроля его речевого поведения и соблюдения установленных правил коммуникативного поведения.

Выводы

Директивы, являясь не самой обширной группой в рамках количества сокращённых лексем, выполняют важную функцию в процессе виртуальной коммуникации и характеризуются частым употреблением в речи. Использование сокращений представляется обоснованным для экономии времени (следовательно, и пространства) при написании сообщений в чатах и прочих ресурсах виртуального общения. Функция аббревиации в процессе виртуальной коммуникации состоит в кодировании информации, экономии речевых

усилий и устранении избыточности текстовой информации, а директивные конструкции являются ярким подтверждением этого факта. Сообщения приобретают смысл и оформляются по установленным правилам. В сокращённых лексических единицах информация воссоздаётся лапидарно, вследствие этого «ёмкость» отдельного знака становится шире, чем в оригинальных единицах литературного языка. Таким образом, процесс аббревиации является качественной оптимизацией речевого взаимодействия. Категоризация аббревиатур согласно речевому воздействию представляет абсолютно иной взгляд на классификацию сокращённых лексических единиц, а использование сокращений в сфере виртуальной коммуникации демонстрирует речевое действие с помощью сокращённых лексем непосредственно в процессе общения, в частности в текстинге. Существенной чертой виртуальной реальности предстаёт трансформация взаимодействия коммуникантов на уровне языка.

Исходя из представленного материала, можно утверждать, что коммуниканты виртуальной сферы общения употребляют большое количество сокращённых единиц. Во-первых, для создания определённого кода (например, в молодёжной среде, где сокращённые лексические единицы активно используются в процессе текстинга). Во-вторых, способ кодирования информации даёт основание характеризовать текстинг как особый тип виртуального общения, где экономятся речевые усилия коммуникантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Abdelaty R. M.** Kurzformen in Fachtexten und das Problem ihrer Übersetzung ins Arabische – Ein Modell anhand technischer Texte // *Lebende Sprachen*. – 2015. – Vol. 60, Issue 1. – P. 177–191. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/les-2015-0006>.

2. **Arens E.** Die Bedeutung der Diskursethik für die Kommunikations- und Medienethik // Grundfragen der Kommunikationsethik. – Funiok, Rüdiger (Hrsg.) – Konstanz: UVK Medien, 1996. – S. 73–96.
3. **Debatin B.** Ethische Grenze oder Grenze der Ethik? Überlegungen zur Steuerungs- und Reflexionsfunktion der Medienethik // Aktuelle Entstehung von Öffentlichkeit. Akteure-Strukturen Veränderungen. – Bentele G., Haller M. (Hrsg.). – Konstanz: UVK, 1997. – S. 281–290.
4. **Carbonell A. G., MacDonald P., Montero-Fleta B., Pérez-Sabater C.** Linguistic needs in virtual communication and labour mobility: CoMoViWo Project // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 212. – P. 316–322. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.380>.
5. **Floridi L.** Information Ethics: On the Theoretical Foundations of Computer Ethics // Ethics and Information Technology. – 1999. – Issue 1 (1). – P. 37–56.
6. **Gonçalves P., Ferreira L., Gonçalves J., Putnik G. D., Cruz-Cunha M. M.** Direct Communication versus Virtual Communication in Virtual Teams // Procedia – Technology. – 2014. – Vol. 16. – P. 3–10. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.protcy.2014.10.062>.
7. **Gorniak-Kocikowska K.** The Computer Revolution and the Problem of Global Ethics // Science and Engineering Ethics. – 1996. – Issue 2 (2). – P. 177–190.
8. **Gotterbarn D.** Two computer-related codes. Writing a code of ethics // Illinois Institute of Technology. – 1999. – Issue 19 (1). – P. 186.
9. **Loretan M.** Aktuelle Beiträge zur Begründung der Medienethik // Communicatio Socialis. Internationale Zeitschrift für Kommunikation in Religion, Kirche und Gesellschaft. – Mainz, 2001. – S. 487–496.
10. **Searle J. R.** A classification of illocutionary acts // Language in Society. – 1976. – Issue 5. – P. 1–23.
11. **Searle J. R.** What is a speech act? // Philosophy in America / Ed. Max Black. – London: Alien and Unwin, 1965. – P. 221–239.
12. **Tat M. J., Azuma T.** Remembering txt but not text: The effect of context and lexicality on memory for text message abbreviations // Applied Psycholinguistics. – 2016. – Vol. 37, Issue 2. – P. 435–459. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0142716415000065>.
13. **Wunderlich D.** Studien zur Sprechakttheorie. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976. – 417 s.

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.07)

Alexander Vladimirovich Alekseev, Postgraduate student of Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov on Don, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-8193-8740>

E-mail: allik-killla@mail.ru

Anna Viktorovna Lenets, Professor, the Head of the German Department of Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication Southern Federal University, Rostov on Don, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-7394-3259>

E-mail: annalenets@mail.ru

DIRECTIVE ABBREVIATIONS AS A COMPONENT OF MODERN VIRTUAL COMMUNICATION (AS EXEMPLIFIED IN ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES)

Abstract

Introduction. *The process of information coding, which is caused both technically and socially, has already become obligatory for modern virtual communication. The purpose of the article is to analyse the reasons and ways of directive lexical reductions use in the process of virtual communication.*

Materials and methods. *The research is based on the illustrative examples of English and German abbreviations taken from Twitter and Facebook. The authors analyzed 1872 English and German lexical units relying on the method of continuous sampling it.*

Results. *The use of abbreviations demonstrates the economy of the communicants' speech efforts. In the present research the reduced lexical units are treated from the position of speech acts theory. The reduced lexemes are classified according to the following main classes: directive abbreviation, commissive abbreviation, declarative abbreviation, expressive abbreviation, assertive abbreviation and questitive abbreviation. The class of directive abbreviations in virtual communication and the process of texting, where an essential feature is the transformation of communicants' interaction at the language level, are considered in detail. The authors emphasize the obliquity of directive abbreviations in virtual communication. The group of directive abbreviations is divided into such subclasses as preventive, requestive and regulatory abbreviations.*

The results of the research showed that participants frequently use regulatory abbreviations in virtual communication (in English and German). Frequent use of regulatory abbreviations by communicants is explained by their coding and obliquity. The high percentage of regulatory abbreviations is explained by the need of bilateral management of communication. Such prevalence of regulatory abbreviations in German-speaking virtual space is explained by national and cultural specifics of instructions (the bans and permissions) which regulate behavior of communicants in the German-speaking environment.

Conclusion. *In conclusion the authors state that texting is a special type of virtual communication where speech efforts of communicants are economized.*

Keywords

Abbreviation; speech acts; directive abbreviations; virtual communication; reduced lexemes; information coding; texting.

REFERENCES

1. Abdelaty R. M. Abbreviations in specialized texts and the problem of their translation into Arabic – a model based on technical texts. *Lebende Sprachen*. 2015, vol. 60, issue 1, pp. 177–191. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/les-2015-0006>. (In German)
2. Arens E. Die Bedeutung der Diskursethik für die Kommunikations- und Medienethik. *Grundfragen der Kommunikationsethik*. Funiok, Rüdiger (Hrsg.). Konstanz, UVK Medien Publ., 1996, pp. 73–96. (In German)
3. Debatin B. Ethische Grenze oder Grenze der Ethik? Überlegungen zur Steuerungs- und Reflexionsfunktion der Medienethik. *Aktuelle Entstehung von Öffentlichkeit. Akteure-Strukturen Veränderungen*. Bentele, G. Haller, M. (Hrsg.). Konstanz, UVK Publ., 1997, pp. 281–290. (In German)
4. Carbonell A. G, MacDonald P., Montero-Fleta B., Pérez-Sabater C. Linguistic needs in virtual communication and labour mobility: CoMoViWo Project. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015, vol. 212, pp. 316–322. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.380>.
5. Floridi L. Information Ethics: On the Theoretical Foundations of Computer Ethics. *Ethics and Information Technology*. 1999, issue 1 (1), pp. 37–56.
6. Gonçalves P., Ferreira L., Gonçalves J., Putnik G.D., Cruz-Cunha M.M. Direct Communication versus Virtual Communication in Virtual Teams. *Procedia Technology*. 2014, vol. 16, pp. 3–10. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.protcy.2014.10.062>.
7. Gorniak-Kocikowska K. The Computer Revolution and the Problem of Global Ethics. *Science and Engineering Ethics*. 1996, issue 2 (2), pp. 177–190.
8. Gotterbarn D. Two computer-related codes. Writing a code of ethics. *Illinois Institute of Technology*. 1999, issue 19 (1), p. 186.
9. Loretan M. Aktuelle Beiträge zur Begründung der Medienethik. *Communicatio Socialis. Internationale Zeitschrift für Kommunikation in Religion, Kirche und Gesellschaft*. Mainz, 2001, pp. 487–496. (In German)
10. Searle J. R. A classification of illocutionary acts. *Language in Society*. 1976, issue 5, pp. 1–23.
11. Searle J. R. What is a speech act? *Philosophy in America*. Ed. Max Black. London, Alien and Unwin Publ., 1965, pp. 221–239.
12. Tat M. J., Azuma T. Remembering txt but not text: The effect of context and lexicality on memory for text message abbreviations. *Applied Psycholinguistics*. 2016, vol. 37, issue 2, pp. 435–459. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0142716415000065>.
13. Wunderlich D. *Studien zur Sprechakttheorie*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 1976, 417 p. (In German)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© Т. В. Жеребило

DOI: 10.15293/2226-3365.1702.08

УДК 881.373

ИНТЕГРАТИВНОЕ ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА*

Т. В. Жеребило (Грозный, Россия)

Проблема и цель. Цель исследования – комплексное изучение интегративного ономастического пространства, функционирующего в региональном варианте русского языка, в условиях чеченско-русского билингвизма. Многогранность задач исследования обусловлена востребованностью теоретических и прикладных исследований в области региональной ономастики. Задачи исследования были сформулированы следующим образом: 1) составить картотеку онимов, используемых в русской речи билингов; 2) провести социолингвистический эксперимент для выявления проблем, возникающих при оформлении онимов в различных жанрах официально-делового стиля; 3) определить наиболее значимый лингвокультурный пласт ономастической лексики, позволяющий использовать результаты исследования как в научном, так и в образовательном пространстве Чеченской республики.

Методология. В процессе исследования использовалась инвариантно-вариативная методология, с помощью которой были обработаны материалы социолингвистического исследования (2015–2016 гг.).

Результаты. Поставленные в начале исследования задачи уточнялись и дифференцировались, что дало возможность рассмотреть как теоретические, так и прикладные проблемы. Особое внимание мы обратили на зоны наибольшего взаимодействия русского и чеченского языков в аспекте интегративного ономастического пространства. В связи с этим изучили основные группы онимов: исконных, заимствованных из чеченских и других идиом, взаимодействующих в языковом пространстве республики. Рассмотрели использование в русской речи билингов антропонимов, гидронимов, дримонимов, зоонимов, идеонимов, микротопонимов, топонимов, урбанонимов и др., привнесённых в региональный вариант русского языка из лингвокультуры билингов и закреплённых различными документами.

К наиболее значимым результатам исследования следует отнести: 1) разработку теории, основанной на описании интегративного ономастического пространства как многослойной, многомерной динамической структуры, характеризующейся наличием большого массива заимствований в русском языке из чеченского языка, представляющих собой как исконную лексику данного языка, так и более ранние заимствования из арабского, языков народов Северного Кавказа, Закавказья, тюркских языков; 2) подготовлен «Словарь ономастических терминов», публикация которого создаст теоретическую и практическую базу для более глубокого исследования

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Языковая ситуация в Чеченской Республике в условиях глобализации», проект № 15-04-00529

Жеребило Татьяна Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, кафедра русского языка и методики его преподавания гуманитарного факультета, Чеченский государственный педагогический университет.

E-mail: angelina1950@mail.ru

интегративного ономастического пространства; 3) картографирован языковой материал, который может быть использован в научных, образовательных, культурных целях.

Заключение. Перспектива исследования заключается в разработке темы как одной из важных междисциплинарных проблем, выходящих за рамки лингвистических изысканий.

Ключевые слова: антропонимика; билингвизм; интегративное ономастическое пространство; ономастика; региональный вариант русского языка; языковое взаимодействие; топонимика.

Постановка проблемы

Одна из самых обширных интегративных зон, функционирующих в региональном варианте русского языка в условиях чеченско-русского билингвизма, – ономастическое пространство, сформировавшееся в результате длительного взаимодействия русского и чеченского языков и существующее в трех временных масштабах: в реальном времени, в диахронии, связанной с развитием языка, и в процессе эволюции, когда языковой континуум представляет нерасторжимую целостность, из которой только условно можно вычленивать фрагменты ономастического пространства (ср.: [29]). Однако проблема заключается не в многомерности предмета исследования (хотя это обстоятельство создаёт сложности, возникающие в процессе изучения материала), а в недостаточной его изученности, обусловленной тем, что на протяжении целого ряда десятилетий изучалось, в основном, влияние русского языка на развитие чеченского языка. В условиях чеченско-русского билингвизма сформировался целый ряд интегративных зон, сигнализирующих о взаимодействии контактирующих идиом по «всему срезу языковой структуры». В качестве интегративной зоны, отражающей наиболее мощное взаимовлияние русского и чеченского языков на данном этапе развития лингвокультуры социума, следует назвать интегративное билингвальное

ономастическое пространство, представляющее один из многомерных компонентов лексической подсистемы. Эта зона представляет обширный пласт языковых ресурсов, требующих квалификации и целостного описания. В частности, следует отметить, что онимов, входящих в ономастическое пространство, по материалам поискового эксперимента, насчитывается более 120 тысяч, если брать во внимание только русскую речь билингвов. С учётом того, что языковое пространство республики как минимум билингвальное и как максимум полилингвальное, было выдвинуто предположение, подтвердившееся в процессе исследования, что онимов, функционирующих в интегративном билингвальном пространстве, должно быть в два – три раза больше.

В качестве основного объекта исследования и описания в статье было выделено понятие – *интегративное ономастическое пространство регионального варианта русского языка, функционирующее в условиях чеченско-русского двуязычия*, рассматривавшееся нами в ряде работ, где мы обосновали использование этой составной терминологической единицы в научных исследованиях, учебном процессе. Наряду с этим, была дана его лексикографическая интерпретация¹, выдвинута идея составления словаря онимов, функционирующих в Чеченской Республике, словаря ономастиче-

¹Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. – 6-е изд., испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.

ских терминов, в основе которого лежит инвариантно-вариативная модель интегративного ономастического пространства [10–11]. Однако за пределами этих исследований остались вопросы, требующие дальнейшей разработки. Именно они заставили обратиться к теме, обозначенной в начале статьи.

Цель статьи – обобщить результаты комплексного исследования интегративного ономастического пространства, функционирующего в региональном варианте русского языка в условиях чеченско-русского билингвизма. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: 1) проанализировать в аспекте избранной темы картотеку онимов, использующихся в русской речи билингвов; 2) проанализировать результаты социолингвистического эксперимента для выявления проблем, возникающих при оформлении онимов в различных жанрах официально-делового, научного и других функциональных стилей; 3) определить наиболее значимые результаты исследования, прогнозирующие использование полученных данных как в научном, так и в образовательном пространстве республики.

Поставленные в начале исследования задачи уточнялись и дифференцировались, что дало возможность рассмотреть, как теоретические, так и прикладные проблемы. Особое внимание мы обратили на зоны наибольшего взаимодействия русского и чеченского языков в аспекте интегративного

ономастического пространства. В связи с этим изучили основные группы онимов: исконных, заимствованных из чеченских и других идиом, взаимодействующих в языковом пространстве республики. Мы рассмотрели использование в русской речи билингвов антропонимов, гидронимов, дримонимов, зоонимов, идеонимов, микротопонимов, топонимов, урбанонимов и других онимов, привнесённых в региональный вариант русского языка из лингвокультуры билингвов и закреплённых различными документами.

Обзор научной литературы по проблеме

Проблемы ономастики неоднократно становились предметом исследования в современном языкознании. Они обсуждались на конференциях², описывались в статьях и монографиях [1; 6–8; 12–16]. С точки зрения среднего билингва, использующего русский язык в различных сферах общения, состояние изученности ономастикона можно считать вполне удовлетворительным. В образовательном пространстве республики широко известен словарь Н. В. Подольской, используемый как в процессе изучения уже известных языковых явлений, так и в процессе исследования нового языкового материала³. Аналогичные функции в научном сообществе выполняет словарь А. В. Суперанской⁴ Справочник топонимии Чечни зачастую используется в республи-

² *Merkulova N. V.* French Aesthetic Onomastics in the Existential View of the World (on the material of the novel «the Stranger» by A. Camus) // Scientific Newsletter. Series: Modern linguistic and methodical-and-didactic research. – 2014. – Issue 3 (6). – P. 23–33; *Усова Н. В.* Континуальность онима в пространстве лингвокультуры // Forms of social communication in the dynamics of human society development: Materials digest of the XXXVII International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in

philological, historical and sociological sciences. (London, December 05 – December 10, 2012) / Chief editor. V. V. Pavlov. – Лондон: Международная академия наук и высшего образования, 2013. – С. 109–111.

³ *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

⁴ *Суперанская А. В.* Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание: словарь. – М.: Айрис-пресс, 2005.

лике как средними билингвами, так и специалистами, работающими в различных типах учреждений⁵. Популярен словарь Р. Ю. Намитоковой, применяемый в практических целях работниками загсов, паспортных столов и других учреждений, деятельность которых связана с оформлением различных документов⁶.

Однако научное сообщество не может оставаться безучастным к появлению актуальных проблем, вызванных бурным развитием ономастики в эпоху глобализации. Можно сказать, что в республике в последнее время усилился интерес к онимии. Именно поэтому так важно рассмотреть современное состояние проблемы, обозначить сформировавшиеся в отечественной и зарубежной науке направления, изучить проблематику исследований, проанализировать работы, хотя углубленный анализ всего спектра названных вопросов навряд ли возможен в рамках одной статьи.

Проблема интегративного ономастического пространства регионального варианта русского языка в условиях билингвизма, сформулированная именно в таком ракурсе, в лингвистике не рассматривалась. В этом заключается её принципиальная новизна. Понятие «ономастическое пространство» вызывает у современных исследователей интерес. Необходимо отметить, что уже сформировался ряд направлений, нацеленных на исследование этой лингвистической категории. Из них наиболее широко представлено направление, ориентированное на изучение литературной (поэтической) ономастики. С. И. Зинин в своем исследовании приводит более тысячи работ,

посвящённых изучению литературной ономастики⁷. Определяя ономастическое пространство художественного произведения, он пишет: «Под ономастическим пространством понимается сумма собственных имен, которые употребляются в языке данного народа для наименования реальных, гипотетических и фантастических объектов. Соответственно ономастическим пространством художественного произведения (ОПХП) следует считать совокупность всех поэтонимов, которые встречаются в художественном произведении»⁸.

Сейчас всё больше появляется исследований, посвящённых изучению роли имён в ономастическом пространстве художественного произведения, несмотря на то что художественная литература отошла на второй план. В 1991 году появилась статья О. Г. Резвиной, посвящённая собственным именам в поэтическом идиолекте М. Цветаевой, и вызвала интерес у любителей русской словесности [13]. С тех пор отечественная лингвистика пополнилась работами, раздвинувшими границы ономастического пространства. Одно из значимых мест принадлежит работе М. У. Худайбердиной, раскрывающей проблему структурирования ономастического пространства художественного произведения на материале поэтического сборника И. А. Бродского «Уралия» [17]. Работы Н. Н. Парфёновой, Г. Х. Зинатуллиной также раскрывают художественную ономастическую парадигму. Художественные, фольклорные тексты, описанные с позиций ономастического пространства, предстают в новом ракурсе, отражая взаимосвязи языка с культурой народа и его философией.

⁵ Сулейманов А. С. Топонимия Чечни. – Грозный: Книжное издательство, 2012. – 726 с.

⁶ Намитокова Р. Ю. Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа. Справочное издание / автор проекта и отв. ред проф. Р. Намитокова. – М.: Наука, Флинта, 2012. – 584 с.

⁷ Зинин С. И. Литературная (поэтическая) ономастика [Электронный ресурс]. – URL:

<http://imja.name/poehtonimy/onomprostranstvo-proizvedeniya.shtml> (дата обращения 01.12.2016)

⁸ Там же.

Ономастический подход к произведениям любого автора расширяет возможности анализа текста, поскольку открывает для читателя особенности имён, которыми окружены герои [36]. В работах по художественной ономастике затрагивается проблема перевода имён на другой язык. Переводчик, по мнению авторов, должен быть осведомлен в различиях имён, он должен понимать, что литература создает альтернативную реальность. Задача переводчика – правильно прочесть имя, воспринять его во взаимосвязи интертекстуальных фрагментов и различных ассоциаций [25].

Особый интерес вызывают исследования, связанные с описанием топонимики. В связи с глобализацией обогатилось восприятие мира человеком. Уже много фрагментов топонимического пространства стали предметами исследований. Имена, обозначающие пространство, осмысливаются исследователями как лингвокультурные феномены в аспекте лингвистики и смежных с нею наук и отраслей [1; 8; 12; 18; 24; 28; 34; 35]. В последнее время появились словосочетания, указывающие на расширение проблематики топонимического пространства: *ономастическое пространство Оренбуржья, ономастическое пространство Российской армии, ономастическое пространство города и др.*

В исследованиях сохраняется устойчивый интерес к антропонимам как одному из традиционных объектов ономастических исследований. Монографии и статьи учёных вносят необходимый вклад в науку, которая, не-

смотря на продолжительное развитие структурализма, всегда остается антропоцентричной по своей сути⁹ [7; 14–16].

Несмотря на появление работ интегративного характера, в которых описываются различные виды ономастического пространства, усилилась тенденция, ориентированная на дифференцированное описание всех фрагментов и микрофрагментов онимии. Исследуются отдельные разновидности онимов (гемеронимы, чоконимы, табаконимы, идеонимы и др.), что позволяет конкретизировать, уточнить фрагменты ономастического пространства, делая их более информационно насыщенными. Наряду с теоретической, продолжает развиваться методологическая парадигма. Проблеме методов исследования ономастического пространства посвящены как отдельные работы [6; 16], так и фрагменты работ, описывающих теоретические проблемы ономастики [27].

Методология

Сначала мы провели социолингвистическое исследование и разработали методы, которые впоследствии легли в основу описания ономастикона¹⁰. Затем изучили само интегративное ономастическое пространство регионального русского языка, функционирующего в ЧР (2015–2016 гг.). Мы проанализировали терминологическую базу ономастики и непосредственно сами онимы из речи билингов, используя инвариантно-вариативную методологию¹¹, основанную на понятии *функционально-стилистический инвариант*, и став-

⁹ Именослов: историческая семантика имени / сост. Ф. Б. Успенский. – Вып. 2. – М.: Индрик, 2007. – 496 с.

¹⁰ Жеребило Т. В. Методы исследования в филологии: словарь. – Назрань: Пилигрим, 2013. – 198 с.; Жеребило Т. В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: словарь-справочник. – Назрань:

Кеп, 2015. – 108 с.; Жеребило Т. В. Методы исследования в языкознании: словарь-справочник. – 2-е изд. – Назрань: Кеп, 2015. – 56 с.

¹¹ Жеребило Т. В. Научная школа инвариантно-вариативной методологии [Электронный ресурс]. – URL: <http://oaji.net/articles/2016/245-1466681879.pdf>

шие традиционными в современном языкознании методы социолингвистического исследования: анкетирование, интервьюирование, наблюдение и др. [10]. Инвариантно-вариативный подход позволил выявить «скрытую структуру словаря» (ср.: [38]), тезауруса языковой личности, используемого носителями билингвизма в повседневном общении.

В качестве базы источников мы использовали данные эксперимента¹², материалы республиканской прессы, интернет-публикации¹³, тексты популярных энциклопедий, отражающих интеллектуальную жизнь в республике¹⁴, работы учёных ЧР (биологов, инженеров, физиков) [2–5; 9], широко использующих ономастическую лексику, представленную в билингвальном пространстве республики¹⁵, художественные произведения писателей и поэтов, произведения фольклора, собранные

учёными Чеченского государственного педагогического университета и Академии наук Чеченской Республики¹⁶.

Результаты исследования, обсуждение. Результаты исследования интегративного ономастического пространства неоднократно обсуждались на заседаниях исследовательской группы, участвующей в разработке гранта и на конференциях, что позволяло выявлять наиболее актуальные вопросы, требующие незамедлительного рассмотрения.

Для определения перспектив исследования мы рассмотрели использование в региональном варианте русского языка следующих компонентов интегративного ономастического пространства: *антропонимов, гидронимов, дримонимов, зоонимов, идеонимов, микротопонимов, ойконимов, орнитонимов, оронимов, топонимов, урбанонимов, фитонимов* и т. п., внесённых в русский язык из лингвокультуры

¹² Результаты анкетирования жителей Чеченской Республики из личного архива автора (1985–2015 гг.).

¹³ Грозный-информ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.grozny-inform.ru/news/culture/65641/> (дата обращения 1.12.2016 г.); Русская культура на Тереке – украшение богатого наследия Чеченской Республики [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.groznyinform.ru/news/culture/62139/> (дата обращения 29.11.2016 г.); ЧЕЧЕНИНФО [Электронный ресурс]. – URL: <http://checheninfo.ru/pechsmi.html> (дата обращения 22.10.2015 г.)

¹⁴ *Хазбулатов Б. А.* Интеллектуальный центр Чеченской Республики в лицах: популярн. биограф. энцикл. / ред. Т. В. Жеребило. – Грозный, 2013. – 180 с.

¹⁵ *Батаев Д. К.-С.* Техническая экспертиза зданий и сооружений. – М.: Комтех-Принт, 2004. – 309 с.; *Батхиев А. М.* Состав, распределение и животное население грызунов Терско-кумского междуречья ЧР // Труды КНИИ РАН / Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова РАН; под ред. Д. К.-С. Батаева. – Грозный, 2010. – С. 72–76.

¹⁶ *Ибрагимов Канта. Х.* Прямой наводкой по ангелу: роман. – М.: Эксмо, 2008. – 379 с. – (Неизвестная война. Чечня); *Ибрагимов Канта. Х.* Детский мир:

роман. – Грозный: Грозненский рабочий, 2010. – 383 с.; *Ибрагимов Канта. Х.* Дом проблем: роман. – Грозный; М.: МОЦ-АРТ, 2009. – 591 с.; *Ибрагимов Канта. Х.* Прошедшие войны: роман. – М.: Россия молодая, 1999. – 751 с.; Грозный: Грозненский рабочий, 2010. – 717 с.; *Ибрагимов Канта. Х.* Седой Кавказ: роман: кн. 1, 2: ч. 4. – М.: Москва – Санкт-Петербург, 2001. – 607; 438 с. Седой Кавказ: роман. – Кн. 1. – Грозный: Грозненский рабочий, 2010. – 638 с.; Кн. 2. – 462 с.; *Ибрагимов Канта. Х.* Сказка Востока: исторический роман. – М.: Лада, 2007. – 634 с.; Грозный: Грозненский рабочий, 2010. – 638 с.; *Ибрагимов Канта. Х.* Учитель истории: роман. – М.: Олма-Пресс, 2003. – 478 с.; Грозный: Грозненский рабочий, 2010. – 542 с.; *Ибрагимов Канта. Х.* Аврора: роман. – Грозный: Грозненский рабочий, 2012. – 338 с.; Кн. 2. – 462 с.; *Ибрагимов Канта. Х.* Академик Петр Захаров. – Грозный: Полиграфсервис и Т. – 280 с.; *Яричев У. Д.* В обойме времени. – Грозный: Книжное изд-во, 2005; *Дикаев Магомед.* Земля отцов. II выпуск. III том. (Стихи, поэма, драмы, научные работы, статьи, письма. На чеченском языке). – Грозный, 2012; Чеченские пословицы / сост.: Т. Б. Джамбекова, Л. М. Ибрагимов. – Грозный: Грозненский рабочий, 2013. – 208 с.

носителей чеченского языка и закреплённых различными текстами официально-делового, научного, публицистического, художественного стилей. Мы также обратили внимание на *агоронимы, астионимы, гелонимы, годонимы, дромонимы, лимнонимы, пелагонимы, потаонимы, хоронимы, эмпоронимы.*

В статье мы коснулись лишь тех оснований, которые связаны с описанием фрагментов ономастического пространства. Интегративное ономастическое пространство регионального варианта русского языка представляет собой многослойную, многомерную динамическую структуру, которая характеризуется большим массивом заимствований из чеченского языка в русский, включающих как исконную лексику данного языка, так и более ранние заимствования из различных языков: арабского, языков народов Северного Кавказа, Закавказья, тюркских языков, а также вернувшихся из чеченского языка в русский язык более ранних заимствований из русского языка в чеченский, представленных исконными лексемами и интерлексемами, пришедшими в русский язык из других языков в различные исторические периоды. Наглядно эти закономерности прослеживаются на материале антропонимических лексем. Антропонимы, выступающие как разновидность онимов, обозначения имен людей как совокупности класса объектов, включают в себя следующие подгруппы:

1) чеченские имена арабского происхождения, используемые в русской речи билингвов (устной и письменной), в разных функциональных стилях (художественном, публицистическом, разговорном, официально-деловом): а) мужские имена: *Ибрагим, Иса, Исмаил, Магомед, Мансур, Мурат, Муслим, Мустафа, Рамазан, Саид*; б) женские имена: *Ай-мани, Амина, Мадина, Малика, Фатима*;

2) чеченские имена еврейского происхождения: а) мужские: *Адам*; б) женские: *Аза, Жанна, Тамара, Луиза*;

3) исконные чеченские имена: а) мужские: *Хоза (чеченское) от хоза – воробей, Цхогал (чеченское) от цхогал – лиса, Ча (чеченское) от ча – медведь*; б) женские: *Дети (чеченское имя, имеющее значение «серебро»), Жовхар (в переводе на русский язык означает «жемчуг»), Зезаг (от чеченского зезаг – «цветок»), Седа (в переводе на русский язык означает «звезда»), Шовда (чеченское исконное имя, произведённое от апеллятива шовда – «родник»), Яха (является аналогом заклинания «дай жить»).*

В процессе анализа онимии, функционирующей в Чеченской Республике, было выделено более 50 классификационных понятийно-терминологических групп:

1) *патронимы* – личные имена, отчества, фамилии, произведенные от имени отца – разновидность, группа имён, образованных от имени отца как совокупность класса объектов;

2) *матронимы* – личные имена, фамилии, произведенные от имени матери – разновидность, группа имён, образованных от имени матери как совокупность класса объектов;

3) *археонимы* – разновидность, группа, наименования необитаемых городов, сел, устаревших собственных имён ныне существующих понятий, объектов (людей, рек, городов и т. п.) как совокупности класса объектов;

4) *астионимы* – разновидность, группа, наименования городов как совокупности класса объектов;

5) *астронимы* – разновидность, группа, наименования космических объектов, небесных тел, отдельных небесных светил, комет, малых планет или астероидов, карликовых планет, звёзд как совокупности класса объектов и другие терминологические группы.

На их основе было выявлено более 500 разновидностей терминологических наименований, используемых в качестве инструментария для исследования фрагментов интегративного ономастического пространства:

1) гелонимы, образующие две группы: а) наименование болот; б) наименование заболоченных мест как совокупности класса объектов;

2) годонимы, включающие семь подгрупп: а) наименование проспектов; б) названия улиц; в) наименования линий; г) обозначение переулков; д) названия проездов; е) названия бульваров; ж) названия набережных;

3) дримонимы, образующие шесть подгрупп: а) названия лесов; б) обозначения рощ; в) наименования парков; г) названия частей леса; д) названия частей рощи; е) названия частей парка и другие разновидности.

Обработав понятийно-терминологический аппарат, необходимый для исследования и описания интегративного ономастического пространства, мы составили «Словарь терминов ономастики», включающий более 500 терминологических словосочетаний и цельно оформленных терминологических лексем. Приведём отдельные примеры.

ГЕЛОНИМЫ [от др.-греч. ἔλος, τέλμα – стоячая вода, болото + ὄνομα – имя, название]. 1. Разновидность гидронимов, обозначающих названия болот, заболоченных мест. 2. Группа лексем, включающая наименования болот, заболоченных мест. 3. Наименования болот, любых заболоченных мест как объект изучения лингвистики.

ГЕЛОНИМИЗАЦИЯ [<геломинизировать]. Процесс образования лексических единиц, обозначающих болота. Обратный процесс: *дегелонимизация*;

ГЕЛОНИМИКА [< гелоним]. Раздел топонимики, исследующий наименования болот.

ГЕЛОНИМИКОН [< гелоним]. Список, реестр гелонимов.

ГЕЛОНИМИСТ [< гелоним]. Исследователь, изучающий гелонимы.

ГЕЛОНИМИЧЕСКИЙ [< гелонимика]. Относящийся к гелонимике.

ГЕЛОНИМИЯ [<гелоним]. Совокупность гелонимов.

ГЕЛОНИМНЫЙ [<гелонимы]. Относящийся к гелонимам.

ГИДРОНИМЫ [от др.-греч. ὕδωρ – вода и ὄνομα – имя, название]. 1. Один из классов топонимов, названия водных объектов (рек, озёр, морей, заливов, проливов, каналов и т. п.). 2. Группа лексем, обозначающих водные объекты. 3. Наименования водных объектов как предмет изучения лингвистики. Различают *пелагонимы* (названия морей), *лимнонимы* (названия озёр, прудов), *потамонимы* (названия рек), *гелонимы* (собственные имена болот, заболоченных мест), *океанонимы* – название любого океана и его части, в том числе моря (пелагоним), залива, пролива, течения и любого объекта подводного океанического ландшафта, в том числе впадины, банки, хребта, расселины. В гидронимах устойчиво сохраняются архаизмы и диалектизмы, они часто восходят к языкам-субстратам народов, живших на данной территории в прошлом, что позволяет использовать их для определения границ расселения этнических общностей (например, славян в Европе или финно-угорских народов в Европейской части России).

ГИДРОНИМИЗАЦИЯ [<гидронимы]. Процесс образования лексических единиц, обозначающих гидронимы.

ГИДРОНИМИКА [<гидронимы]. Раздел топонимики, изучающий гидронимы, закономерности их возникновения, развития, функционирования. Названия водных объектов сохраняются веками и тысячелетиями, поэтому гидронимы имеют очень высокую лингвистическую ценность. Анализ гидронимов

позволяет проследить этнические и миграционные процессы на прилегающей территории, пути заселения и направления миграции народов, выявить контакты и системные связи между различными этносами и историческую смену одного этноса другим, воссоздать географические условия местности, исторические события, этнолингвистическое прошлое, представить этнокультурный фон.

ГИДРОНИМИКОН [<гидронимы]. Список, реестр гидронимов.

ГИДРОНИМИСТ [<гидронимы]. Исследователь, изучающий гидронимы.

ГИДРОНИМИЯ [<гидронимы]. Совокупность гидронимов.

Если в первом варианте словаря словарные статьи включали в основном лингвистическую информацию, нацеленную на раскрытие ономастических терминологем, то во втором варианте они были расширены за счёт иллюстративного материала, отражающего совокупность онимов, используемых в региональном варианте русского языка ЧР.

Приведём примеры.

АГОРОНИМЫ (названия площадей). Разновидность, группа онимов, наименования площадей как совокупности класса объектов: а) площади, сохраняющие дореволюционное название (*Александровская площадь*, названная в честь посещения Грозного императором Александром II; *Заречная площадь*, находящаяся за рекой Сунжей; *Торговая площадь*); б) площади города Грозного, названные в честь известных революционеров и героев гражданской войны и событий, связанных с революцией 1917 года (*площадь Борьбы*, носившая в XIX веке название *Дровяная площадь*, перед революцией – название *Соборная площадь*; *площадь Павла Мусорова*, отличившегося в боях с денкикинцами; *площадь Дружбы народов*, на которой в 1973 году был

установлен памятник участникам гражданской войны Николаю Гикало, Асламбеку Шерипову и Гапуру Шерипову); в) площади, названные в честь видных советских деятелей (*площадь Никиты Хрущёва*, сыгравшего особую роль в реабилитации чеченского народа, депортированного в 1944 году); г) площади, носящие имена героев России (*площадь Ахмата Кадырова* – первого президента Чеченской Республики); д) площади, примыкающие к зданиям города Грозного (*Привокзальная площадь*, находящаяся на улице Табачного около железнодорожного вокзала, здание которого было построено в XIX веке; *Театральная площадь*, расположенная на Дагестанской улице, пересекающей с проспектом Владимира Путина, главной достопримечательностью которой является Государственный театрально-концертный зал, построенный в 1977 году); е) площади, название которых мотивировано географическим направлением по отношению к частям света (*площадь Южная*, находящаяся в южной части города, на соединении улиц 8 Марта, Сайханова, Ассинской); ж) площади, за которыми закрепились неофициальные народные названия, ставшие в настоящее время официальными (*площадь Минутка*, именовавшаяся в советское время Октябрьской площадью).

АНДРОНИМЫ. Личные имена (фамилии) женщин, произведенные от имен (фамилий) мужей; разновидность, группа онимов, обозначающих личные имена и фамилии женщин как совокупность класса объектов: Айдаев – *Айдаева*, Алиев – *Алиева*, Ахмадов – *Ахмадова*, Байсултанов – *Байсултанова*, Магомадов – *Магомадова*, Мусаев – *Мусаева*, Саидов – *Саидова*, Юнусов – *Юнусова*. В чеченских фамилиях, представленных в русском языке, используются чеченские корни, соединившиеся с русскими суффиксами и окончаниями.

Комплексный анализ онимов выявил следующие закономерности. В результате активного взаимодействия из чеченского языка в русский и из русского языка в чеченский вошли и адаптировались в языках-реципиентах лексико-семантические группы онимов: *агоронимов* (наименований различных площадей на территории населённых пунктов), *антропонимов* (имён людей), *астионимов* (названий городов), *астронимов* (собственных имён космических объектов, отдельных небесных светил, комет, малых планет или астероидов, карликовых планет, звёзд), *бионимов* (названий растений, используемых для обозначения различных городских и сельских объектов), *гелонимов* (названий болот или любых заболоченных мест), *гемеронимов* (наименований средств массовой информации), *гидронимов* (географических названий водных объектов), *годонимов* (наименований линейных объектов в городах и других населённых пунктах: бульваров, улиц, линий, переулков, проездов, проспектов, набережных), *дримонимов* (наименований лесов, рощ и т. п.), *дромонимов* (названий путей сообщения), *зоонимов* (собственных имён животных, их кличек), *карабонимов* (собственных имён кораблей, судов, катеров), *космонимов* (собственных названий фрагментов космического пространства или созвездий, используемых в номинации кафе, кинотеатров, киосков, магазинов), *идеонимов* – имён собственных объектов, относящихся к умственной, идеологической, художественной сферам деятельности человека (названий произведений искусства, литературы, научных трудов, средств массовой информации и т. п.), *лимнонимов* (названий озёр), *микротопонимов* (названий небольших объектов, в качестве которых могут выступать уголья, урочища, места сенокоса, выгоны для скота, топи, лесосеки, гари, пастбища, колодцы, родники, ключи, омуты, речные пороги, известные

среди ограниченного круга людей, живущих в той или иной местности), *ойконимов* (названий населённых пунктов), *орнитонимов* (наименований птиц), *оронимов* (названий возвышенных форм рельефа: вершин, гор, холмов, хребтов), *парфюмонимов* (названий парфюмерной продукции), *пелагонимов* (наименований морей), *потамонимов* (названий рек), *прагматонимов* (наименований товаров, являющихся результатом деятельности человека), *теонимов* (собственных имен богов и божеств, принадлежащих тому или иному пантеону), *урбанонимов*, *урбонимов* (названий внутригородских объектов), *фирмонимов* (названий различных фирм, парикмахерских, наименований баров, кафе, бильярдных и клубов), *фитонимов* (названий растений), используемых в качестве собственных имён; *хрематонимов* (собственных имен предметов материальной культуры: драгоценных камней, мечей, пушек), *хоронимов* (названий любых территорий, республик, того или иного края, областей, районов), *чоконимов* (названий объектов шоколадной продукции), *эмпоронимов* (наименований предприятий торговли, киосков, магазинов), *эргонимов* (наименований деловых объединений людей), *этнонимов* (названий этносов: народов и племён), используемых для создания собственных наименований.

В русской речи чеченцев-билингвов, а также русских и представителей других народов, проживающих в республике, для которых русский язык является вторым языком, указанные тематические группы используются постоянно: *поездка в Кей-Мохк; выехали в Итум-Кале; через Терлоевское ущелье; пост*

*пограничников под Тусхароем; дорога до селения Оьшни, а затем Никароя и Бары; проходит через чистую речку Никарой-Ахк и др.*¹⁷

Одним из основных языков, используемых в республике согласно закону о языках, при наименовании объектов географического характера, оформлении надписей на зданиях и других объектах, обозначении дорожных и иных указателей, оформлении документов, относящихся к разным жанрам, является русский язык. В Чеченской Республике по-прежнему сохраняются традиционные названия на русском языке, имеющие историческую и культурную ценность, отражающие не только историю республики, но и историю страны в целом. Так, в Грозном сохранилось множество названий улиц, бытовавших ещё в XX веке: *1-й пер. Ленина, 2 пер. Ленина, ул. 8 Марта, ул. Алексеева, ул. Анисимова; ул. Багратиона; перулки: 1-й пер. Багратиона, 2-й пер. Багратиона*; наименования, отражающие обозначения территорий, связанных с нефтяными промыслами: *12-й участок, 30-й участок, 35-й участок, 38-й участок, 41-й участок, 43-й участок, 44-й участок, 45-й участок, 47-й участок, 49-й участок, 56-й участок*; наименования улиц на русском языке, не связанные с именами людей или обозначениями исторических событий: *ул. Августовская, 2-й Августовский пер., 3-й Августовский пер., 4-й Августовский пер., ул. Автобусная, пер. Автобусный, ул. Агрономическая, ул. Алмазная, 1-й пер. Алмазный и др.* Названия улиц хранят важную историческую и культурную информацию о взаимосвязях тех народов, которые проживают на той или иной территории. Трудно переоценить культурный потенциал подобных лексем.

При наименовании районных газет, учреждённых Министерством Чеченской Республики по национальной политике, информации и печати, наряду с названиями на русском языке («Зов земли» (издание Грозненского сельского района), «Терская правда» (издание Надтеречного района), «Терская новь» (издание Наурского района)), используются обозначения на чеченском языке: «Зама» («Время»; издание Шалинского района), «Гумс» (газета Гудермесского района), «Теркйист» («Притеречье»; газета Шелковского района), «Сольжа» («Сунжа»; издание Сунженского района), «Маршо» («Свобода»; газета Урус-Мартановского района), «Иман» («Культура»; издание Ачхой-Мартановского района), «Машар» («Мир»; издание Курчалойского района), «Керла дахар» («Новая жизнь»; газета Веденского района), «Халкъан дош» («Народное слово»; издание Ножай-Юртовского района), «Ламанан аз» («Голос гор»; газета Шатойского района). Подобная тенденция гемеронимизации прослеживается также при номинации республиканских газет: «Вести республики», «Молодёжная смена», городская газета «Столица плюс») – на русском языке; «Даймохк» («Отечество»), «Исламан зӀаьнарш» («Зори ислама») – на чеченском.

По предварительным подсчётам в интегративном ономастическом пространстве регионального русского языка в устной и письменной речи, печатных и электронных изданиях, документах различных видов и жанров функционирует более 120 тысяч онимов и более полумиллиона слов, производных от них: *Грозный – грозненский, грозненец; Курчалой – курчалойский, курчалоец, курчалоевец; Шали – шалинский, шалинец* и др.

¹⁷ Вести республики. 20 октября 2015 год. № 193 (2627); 21 октября 2015 год. № 194 (2628); 22 октября 2015 год. № 195 (2629).

Заключение

К наиболее значимым результатам исследования, полученным автором статьи, относится:

1) разработка теории, основанной на описании интегративного ономастического пространства как многослойной, многомерной динамической структуры, характеризующейся наличием большого массива заимствований в русском языке из чеченского языка, представляющих собой как исконную лексику данного языка, так и более ранние заимствования из арабского, языков народов Северного Кавказа, Закавказья, тюркских языков;

2) в аспекте обозначенной темы рассмотрен подготовленный автором «Словарь ономастических терминов», публикация которого создаст теоретическую и практическую базу для более глубокого исследования сформировавшегося в условиях чеченско-русского билингвизма интегративного ономастического пространства, функционирующего в региональном варианте русского языка;

3) в рамках обозначенной в статье темы рассмотрен отражающий употребление онимии картографированный языковой материал, который может быть использован в научных, образовательных, культурных целях.

Перспектива исследования заключается в разработке темы как одной из важных междисциплинарных проблем, выходящих за рамки лингвистических изысканий. В связи с этим потребуются специальные исследования всех фрагментов ономастического пространства, функционирующего в речи билингвов.

Исследование именно этого аспекта языкового взаимодействия может оказаться значимым, т. к. онимы, в отличие от апеллятивов, в силу своего функционирования и особенностей развития более специализированно и комплексно отражают ментальное состояние общества в различные исторические периоды жизни социума, чем другие совокупности лексико-семантических групп слов в языке. Онимы, входящие в различные группы и подгруппы, при обозначении понятий гораздо больше, чем другие лексемы, включают в себя дифференциальные компоненты не только лингвистического, но социолингвистического, культурологического, исторического, этнографического характера. Интегративное ономастическое пространство регионального русского языка, контактирующего с чеченским и другими языками в условиях доминирующего на территории республики чеченско-русского билингвизма, больше, чем другие фрагменты языкового пространства, выполняет функцию формирования национального самосознания билингвов, передачи традиций от одного поколения носителей лингвокультуры к другому, сохранения наиболее важных сведений из истории народов, населяющих Чеченскую Республику, особенно в том случае, когда нет письменных памятников, отражающих историю народа. Предположительно результатами исследования могут стать монографии и серия терминологических, энциклопедических, толковых русско-чеченских, чеченско-русских словарей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / отв. ред. акад. Н. И. Толстой. – 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Батхиев А. М. Состав, распределение и зоогеографический анализ териофауны Чеченской Республики // Юг России: экология, развитие. – 2015. – № 2 (35). – С. 62–79.

3. **Батхиев А. М.** Состав, структура, показатели биоразнообразия и зоогеографические особенности териофауны терского Кавказа в пределах Ингушетии и Чечни // Рефлексия. – 2015. – № 3. – С. 3–18.
4. **Батхиев А. М.** Состав и зоогеографическое распределение млекопитающих Кавказа // Юг России: экология, развитие. – 2014. – Т. 30, № 1 (30). – С. 61–75.
5. **Батхиев А. М.** Зоогеографические особенности фауны млекопитающих Чеченской Республики // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2014. – № 4 (25). – С. 20–26.
6. **Васильев В. Л., Вихрова Н. Н.** О принципах составления гидронимических каталогов (из опыта каталогизации гидронимов бассейна р. Мсты) // Вопросы ономастики. – 2015. – № 1. – С. 84–107.
7. **Васильева Н. В.** Собственное имя в мире текста. – М.: Академия гуманитарных исследований, 2005. – 224 с.
8. **Галиуллина Г. Р.** Диалог культур в ономастическом пространстве современного полиэтнического города // Филология и культура. – 2012. – № 2. – С. 32–34.
9. **Головлёв А. А.** Некоторые биологические и географические термины и топонимы на чеченском языке // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. – 2007. – Т. 16, № 4 (22). – С. 775–783.
10. **Жеребило Т. В.** Языковое состояние в условиях билингвизма (на примере Чеченской Республики). – 2-е изд., испр. и доп. – Назрань: Кеп, 2016. – 198 с.
11. **Жеребило Т. В.** Функционирование регионального варианта русского языка в чеченской республике. – Назрань: Кеп, 2016. – 279 с.
12. **Намигокова Р. Ю., Сапиева С. К.** Кавказская лексика как транслятор культурных смыслов в русском языке и речи // Вестник Адыгейского государственного университета. Филология и искусствоведение. – 2010. – № 3. – С. 168–172.
13. **Ревзина О. Г.** Собственные имена в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Поэтика и стилистика 1983–1990. – М.: Наука, 1991. – С. 172–193.
14. **Сулейманова Л. Р., Сулейманов Ф. М., Ласынова Н. А.** Антропонимы арабского происхождения с религиозной семантикой в башкирских шежере // Вопросы ономастики. – 2016. – № 1, Т. 13. – С. 117–128.
15. **Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 192 с.
16. **Феоктистова Л. А.** К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопросы ономастики. – 2016. – № 1, Т. 13. – С. 85–116.
17. **Худайбердина М. У.** К проблеме структурирования ономастического пространства художественного текста (на материале поэтического сборника И. А. Бродского «Уrania») // Вестник ПГТУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2010. – № 4. – С. 134–146.
18. **Щербак А. С.** Диалектная ономастика в традиционном и когнитивном аспектах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4 (41). – С. 18–22.
19. **Akhmerova L. R., Gilazetdinova G. K.** The specific features of psychological condition nomination as the discourse index in the contemporary Russian language // XLinguae. – 2015. – Vol. 8, № 4. – P. 15–23.
20. **Aksholakova A.** Students Speech Culture Development in the Sphere of Onomastics // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2013. – Vol. 105. – P. 391–397. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.11.041>
21. **Břřová J., Barancová M., Šřimková Z.** A note on terminology: bilingualism, plurilingualism and plurilingual intercultural competence or are we all plurilingual? // XLinguae. – 2016. – Vol. 9, № 2. – P. 114–127.

22. **Burenhult N., Levinson S. C.** Language and landscape: a cross-linguistic perspective // *Language Sciences*. – 2008. – Vol. 30, Issues 2–3. – P. 135–150. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langsci.2006.12.028>
23. **Cukan J., Lenovsky L., Korina N. B.** Culture – language – identity (problem of relations) // *XLinguae*. – 2014. – Vol. 7, № 4. – P. 21–32.
24. **Hertzog W., Ross N.** Language ideology, space, and place-based identity formation among the Tzotzil Maya of Chiapas, Mexico // *Language Sciences*. – 2017. – Vol. 59. – P. 1–15. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langsci.2016.06.001>
25. **Hramova T.** Poetry in the raw': defining and translating proper names in literature // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2016. – Vol. 231. – P. 159–164. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.09.086>
26. **Ivanishcheva O.** Culture phenomena: lexicographical description issues // *XLinguae*. – 2016. – Vol. 9, № 2. – P. 73–89.
27. **Karlander D.** Roads to regimentation: Place, authenticity and the metapragmatics of naming // *Language & Communication*. – 2017. – Vol. 53. – P. 11–24. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langcom.2016.11.002>
28. **Kuprina T. V., Minasyan S. M.** Geouristics as new branch of geocultural space // *XLinguae*. – 2014. – Vol. 7, № 4. – P. 2–20.
29. **McMurray B.** Language at three timescales: the role of real-time processes in language development and evolution // *Topics in cognitive science*. – 2016. – Vol. 8, № 2. – P. 393–407. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/tops.12201>
30. **Nakhanova L. A.** The role of Old Turkic place names in teaching history // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 141. – P. 1054–1061. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.05.177>
31. **Nuessel F.** Language: Semiotics // *Encyclopedia of Language & Linguistics (Second Edition)*. – Elsevier Ltd, 2006. – P. 665–679. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/01422-X>
32. **Pablé A.** The 'dialect myth' and socio-onomastics. The names of the castles of Bellinzona in an integrational perspective // *Language & Communication*. – 2009. – Vol. 29, Issue 2. – P. 152–165. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langcom.2008.12.004>
33. **Pablé A.** Language, knowledge and reality: The integrationist on name variation // *Language & Communication*. – 2010. – Vol. 30, Issue 2. – P. 109–122. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langcom.2010.01.001>
34. **Savage V. R.** Place Names // *International Encyclopedia of Human Geography*. – Elsevier Ltd, 2009. – P. 178–184. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/B978-008044910-4.00984-6>
35. **Shamne N. N., Petrova A. A., Rebrina L. N., Milovanova M. V.** Phenomenon of memory and category of space: gnoseological and communicative status // *XLinguae*. – 2014. – Vol. 7, № 3. – P. 32–49.
36. **Sirotkina T. A., Gillespie D.** An onomastic approach to the works of A. Ivanov as a reflection of the artistic picture of the world // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 154. – P. 272–275 DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.10.150>
37. **Treimer K.** Stand genetischer problem // *Lingua*. – 1957–1958. – Vol. 7. – P. 274–297. DOI: [https://doi.org/10.1016/0024-3841\(57\)90100-6](https://doi.org/10.1016/0024-3841(57)90100-6)
38. **Vincent-Lamarre P., Harnad S., Massé A. B., Lord M., Marcotte O., Lopes M.** The latent structure of dictionaries // *Topics in cognitive science*. – 2016. – Vol. 8, № 3. – P. 625–659. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/tops.12211>

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.08)

Tatyana Vasilevna Zhrebilo, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Russian Language and Methods of its Teaching Faculty of Humanities, Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russian Federation.
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-7487-6414>
E-mail: algen_69@mail.ru

INTEGRATIVE ONOMASTIC SPACE OF A REGIONAL VARIANT OF THE RUSSIAN LANGUAGE UNDER CONDITIONS OF BILINGUALISM

Abstract

Introduction. *The purpose of the article is a comprehensive study of the onomastic space of integrative functioning in the regional version of the Russian language under conditions of the Chechen-Russian bilingualism. The diversity of objectives of the study is determined by the relevance of theoretical and applied research in the field of regional onomastics. The Objectives of the study were formulated as follows: 1) to compile a card index of names used in the Russian speech of bilinguals; 2) to conduct a sociolinguistic experiment in order to identify the problems in the design of names in various genres of official-business style; 3) to identify the most significant linguistic and cultural formation of the onomastic vocabulary, allowing the use of research results in both scientific and educational space of the Republic.*

The objectives of the study were refined, differentiated, and it provided an opportunity to consider both theoretical and applied problems. Special attention was paid to the zone of maximum interaction of the Russian and the Chechen languages in the aspect of integrative onomastic space. Therefore, the author studied the main groups of proper names: native, borrowed from the Chechen and other idioms, interacting in the language space of the Republic. The author reviewed the use of anthroponyms, hydronyms, drymonema, zoonyms, idiosomal, microtoponyms, place names, urbanity, etc., imported in the regional version of the Russian language from the linguistic culture of native bilingualism and embodied in various documents.

Materials and Methods. *In the research process-invariant variation used methodology, through which linguistic research materials were processed (2015-2016).*

Results. *The most significant results of the study include: 1) development of a theory based on the integrative description of the onomastic space as a layered, multidimensional dynamic structure characterized by the presence of a large body of loanwords in the Russian language from the Chechen language, representing a native language of the given language, and more than early loans from Arabic, the languages of the peoples of the North Caucasus, the Caucasus, the Turkish languages; 2) prepared the "Dictionary of onomastic terms", the publication of which will create the theoretical and practical basis for a deeper integrative study of the onomastic space; 3) mapped the linguistic material, which can be used in scientific, educational, cultural purposes.*

Conclusions. *The problem is identified as one of the significant interdisciplinary issues which requires further investigation.*

Keywords

Proper people's names; bilingualism; integrative onomastic space; onomastics; regional Russian language; linguistic interaction; toponymy.

REFERENCES

1. Ageeva R. A. *Hydronymy of the Russian Northwest as a source of cultural and historical information*. Ed. akad. N. Tolstoy. 2nd edition, corrected. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 256 p. (In Russian)
2. Batkhiev A.M. composition, distribution and zoogeographical analysis of the Chechen Republic theriofauna. *South of Russia: ecology, development*. 2015. no. 2. pp. 62-79. (In Russian)
3. Batkhiev A.M. Composition, structure, indicators of biodiversity and zoogeographical peculiarities of mammals within the Caucasus, Tersk and Ingushetia and Chechnya. *Reflection*. 2015, no. 3, pp. 3-18. (In Russian)
4. Batkhiev A.M. Composition and zoogeographical distribution of mammals of the Caucasus. *South of Russia: ecology, development*. 2014, vol. 30, no. 1, pp. 61-75. (In Russian)
5. Batkhiev A.M. Zoogeographical peculiarities of the fauna of mammals of the Chechen Republic. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2014, no. 4, pp. 20-26. (In Russian)
6. Vasilyev V. L., Vihrova N. On principles can happen that directories (from experience cataloging hydronyms basin Msty). *Problems of Onomastic*. 2015, no. 1, pp. 84–107. (In Russian)
7. Vasilieva N. V. *Own the name text in the world*. Moscow, Academy of Humanities Research Publ., 2005, 224 p. (In Russian)
8. Galliulina G. R. Dialogue of cultures in onomasticheskome space of a modern multi-ethnic city. *Philology and culture*. 2012, no. 2, pp. 32–34. (In Russian)
9. Golovlyov A. A. Some biological and geographical terms and toponyms in the Chechen language. *Samarskaya Luka: problems of regional and global ecology*. 2007, vol. 16, no. 4, pp. 775-783. (In Russian)
10. Zhrebilo T. V. *Linguistic State in conditions of bilingualism (on the example of the Chechen Republic)*. 2-nd edition, corrected and extras. Nazran, KEP Publ., 2016, 198 p. (In Russian)
11. Zhrebilo T. V. *The functioning of the regional version of the Russian language in the Chechen Republic*. Nazran: Kep, 2016. 279 p. (In Russian)
12. Namitokova R. Yu., Sapieva S. K. Caucasian vocabulary as a broadcaster of cultural meanings in the Russian language and speech. *Herald of the ASU. Philology and art history*. 2010, no. 3, pp. 168–172. (In Russian)
13. Revzina O. G. Proper names in the poetic idiolekte M. Tsvetaeva. *Poetics and stylistics of 1983–1990*. Moscow, Science Publ., 1991, pp. 172–193. (In Russian)
14. Suleymanova L. R., Suleymanov F. M., Lasynova N. A. Proper people's names of Arabic origin with religious semantics in Bashkir shezhire. *Questions of onomastics*. 2016, no. 1, vol. 13, pp. 117–128. (In Russian)
15. Superanskaja A. V. *General theory of proper name*. Moscow, Publ. LKI, 2007, 192 p. (In Russian)
16. Feoktistova L. A. Methodology analysis of associative-derivative semantics of personal name. *Problems of Onomastic*. 2016, no. 1, vol. 13, pp. 85–116. (In Russian)
17. Hudajberdina M. U. To the problem of structuring the material space of the literary text (on the material of the poetic compendium I. Brodsky "Urania"). *PSTU bulletin. Problems of Linguistics and pedagogy*. 2010, no. 4, pp. 134–146. (In Russian)
18. Shcherbak A. S. Dialect onomastics in traditional and cognitive aspects. *Questions of cognitive linguistics*. 2014, no. 4 (41), pp. 18–22. (In Russian)

19. Akhmerova L. R., Gilazetdinova G. K. The specific features of psychological condition nomination as the discourse index in the contemporary Russian language. *XLinguae*. 2015, vol. 8, no. 4, pp. 15–23.
20. Aksholakova A. Students Speech Culture Development in the Sphere of Onomastics. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013, vol. 105, pp. 391–397. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.11.041>
21. Břírová J., Barancová M., Šimková Z. A note on terminology: bilingualism, plurilingualism and plurilingual intercultural competence or are we all plurilingual? *XLinguae*. 2016, vol. 9, no. 2, pp. 114–127.
22. Burenhult N., Levinson S. C. Language and landscape: a cross-linguistic perspective. *Language Sciences*. 2008, vol. 30, issues 2–3, pp. 135–150. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langsci.2006.12.028>
23. Cukan J., Lenovsky L., Korina N. B. Culture – language – identity (problem of relations). *XLinguae*. 2014, vol. 7, no. 4, pp. 21–32.
24. Hertzog W., Ross N. Language ideology, space, and place-based identity formation among the Tzotzil Maya of Chiapas, Mexico. *Language Sciences*. 2017, vol. 59, pp. 1–15. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langsci.2016.06.001>
25. Hramova T. Poetry in the Raw’: Defining and Translating Proper Names in Literature. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016, vol. 231, pp. 159–164. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.09.086>
26. Ivanishcheva O. Culture phenomena: lexicographical description issues. *XLinguae*. 2016, vol. 9, no. 2, pp. 73–89.
27. Karlander D. Roads to regimentation: Place, authenticity and the metapragmatics of naming. *Language & Communication*. 2017, vol. 53, pp. 11–24. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langcom.2016.11.002>
28. Kuprina T. V., Minasyan S. M. Geouristics as new branch of geocultural space. *XLinguae*. 2014, vol. 7, no. 4, pp. 2–20.
29. McMurray B. Language at three timescales: the role of real-time processes in language development and evolution. *Topics in cognitive science*. 2016, vol. 8, no. 2, pp. 393–407. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/tops.12201>
30. Nakhanova L. A. The role of Old Turkic place names in teaching history. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014, vol. 141, pp. 1054–1061. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.05.177>
31. Nuessel F. Language: Semiotics. *Encyclopedia of Language & Linguistics (Second Edition)*. Elsevier Ltd, 2006, pp. 665–679. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/01422-X>
32. Pablé A. The ‘dialect myth’ and socio-onomastics. The names of the castles of Bellinzona in an integrational perspective. *Language & Communication*. 2009, vol. 29, issue 2, pp. 152–165. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langcom.2008.12.004>
33. Pablé A. Language, knowledge and reality: The integrationist on name variation. *Language & Communication*. 2010, vol. 30, issue 2, pp. 109–122. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.langcom.2010.01.001>
34. Savage V. R. Place Names. *International Encyclopedia of Human Geography*. Elsevier Ltd, 2009, pp. 178–184. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/B978-008044910-4.00984-6>
35. Shamne N. N., Petrova A. A., Rebrina L. N., Milovanova M. V. Phenomenon of memory and category of space: gnoseological and communicative status. *XLinguae*. 2014, vol. 7, no. 3, pp. 32–49.

36. Sirotkina T. A., Gillespie D. An onomastic approach to the works of A. Ivanov as a reflection of the artistic picture of the world. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014, vol. 154, pp. 272–275. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.10.150>
37. Treimer K. Stand genetischer problem. *Lingua*. 1957–1958, vol. 7, pp. 274–297. DOI: [https://doi.org/10.1016/0024-3841\(57\)90100-6](https://doi.org/10.1016/0024-3841(57)90100-6)
38. Vincent-Lamarre P., Harnad S., Massé A. B., Lord M., Marcotte O., Lopes M. The latent structure of dictionaries. *Topics in cognitive science*. 2016, vol. 8, no. 3, pp. 625–659. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/tops.12211>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© О. В. Николаева, Е. В. Терехова

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.09)

УДК 81.13

ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ДЕФИСНЫХ КОМПОЗИТОВ ИЗ БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

О. В. Николаева, Е. В. Терехова (Владивосток, Россия)

Проблема и цель. Статья посвящена прагматическим аспектам перевода политического дискурса. Цель статьи – исследование прагматики перевода на русский язык дефисных композитов, использованных в политическом дискурсе современных британских и американских СМИ.

Методология. Исследование выполнено на основе методологии и методики дискурсивного анализа, предполагающего взаимодействие между автором/изданием и читательской аудиторией. Материалом послужили более 300 дефисных композитов из политического дискурса американских и британских печатных изданий за 2008–2016 годы.

Результаты. В статье показано, что исследуемый тип композитов в оригинале в политическом дискурсе на английском языке способен передавать информационно-содержательные, аксиологические и оценочные аспекты, характеризоваться экспрессивностью и образностью, что наделяет их потенциалом прагматического воздействия на адресную аудиторию. Определено, что прагматическая нагруженность дефисных композитов в исходном политическом дискурсе на английском языке создает особые сложности при их переводе на русский язык. Основные результаты заключаются в установлении факторов, обуславливающих перевод дефисных композитов британского и американского политического дискурса на русский язык. Подчеркивается, что модель дефисного композита как способа компрессии и экспрессии политического дискурса американских и британских СМИ в соответствующих переводах на русский язык прагматически и структурно не востребована. Отмечено влияние на перевод дефисных композитов фоновых знаний читательской аудитории, политической прагматики печатного издания, культурологического и языкового факторов.

Заключение. Авторами отмечается, что специфика передачи дефисных композитов на русский язык обусловлена персуазивным характером политического дискурса, разной целевой аудиторией исходного и переводного дискурса и разным соотношением между прагматикой оригинала и прагматикой перевода.

Ключевые слова: дефисный композит; фразовый композит; прагматика; морфопрагматика; политический дискурс; перевод; массмедиа.

Николаева Ольга Васильевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет.

E-mail: onikolaeva2009@yandex.ru

Терехова Евгения Викторовна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков, Национальный научный центр морской биологии Дальневосточное отделение Российской академии наук.

E-mail: evgeniavlad@gmail.com

Постановка проблемы

Современный американский и британский политический дискурс характеризуется обилием оформленных через дефис композитов как окказиональных, сформированных для одной статьи: *dealing-with-hecklers mode*¹ (в стиле «разберемся с недовольными крикунами»²); *Bernie-or-bust people*³ (активисты движения «Берни или к черту»)⁴, так и вошедших в узус и имеющих словарные определения: *seat-of-the-pants organization that has marked this campaign*⁵ (доморощенная, самопальная организация предвыборной кампании⁶). Мы исходим из способности дефисных композитов в политическом дискурсе к передаче информационно-содержательных аспектов, образных, аксиологических и эмоциональных посылов, что в целом и составляет основу прагматического воздействия на целевую аудиторию. Дефисный композит рассматривается нами как прием реализации персуазивного потенциала политического дискурса.

Прагматическая нагруженность дефисных композитов в исходном политическом дискурсе на английском языке создает особые сложности при их переводе на русский язык. Подчеркнем, что специфика передачи дефисных композитов на русский язык обусловлена персуазивным характером политического дискурса, разной целевой аудиторией исходного

и переводного текстов (в культурологическом и политическом аспектах) и разным соотношением между прагматикой оригинала и прагматикой перевода.

Таким образом, актуальность исследования связана как с обращением к прагматическим аспектам перевода политического дискурса, так и с материалом дефисных композитов, являющихся приметой современного британского и американского политического дискурса.

Целью нашего исследования является изучение прагматики перевода дефисных композитов современного британского и американского политического дискурса на русский язык. Под термином *дефисный композит* мы понимаем «прагматически-обусловленную целостность оформленных через дефис двух и более лексем» [1, с. 146]. История изучения феномена дефисного композита в английском языке продолжительна. Так, еще О. Есперсен описывал цитатные определения (*quotation adjuncts*)⁷, в которых роль определения выполняли соединенные дефисом слова известных фраз. Среди других терминов встречаются *phrasal adjective*, *hyphenated adjective*, *adjectival compound* [2], которые могут быть взаимозаменяемы даже в пределах одного исследования. Все данные термины подчеркивают атрибутивный характер таких композитов, например: *the boom in do-it-yourself therapy*.

¹ *Poniewozik J.* Boos, Cheers and Talk Therapy for the Democrats in Philadelphia [Электронный ресурс] // New York Times, July 26, 2016. – URL: <http://www.nytimes.com/2016/07/27/arts/television/boos-cheers-and-talk-therapy-for-the-democrats-in-philadelphia.html> (дата обращения 03.12.2016).

² Перевод авторов – О. Н., Е. Т.

³ *Poniewozik J.* Указ. соч.

⁴ Съезд Хиллари Клинтон [Электронный ресурс] // Meduza, 29 июля 2016. URL: <https://meduza.io/feature/2016/07/29/s-ezd-hillari-klinton-glavnoe> (дата обращения 20.12.2016).

⁵ *Nagourney A., Peters J.* Donald Trump's Convention Is a Low-Energy Show So Far [Электронный ресурс] // New York Times, July 20, 2016. – URL: <http://www.nytimes.com/2016/07/21/us/politics/rnc-convention-delegates.html?action=click&contentCollection=Campaign%20Stops®ion=Footer&module=WhatsNext&version=WhatsNext&contentID=WhatsNext&moduleDetail=undefined&pgtype=Multimedia> (дата обращения 23.07.2016).

⁶ Перевод авторов – О. Н., Е. Т.

⁷ *Jespersen O.* A Modern English Grammar on historical principles, part 2, Syntax. – London: George Allen and Unwin LTD, 1937. – 512 p.

В отечественной лингвистике хорошо известен термин *цитатные речения*, соответствующий терминам *quotation adjuncts*, *phrasal adjective*. К цитатным речениям традиционно относят фразовые группы в атрибутивной позиции: *make-a-quick-buck brain*⁸.

Наряду с этим, в более широком научном контексте исследования разных языков встречается целый ряд обозначений разного рода дефисных комплексов, граничащих, с одной стороны, со словом, а с другой – с синтаксической единицей: словосочетанием или предложением. Так, Т. А. Чекулаева на материале современного английского языка рассматривает атрибутивные конструкции с внутренней предикацией: *a do-or-die situation*; *“Save Our Industry-Don’t Sell It” campaign*⁹. А. А. Горбов изучает именные композиты с атрибутивным элементом в современном русском языке: *интернет-коммуникация* [3]. Р. И. Хашимовым введен термин билексема [4]. А. А. Черкасова изучает как билексему единицу русского языка, обладающую «цельностью не только семантики, но и структуры, которая находит отражение в дефисном написании»: *хлеб-соль* [5, с. 350]. Окациональные дефисные комплексы в отечественной литературе исследует А. В. Спиридонов, отмечающий, что «в дериватологии нет устоявшегося определения окационализмов с дефисным написанием» [6, с. 105]. Окациональный дефисный комплекс, по мнению автора, это «дефисное написание нескольких слов, словосочетания или предложения в виде единого целого» [6, с. 105].

Стараясь определить статус феномена дефисного комплекса, отечественные ученые

прибегают к термину *композит* как более общему обозначению. Дифференцируют данные единицы по разным критериям, в том числе тематически (цветовые композиты – *бело-розовый*), функционально (субстантивные, атрибутивные композиты), по структурным моделям (N + N – *бизнес-план*), по степени идиоматичности, по статусу кодификации: окациональный/рекуррентный/узуальный.

Отметим, что термин *дефисный композит* представляется нам более приемлемым по сравнению с такими обозначениями, как *структура*, *комплекс*, *конструкция*, поскольку он подчеркивает и «формальную нераздельность компонентов, и их содержательную неаддитивную целостность» [1, с. 146]. Композиты дефисного написания характеризуются различной степенью экспрессивности и идиоматичности. Степень их экспрессивности связана со структурной характеристикой и выше у нестандартных, созданных неузуальным способом композитов [7].

Внимание ученых к еще недавно считавшемуся маргинальным типу словообразования отмечается и в зарубежном языкознании [8]. Использование композитов видится как естественный способ отражения усложнившихся реалий в условиях стремительного развития современного общества. Общая проблематика исследования композитов за последние годы значительно расширилась, эмпирический материал стал разнообразным, включающим многие языки. Так, М. Гроссман обращается к структурным особенностям композитов румынского языка, анализирует продуктивность моделей их формирования [9]. Критерии отграничения композитов от других

⁸Гудкова К. В. О лингвистической интерпретации цитатных речений в английском языке [Электронный ресурс]. – URL: <http://euroasia-science.ru/filologicheskie-nauki/o-lingvisticheskoy-interpretacii-citatnyx-rechenij-v-anglijskom-yazyke/> (дата обращения 23.07.2016).

⁹Чекулаева Т. А. Аtribuтивные конструкции с внутренней предикацией в современном английском языке [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2009/Philologia/43964.doc.htm (дата обращения 23.07.2016).

единиц (лексических и синтаксических) сформированы в работах Ф. Масини на материале итальянского языка [10] и Е. Бернал – на материале каталонского языка [11]. А. Бизетто выполнено исследование на основе корпусов итальянского языка [12]. Актуальными являются вопросы структурной дифференциации цитатной препозитивной группы и препозиции по модели свободных сочетаний в составе композита. А. Герксе отмечает, что в турецком языке эти типы значительно отличаются по внутренней структуре и синтаксическому «поведению» [13]. Значительно расширился круг исследовательских интересов за счет внимания к когнитивно-семантическим аспектам и психолингвистическим аспектам восприятия композитов [14].

Целый ряд современных исследований, в том числе работы Дж. Мейбауэра и Ч. Чаритонидиса, посвящен контекстуально-прагматическому анализу композитов [15–18]. Изучением композитов сегодня занимается междисциплинарная область морфопрагматики [15; 18]. Ф. Масини и В. Бенини на материале фразовых композитов (*phrasal lexemes*) исследовали стратегии языковой компрессии [19]. Несмотря на развитие новой междисциплинарной проблематики и повышенный интерес ученых к вопросам прагматики использования композитов разных языков в разных сферах коммуникации, вопросы перевода композитов на другой язык с учетом неоднозначного соответствия прагматики оригинала и прагматики перевода еще ждут своего освещения.

Лаконичность дефисных композитов и способность к передаче многих прагматических смыслов соответствует общей тенденции современной коммуникации к компрессии, передаче большего объема информации в единицу времени. Аналитический строй английского языка, односложность исконной лексики, аналогическая языковая компрессия

способствуют частотному употреблению дефисных композитов в английском языке в разных функциональных стилях и видах дискурса. В ходе исследования многочисленные дефисные композиты замечены в современном американском и британском политическом дискурсе.

Методология

Исследование выполнено на материале дефисных композитов политического дискурса американских и британских печатных изданий за 2008–2016 годы: *The Guardian*, *The New York Times*; *The Washington Times*; *The Los Angeles Times*; *The Wall Street Journal*; *The Houston Chronicle*; *The Washington Post*; *The Boston Herald*, *The Newsweek*, *GQ*, *The Chicago Tribune* и др. В целом изучено более 300 дефисных композитов, использованных в статьях американских и британских СМИ. Кроме того, мы изучали русскоязычные переводы и обзоры политических событий в российских СМИ, на сайтах российских порталов, русскоязычных версиях американских и британских изданий.

Методика исследования включает сравнительно-сопоставительный метод, примененный для анализа оригиналов политического дискурса на английском языке и переводов на русский язык. Контекстологический метод использован в целях изучения дефисных композитов в непосредственной связи с окружающим контекстом. Дискурсивный анализ необходим для исследования статьи политической тематики как коммуникативного события, предполагающего взаимодействие между автором/изданием и читательской аудиторией.

Результаты исследования

Прагматика оригинала и прагматика перевода политического дискурса СМИ. Программным компонентом любой политической коммуникации является имплицитно или эксплицитно выраженная агитация, реализуемая посредством взаимного влияния на взгляды, убеждения и мировоззрение участников коммуникации [20]. Политический дискурс современных СМИ является редактированием и комментированием специально подобранной информации, в том числе и переводной. При этом следует подчеркнуть, что в одних случаях выполняется полный перевод речи политика или перевод всей статьи, который может быть представлен, например, в русскоязычной версии издания. В других случаях переводится и подается в русскоязычную прессу не вся статья, а отдельные ее фрагменты, или не вся речь политика, а отдельные высказывания, фразы или слова. Отобранная и переведенная информация извлекается из контекста оригинала, сопровождается комментарием и включается в новый контекст на языке перевода. Подобная «реконтекстуализация» (recontextualisation) фрагментов исходного политического дискурса и создание «гибридного» текста (jointly produced texts), по мнению К. Шэфнер, стали особенностью современного политического дискурса СМИ [21, с. 105]. Например, СМИ представляют обзор официальных встреч, предвыборных теледебатов. В таком «клипированном» переводе, как считают ученые, занимающиеся проблемами перевода политического дискурса, применяется больше трансформаций, чем может быть необходимо, и в этом

видят проблему необъективной и даже предвзятой подачи исходного материала [21–22].

В современных исследованиях ставится вопрос о влиянии идеологии на перевод политического дискурса и уместность применения критического дискурс-анализа для выявления стратегий манипуляции в переводном материале [23–24]. В других случаях издания используют свою версию перевода отдельных реплик, фраз и слов в рекламных или популистских целях для привлечения внимания читательской аудитории. Таким образом, для политического дискурса СМИ характерно неоднозначное соотношение прагматики оригинала и прагматики перевода. Коммуникативные цели изданий, представляющих перевод, могут не совпадать с коммуникативными целями изданий, в которых опубликован оригинал. Сопоставимы в качестве иллюстрации следующие способы представления на русском языке реплик Х. Клинтон и Д. Трампа на финальных предвыборных дебатах. В оригинале: Clinton: Well, that's because he'd [Putin] rather have a *puppet* as president of the United States. ... Trump: You are the *puppet*!¹⁰

Электронная газета «Век» пишет: «Клинтон парировала, отметив, что все дело в том, Путин заинтересован в приходе к власти в США своей *марионетки*. «Нет, это вы – *марионетка*», – ответил ей Трамп»¹¹.

Один из российских информационно-развлекательных порталов в разделе «Новости» представляет свой перевод: «Кандидат в президенты США Хиллари Клинтон назвала Дональда Трампа «*щенком*» Путина. Трамп в

¹⁰ Blake A. The final Trump-Clinton debate transcript, annotated [Электронный ресурс] // Washington Post, October 19, 2016. – URL: https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/10/19/the-final-trump-clinton-debate-transcript-annotated/?utm_term=.be738a2db99e (дата обращения 03.12.2016).

¹¹ На финальных дебатах Трамп и Клинтон вновь говорили о Путине [Электронный ресурс] // Электронная газета «Век», 20 октября 2016. – URL: <https://wek.ru/na-finalnyx-debatax-tramp-i-klinton-vnos-govorili-o-putine> (дата обращения 03.12.2016).

ответ заявил, что сама Клинтон – это *щенок*¹². Думается, что информационно-развлекательный портал намеренно обыграл внешнее созвучие слов *puppet – puppet (марионетка – щенок)*, отвечая своим коммуникативным целям, не только информационным, но и развлекательным.

Пример прагматики перевода предвыборного речетворчества представляется весьма интересным. В то время как предвыборный дискурс оригинала направлен на конкретного адресата – избирателя данной страны, перевод такого дискурса на другой язык сопряжен с учетом прогнозируемой реакции адресата переводного материала. Таким образом, прагматика оригинала вовсе не обязательно совпадает с прагматикой перевода: возможны разные коммуникативные цели печатных изданий оригинала и перевода и разный коммуникативный эффект на адресатов оригинала и перевода.

Прагматические аспекты перевода дефисных композитов на русский язык. Неоднозначное соотношение прагматики оригинала и прагматики перевода в политическом дискурсе выражается в том, что основные концепты, на которых строится весь нарратив, являются прагматически-заданными, т. е. могут по-разному трактоваться и по-разному вербально выражаться в зависимости от заданных коммуникативных целей автора и/или печатного издания оригинала и перевода.

Основные концепты вербализуются в политическом дискурсе на английском языке многими способами, в том числе и дефисными композитами. Например, в дискурсе предвыборной тематики нарратив построен на основе образов кандидатов, электората и избиратель-

ной кампании. Дефисные композиты, выполняющая характеризующую и оценочную функции, описывают их в «нужном» ракурсе. Так, посредством дефисных композитов характеризуются участники предвыборной гонки: Трамп – *a blunt-spoken political outsider; too-rich-to-care*; Клинтон – *Washington insider-career politician; pressure-tested / battle-tested personality*; кандидаты-соперники – *back-stabbing rivals*; заявления кандидатов – *rat-a-tat declarations*; предвыборная кампания – *topsy-turvy campaign; rough-and-tumble campaign; Trump's insult-comic campaign*; успехи республиканцев в глазах демократов – *out-of-control Republican train*.

Предвыборный дискурс призван не только вербально отразить имеющиеся место факты, но и передать отношение к ним с целью агитации целевой аудитории печатного издания. Использование дефисных композитов для выражения оценки представляется весьма эффективным, поскольку они «привлекают внимание графически, зачастую апеллируют к образным ассоциациям, способны к небанальному отражению ситуации, передающему ее детали и оттенки, обогащающему воображение и информационно-содержательное восприятие предвыборной ситуации» [1, с. 146].

Перевод таких единиц на русский язык сопряжен с влиянием ряда значимых факторов: *фоновые знания, политическая прагматика, культурологический фактор и языковой фактор*. Мы разводим факторы *фоновые знания* и *культурологические*, поскольку под культурологическим фактором мы имеем в виду культурный тезаурус нации, а под *фооновыми знаниями* – общую осведомленность о текущей ситуации в стране.

¹² Третьи дебаты Трампа и Клинтон [Электронный ресурс] // Информационно-развлекательный портал stuki-druki.com/news, 20 октября 2016. – URL:

<http://stuki-druki.com/news/VIDEO-tretji-debati-Trump-Clinton.php> (дата обращения 03.12.2016).

Так, у русскоязычной читательской аудитории могут отсутствовать или быть недостаточными, либо вовсе иными фоновые знания о конкретной ситуации, выражаемые дефисным композитом в «свернутом» виде. Это ведет к тому, что осуществляется не перевод дефисного композита в прямом смысле, а, скорее, иное вербальное выражение соответствующего концепта.

Например, в американском предвыборном дискурсе красной нитью проходит характеристика Клинтон как *проверенного, опытного политика, представителя американского истеблишмента*, что является основной линией предвыборного противопоставления Трампу, не требует разъяснений и может компактно передаваться при помощи дефисных композитов: «Hillary Clinton, *the battle-tested political warrior*»¹³ или «She had the thick skin and *pressure-tested personality to be commander in chief*»¹⁴. Подчеркнем, что в дискурсе на английском языке дефисные композиты *pressure-tested personality; battle-tested political warrior* апеллируют к фоновым знаниям американцев о личной жизни и профессиональной карьере Хилари Клинтон.

В русскоязычном дискурсе такая вербальная лаконичность прагматически недостаточна, и в российском политическом дискурсе не востребован в отношении Хилари Клинтон однозначный перевод выражения с дефисным

композитом, типа *pressure-tested personality – проверенная/непоколебимая/устойчивая личность*. Однако встречается развернутая интерпретация данной концептуальной характеристики: «мол, я снесу что угодно»; «Мы, битые-перебитые, давно всем доказали, что мы круче простых политических смертных»; «пройдя горнило политических интриг и смертельных властных игр, она чему-то да научилась»¹⁵; «тертый калач американской политики»¹⁶.

Негативно-иронический оттенок такой интерпретации связан с фактором влияния политической прагматики на перевод. Фактор политической прагматики следует учитывать, поскольку перевод дефисных композитов на русский язык может самостоятельно включаться в политический дискурс на русском языке и приобретать разнообразные прагматические оттенки. Например, лаконичная характеристика Х. Клинтон *battle-tested* может переводиться как «*проверенная в бою*», из чего следует, что она – *опытный политик, на которого можно положиться*. Дефисный композит *battle-tested*, употребляемый с четким положительным смыслом в отношении Х. Клинтон, получил распространение благодаря известной фразе Б. Уитфорда, американского актёра, сценариста и колумниста: «*She's battle tested, she's got a dirty uniform, and that's who you want fighting for your kids' future*»¹⁷ (Она испытана в бою, у нее грязная [военная] форма

¹³ Dorning M. In western Pa., Democrats find voters tough as steel [Электронный ресурс] // Chicago Tribune, April 16, 2008. – URL: http://articles.chicagotribune.com/2008-04-16/news/0804160173_1_guns-or-religion-sen-obama-democratic-party (дата обращения 12.10.2016).

¹⁴ Barbaro M. Hillary Clinton Asks Not for Trust, but for Faith in Her Competence [Электронный ресурс] // New York Times, July 28, 2016. – URL: <http://www.nytimes.com/2016/07/29/us/politics/hillary-clinton-democratic-nominee.html> (дата обращения 12.10.2016).

¹⁵ Вульф М. Почему Хиллари Клинтон должна стать следующим президентом США [Электронный ресурс] // Русскоязычная версия GQ.ru. – URL: http://www.gq.ru/taste/politics/149375_pochemu_khillari_klinton_dolzhna_stat_sleduyushchim_prezidentom_ssha.php (дата обращения 20.12.2016).

¹⁶ Дудчак А. Остались двое [Электронный ресурс] // Советская Россия, 30 июля 2016. – URL: <http://www.sovross.ru/articles/1435/25245> (дата обращения 20.12.2016).

¹⁷ Peterson L. Why Bradley Whitford is doing everything he can to send Hillary Clinton to the West Wing.

и она та, которой вы хотите доверить бороться за будущее своих детей¹⁸).

Однако этот же композит может быть переведен с крайне негативной коннотацией «обстрелянная» с аллюзией на *дестабилизацию ближневосточного региона в ее бытность госсекретарем*. «Реальные новости» от 24 августа 2016 г. пишут: «Образ Хиллари – “разжигательницы войны” не известен среднестатистическому американскому избирателю, однако России, Европе и другим странам довелось познакомиться с не самой лицеприятной стороной Хиллари»¹⁹. Так подчеркнуты различия фоновых знаний (что известно/неизвестно читателям оригинала и переводного материала), которые в сочетании с фактором политической прагматики обуславливают перевод.

«Военная» метафора в отношении образа Х. Клинтон, широко представленная в политическом дискурсе оригинала на английском языке (в примерах выше: *she's got a dirty uniform, political warrior, commander in chief*), повлияла на перевод дефисных композитов на русский язык, снабдив их противоположной – негативной – коннотацией (*battle-tested*). Для русскоязычной аудитории «военизированный» образ оказался прагматически неприемлем.

В том случае, если американское или британское издание имеет русскоязычную версию и статья переводится полностью, а коммуникативные цели оригинала и перевода максимально совпадают, перевод дефисных

композитов на русский язык сориентирован на русскоязычную аудиторию не политически, а культурологически. Рассмотрим с позиций культурологических факторов одни и те же фрагменты оригинала и перевода статьи М. Вульфа «Hillary Clinton will be the next US president» («Почему Хиллари Клинтон должна стать следующим президентом США»), обращая внимание на перевод дефисных композитов.

Оригинал: «The historical point can hardly be missed (although it often is), that the age of killer politics, *of take-no-prisoner politics*, of politics being war instead of professional calling, begins with *the us-against-them fatalism* of the Clintons»²⁰.

Перевод: «Исторический смысл всего этого состоит в том, что эра безжалостной политики, *политики до последней капли крови*, политики как войны, вместо политики по профессиональному призванию началась именно с Клинтонов, с их *фаталистского принципа «весь мир против нас, ну и мы против всех»*²¹.

Политика Клинтонов, названная в оригинале *take-no-prisoner politics*, представлена в русскоязычной версии британского издания как «*политика до последней капли крови*», а принцип *the us-against-them fatalism of the Clintons* переведен как «*весь мир против нас, ну и мы против всех*».

Сопоставление оригиналов и переводов данных дефисных композитов приводит к раз-

April 29, 2016. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hillaryclinton.com/feed/why-bradley-whitford-doing-everything-he-can-send-hillary-clinton-west-wing> (дата обращения 25.11.2016).

¹⁸ Перевод авторов – О. Н.; Е. Т.

¹⁹ Реальные новости, 24 августа 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://realnienovosti.com/v-mire/1472029509.html> (дата обращения 20.12.2016).

²⁰ Wolff M. Hillary Clinton will be the next US president [Электронный ресурс] // GQ, May 5, 2016. – URL:

<http://www.gq-magazine.co.uk/article/hillary-clinton-first-female-president-us> (дата обращения 20.12.2016).

²¹ Вульф М. Почему Хиллари Клинтон должна стать следующим президентом США [Электронный ресурс] // Русскоязычная версия GQ.ru. – URL: http://www.gq.ru/taste/politics/149375_pochemu_khillari_klinton_dolzha_stat_sleduyushchim_prezidentom_ssha.php (дата обращения 20.12.2016).

мышлениям о случайности или преднамеренности скрытых обертонов, которыми наделяется в переводе чета Клинтонов. Так, в оригинале статьи *take-no-prisoner politics* предполагает *беспоощадность к другим*, тогда как выражение в русском языке *до последней капли крови* имплицитно подразумевает *жертвенность: бороться, не жалея жизни, жертвуя самым дорогим*. Обреченность на страдание и образ жертвы дополняются переводом второго дефисного композита: *us-against-them* – *весь мир против нас, ну и мы против всех*. В оригинале наступательное *us-against-them*, дословно «*мы против них*» передано в переводе оборонительным «*весь мир против нас, ну и мы против всех*». Возникли данные смыслы случайно в ходе культурологической адаптации для русскоязычной аудитории или намеренно, имплицитно отвечая на вопрос названия статьи «Почему Хиллари Клинтон должна стать следующим президентом США» – вопрос остается открытым.

На материале оригинала и перевода политического дискурса можно проследить, как с помощью двух дефисных композитов созданы разные образы для аудитории, читающей на английском языке, и для русскоязычной аудитории. В оригинальной версии статьи средствами английского языка создан образ *прошедшего испытания, сильного и жесткого к внешнему миру лидера*, а в переводе на русский язык изображен образ *лидера, также прошедшего испытания, но жертвующего собой, вынужденного принимать ответные меры на жесткость извне*. Возможно, в глазах русскоязычной версии издания это соответствует различиям менталитетов американцев и русских: американцы голосуют за сильного, а россияне чувствительны к страданию.

Дефисные композиты, сформированные на основе прецедентных высказываний, представляют особый интерес и сложность для перевода. Так, для характеристики Трампа используются дефисные композиты, сформированные на основе прецедентных феноменов шоу-бизнеса: «Mrs. Clinton herself was an off-stage presence, unlike Mr. Trump, who made a *the-mothership-has-landed* appearance the first night of his convention»²² (Г-жа Клинтон сама не вышла на сцену, в отличие от мистера Трампа, который эффектно, как «космический флагман», появился в первый же вечер конвенции²³).

Дефисный композит *the-mothership-has-landed* (appearance) образован от названия альбома *The Mothership Has Landed* группы *Mother Superior* вышедшего в 1996 году и создает аллюзию на образ кандидата-шоумена, который умеет поразить публику. Предвыборная кампания Трампа изображается как *грубое и комичное* шоу Д. Трампа: *Trump's insult-comic campaign*.

Языковые факторы взаимодействуют со всеми названными, а также и самостоятельно влияют на перевод дефисных композитов на русский язык. Структурные отличия аналитического английского языка и синтетического русского языка обуславливают грамматические, лексические и лексико-грамматические трансформации при передаче дефисных композитов, нередко используются причастные обороты, сравнительные конструкции, близкие по смыслу устойчивые выражения, о чем свидетельствуют приведенные примеры. Однословные соответствия, как правило, лишены целой гаммы смысловых обертонов оригинала.

²² Poniewozik J. Указ. соч.

²³ Перевод авторов – О. Н.; Е. Т.

Заключение

Композиты дефисного написания появляются в американском и британском политическом дискурсе по мере необходимости, их образование почти непрерывный процесс, многие композиты создаются по продуктивным словообразовательным типам и моделям, нередко – на основе прецедентных феноменов американской и британской лингвокультур. В ходе исследования установлено, что дефисные композиты в прагматически насыщенном политическом дискурсе американских и британских СМИ реализуют его персуазивный потенциал.

Политический дискурс британских и американских СМИ и его русскоязычный перевод имеют разную в культурологическом и политическом аспектах целевую аудиторию. Перевод политического дискурса на русский язык осуществляется с учетом коммуникативной цели издания и прогнозируемой реакции российской читательской аудитории. Перевод

дефисных композитов на русский язык обусловлен рядом факторов, наиболее значимыми из них являются фоновые знания читательской аудитории, политическая прагматика печатного издания, культурологический и языковой факторы.

Модель дефисного композита как способ компрессии текста в политическом дискурсе американских и британских СМИ фактически не востребована в соответствующих переводах на русский язык. Это обусловлено как структурными особенностями русского языка, так и прагматикой перевода дефисных композитов на русский язык. Политические и культурологические факторы, фактор недостаточной фоновой информации определяют вербально развернутый способ представления соответствующих понятий, в котором прагматические акценты расставлены в зависимости от коммуникативных целей издания и относительно его читательской аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Николаева О. В.** Прагматический потенциал атрибутивных композитов в американском масс-медийном дискурсе по предвыборной тематике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9–3 (63). – С. 146–149.
2. **Jovanović V. Ž.** Morphological aspects of English adjectival compounds: corpus analysis // Facta universitatis. Series: Linguistics and Literature. – 2005. – Vol. 3, № 2. – P. 209–226.
3. **Горбов А. А.** Атрибутивные компоненты сочетаний типа бизнес-план: аналитические прилагательные? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2015. – № 3. – С. 36–48.
4. **Хашимов Р. И.** Билексема как особая единица языка // Вопросы филологии. – 2008. – № 4. – С. 30–38.
5. **Черкасова А. А.** О некоторых грамматических признаках билексемы как особой единицы языка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 3 (1). – С. 347–350.
6. **Спиридонов А. В.** Функционирование окказиональных дефисных комплексов в романе В. Аксенова «Редкие земли» // Филология и культура. – 2013. – № 1 (31). – С. 105–109.
7. **Терехова Е. В.** Транслингвальность композитов в политическом дискурсе // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 50–55.
8. **Trips C.** How to account for the expressive nature of phrasal compounds in a conceptual-semantic framework // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. – 2014. – Vol. 11, № 1. – P. 33–61.

9. **Grossmann M.** Romanian compounds // *Probus.* – 2012. – Vol. 24, № 1. – P. 147–173. DOI: <https://doi.org/10.1515/probus-2012-0007>
10. **Masini F.** Italian compounds // *Probus.* – 2012. – Vol. 24, № 1. – P. 61–91. DOI: <https://doi.org/10.1515/probus-2012-0004>
11. **Bernal E.** Catalan compounds // *Probus.* – 2012. – Vol. 24, № 1. – P. 5–27. DOI: <https://doi.org/10.1515/probus-2012-0002>
12. **Bisetto A.** Do Romance languages have phrasal compounds? A look at Italian // *STUF – Sprachtypologie und Universalienforschung.* – 2015. – Vol. 68, № 3. – P. 395–419. DOI: <https://doi.org/10.1515/stuf-2015-0018>
13. **Gökse A.** Phrasal compounds in Turkish: Distinguishing citations from quotations // *STUF – Sprachtypologie und Universalienforschung.* – 2015. – Vol. 68, № 3. – P. 359–394. DOI: <https://doi.org/10.1515/stuf-2015-0017>
14. **The Oxford Handbook of Compounding** / Eds. R. Lieber, P. Štekauer. – Oxford University Press, 2011. – 712 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199695720.001.0001>
15. **Meibauer J.** Word-Formation and Contextualism // *International Review of Pragmatics.* – 2014. – Vol. 6, № 1. – P. 103–106. DOI: <https://doi.org/10.1163/18773109-00601006>
16. **Meibauer J.** On "R" in phrasal compounds – A contextualist approach // *STUF – Sprachtypologie und Universalienforschung.* – 2015. – Vol. 68, № 3. – P. 241–261. DOI: <https://doi.org/10.1515/stuf-2015-0013>
17. **Charitonidis C.** The linking of denotational and socio-expressive heads in Modern Greek and English compounding // *Rivista di Linguistica.* – 2014. – Vol. 26, № 2. – P. 9–50.
18. **Charitonidis C.** The morphology-pragmatics interface in Modern Greek compounding // *Poznan Studies in Contemporary Linguistics.* – 2015. – Vol. 51, № 1. – P. 27–73. DOI: <https://doi.org/10.1515/psicl-2015-0002>
19. **Masini F., Benigni V.** Phrasal lexemes and shortening strategies in Russian: The case for constructions // *Morphology.* – 2012. – Vol. 22, № 3. – P. 417–451. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11525-011-9200-y>
20. **Van Dijk T. A.** Ideology and discourse analysis // *Journal of Political Ideologies.* – 2006. – Vol. 11, № 2. – P. 115–140. DOI: <https://doi.org/10.1080/13569310600687908>
21. **Schäffner C.** Unknown agents in translated political discourse // *Target.* – 2012. – Vol. 24, № 1. – P. 103–125. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.24.1.07sch>
22. **Bánhegyi M.** Translation and Political Discourse // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica.* – 2014. – Vol. 6, № 2. – P. 139–158.
23. **Aslani M., Salmani B.** Ideology and Translation: A Critical Discourse Analysis Approach towards the Representation of Political News in Translation // *International Journal of Applied Linguistics and English Literature.* – 2015. – Vol. 4, № 3. – P. 80–88. DOI: <https://doi.org/10.7575/aiac.ijalel.v.4n.3p.80>
24. **Mahdian M., Rahbar M., Hosseini-Maasoum S. M.** Applying Critical Discourse Analysis in Translation of Political Speeches and Interviews // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies.* – 2013. – Vol. 2, № 1. – P. 35–47. DOI: <https://doi.org/10.5901/ajis/2013.v2n1p35>

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.09)

Olga Vasilyevna Nikolaeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation.
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-2918-2202>
E-mail: onikolaeva2009@yandex.ru

Evgenia Victorovna Terekhova, Doctor of Philological Sciences, National Scientific Center of Marine Biology, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation.
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-5470-2804>
E-mail: evgeniavlad@gmail.com

PRAGMATICS OF TRANSLATION INTO RUSSIAN OF HYPHENATED COMPOUNDS FROM BRITISH AND AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

Abstract

Introduction. *The research deals with the pragmatics of translation of British and American political discourse into Russian. Hyphenated compounds which abound in contemporary political British and American media articles are analyzed in the aspects of their pragmatic function in media-discourse in English and mechanisms of translation into Russian.*

Materials and Methods. *Over 300 hyphenated compounds were selected from American and British periodicals on political issues (2008–2016). Discursive analysis was applied to discover persuasive potential of political discourse and the role of hyphenated compounds as author's / newspaper's / journal's rhetoric device.*

Results. *The authors suggested the principles which determine the mechanisms of translation of hyphenated compounds into Russian. It was found that hyphenated compounds being a technique of political text compression and bright expression in media in English were not structurally and pragmatically appropriate for Russian political discourse. With the examples analyzed the translation of hyphenated compounds into Russian was determined by the background (un)awareness of Russian readers of current situation in the USA and the UK, political pragmatics of a Russian periodical, which presented the translated material, as well as the factor of structural difference between English and Russian languages and specific cultures of English- and Russian-speaking countries.*

Conclusions. *The authors state that the mechanisms of translating hyphenated compounds into Russian are a part of persuasive power of political discourse in Russian, which has a different target audience and hence different pragmatic goals.*

Keywords

Hyphenated compound; phrasal compound; pragmatics; morphopragmatics; political discourse; translation; massmedia.

REFERENCES

1. Nikolaeva O. V. Pragmatic potential of attributive composites in the American mass-media pre-election discourse. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 9-3 (63), pp. 146–149. (In Russian)

2. Jovanović V. Ž. Morphological Aspects of English Adjectival Compounds: Corpus Analysis. *Facta Universitatis. Series: Linguistics and Literature*. 2005, vol. 3, no. 2, pp. 209–226.
3. Gorbov A. A. Attributive premodifiers in biznes-plan type combinations: analytic adjectives? *Vestnik of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*. 2015, no. 3, pp. 36–48. (In Russian)
4. Khashimov R. I. Bilexeme as a special Language unit. *Journal of Philology*. 2008, no. 4, pp. 30–38. (In Russian)
5. Cherkasova A. A. On some grammatical features of bilexeme as a special language unit. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod*. 2010, no. 3 (1), pp. 347–350. (In Russian)
6. Spiridonov A. V. Functioning of occasional hyphenated complexes in V. Aksenov's novel «Rare Earths». *Philology and Culture*. 2013, no. 1 (31), pp. 105–109. (In Russian)
7. Terekhova E. V. Translinguality of composites in political discourse. *The Humanities and Social Studies in the Far East*. 2016, no. 2 (50), pp. 50–55. (In Russian)
8. Trips C. How to account for the expressive nature of phrasal compounds in a conceptual-semantic framework. *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. 2014, vol. 11, no. 1, pp. 33–61.
9. Grossmann M. Romanian compounds. *Probus*. 2012, vol. 24, no. 1, pp. 147–173. DOI: <https://doi.org/10.1515/probus-2012-0007>
10. Masini F. Italian compounds. *Probus*. 2012, vol. 24, no. 1, pp. 61–91. DOI: <https://doi.org/10.1515/probus-2012-0004>
11. Bernal E. Catalan compounds. *Probus*. 2012, vol. 24, no. 1, pp. 5–27. DOI: <https://doi.org/10.1515/probus-2012-0002>
12. Bisetto A. Do Romance languages have phrasal compounds? A look at Italian. *STUF – Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2015, vol. 68, no. 3, pp. 395–419. DOI: <https://doi.org/10.1515/stuf-2015-0018>
13. Gökse A. Phrasal compounds in Turkish: Distinguishing citations from quotations. *STUF – Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2015, vol. 68, no. 3, pp. 359–394. DOI: <https://doi.org/10.1515/stuf-2015-0017>
14. *The Oxford Handbook of Compounding*. Eds. R. Lieber, P. Štekauer. Oxford University Press Publ., 2011, 712 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199695720.001.0001>
15. Meibauer J. Word-Formation and Contextualism. *International Review of Pragmatics*. 2014, vol. 6, no. 1, pp. 103–106. DOI: <https://doi.org/10.1163/18773109-00601006>
16. Meibauer J. On "R" in phrasal compounds - A contextualist approach. *STUF – Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2015, vol. 68, no. 3, pp. 241–261. DOI: <https://doi.org/10.1515/stuf-2015-0013>
17. Charitonidis C. The linking of denotational and socio-expressive heads in Modern Greek and English compounding. *Rivista di Linguistica*. 2014, vol. 26, no. 2, pp. 9–50.
18. Charitonidis C. The morphology-pragmatics interface in Modern Greek compounding. *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*. 2015, vol. 51, no. 1, pp. 27–73. DOI: <https://doi.org/10.1515/psicl-2015-0002>
19. Masini F., Benigni V. Phrasal lexemes and shortening strategies in Russian: The case for constructions. *Morphology*. 2012, vol. 22, no. 3, pp. 417–451. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11525-011-9200-y>
20. Van Dijk T. A. Ideology and Discourse Analysis. *Journal of Political Ideologies*. 2006, vol. 11 (2), pp. 115–140. DOI: <https://doi.org/10.1080/13569310600687908>
21. Schäffner C. Unknown Agents in Translated Political Discourse. *Target*. 2012, vol. 24, no. 1, pp. 103–125. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.24.1.07sch>

22. Bánhegyi M. Translation and Political Discourse. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. 2014, vol. 6, no. 2, pp. 139–158.
23. Aslani M., Salmani B. Ideology and Translation: A Critical Discourse Analysis Approach towards the Representation of Political News in Translation. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*. 2015, vol. 4, no. 3, pp. 80–88. DOI: <https://doi.org/10.7575/aiac.ijalel.v.4n.3p.80>
24. Mahdian M., Rahbar M., Hosseini-Maasoum S.M. Applying Critical Discourse Analysis in Translation of Political Speeches and Interviews. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2013, vol. 2, no. 1, pp. 35–47. DOI: <https://doi.org/10.5901/ajis/2013.v2n1p35>

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© Н. Л. Храмцова

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.10)

УДК 81'373

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПРАГМАТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА АМБИЦИОЗНЫЙ)

Н. Л. Храмцова (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. Статья посвящена актуальной в современной лингвистической науке проблеме взаимоотношения языка и общества. В статье представлены результаты исследования фрагмента лексической системы русского языка, в котором происходят динамические процессы, вызванные переменами в общественной жизни. Цель статьи – выявить изменения в семантике и функционировании слова «амбициозный», происходящие в современном русском языке в начале XXI века. Автором отмечается, что утверждение некоторых исследователей о полной утрате негативного компонента значения слова является преждевременным и не вполне обоснованным.

Методология. В качестве материала исследования в статье используются многочисленные примеры употребления слов «амбиции», «амбициозный» в различных типах текстов (публицистических, рекламных, разговорных), а также данные словарей, что позволяет автору говорить о более сложных семантико-прагматических преобразованиях, во многом обусловленных социальными факторами. Используются лексикографический, контекстуальный, дискурсивный методы.

Результаты. Выявляется зависимость употребления слова с положительной или отрицательной коннотацией от возраста говорящего, его социального статуса, психологического типа личности. Прослеживается тенденция закрепления позитивной семантики слова амбициозный прежде всего в сознании молодых людей. Установлено, что немаловажную роль в закреплении в сознании носителей русского языка положительных смыслов слова играют средства массовой информации, прежде всего тексты рекламного характера. Автором отмечается, что высокая частотность употребления слова амбициозный в текстах СМИ, с одной стороны, приводит к быстрому усвоению новой положительной семантики, с другой стороны, слово также стремительно превращается в штамп. Данный вывод делается в том числе на основе анализа текстов объявлений о работе, знакомстве.

Заключение. Делаются выводы о том, что правильнее говорить об энантиосемии, а не простой утрате отрицательного компонента. Подчеркивается, что расщепление семантики слова амбициозный на негативную и позитивную вызвано социальным расслоением общества на сторонников и противников принятия новых западных ценностей.

Ключевые слова: семантика; прагматика; заимствование; современный русский язык; языковая картина мира; расщепление коннотации; энантиосемия.

Храмцова Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: llyudmilanik@yandex.ru

Постановка проблемы

Проблема взаимоотношения языка и общества была поставлена в работах отечественных и зарубежных лингвистов еще в начале прошлого века, но остается актуальной в настоящее время [8]. По мнению В. И. Шаховского, это объясняется тем, что «изменения в обществе постоянно требуют номинации, комментирования и оценивания» [22, с. 16]. В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к явлениям, происходящим в русском языке в конце XX в. – начале XXI в. В работах многих исследователей «результаты лингвистического анализа семантики и функционирования языковых единиц рассматриваются как свидетельства соотнесенных с ними социальных явлений» [20, с. 239]. Динамические процессы в лексической системе русского языка во многом обусловлены интенсификацией процесса заимствования. Основным источником пополнения лексической системы не только русского языка, но и многих других стал английский язык. Проблемы английских заимствований активно исследуются как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Наибольший интерес для исследователей представляет поведение прагматического компонента лексического значения заимствованной лексемы. Е. Принц, известная своими работами в области лингвистической прагматики, отмечала, что заимствования давно изучаются на разных языковых уровнях (фонологических, лексических, морфологических, синтаксических и семантических), однако о том, что заимствования могут происходить на прагматическом уровне, стали говорить сравнительно недавно [6]. В работах Г. Андерсена, посвященных изучению английских заимствований в норвежском языке, приводится мысль о необходимости сравнительного изучения коммуникативно-прагматических функций заимствований в исходном

языке и языке-реципиенте. Автор замечает, что в процессе адаптации заимствований прагматический компонент может претерпевать изменения: сужение, расширение, сдвиг [1]. Исследователи английских заимствований в немецком языке также указывают на то, что прагматические характеристики могут меняться с течением времени [5]. В работе Б. Мишич Илич исследуются английские прагматические заимствования в сербском языке в социолингвистическом аспекте, например, с точки зрения восприятия и оценки носителями сербского языка [4]. Э. А. Китанина связывает изменение прагматических функций со сменой мировоззрения эпохи. По мнению автора, «оценочная революция» конца XX – начала XXI вв. «затронула большой массив иноязычных слов и изменила их прагматическое содержание. Для русского языка последних десятилетий характерна <...> смена отрицательного модуса на положительный у освоенных заимствований» [14, с. 218].

Исследование динамических процессов в русской лексике конца XX в. – начала XXI в. остается актуальной задачей, которая может быть решена только путем описания различных фрагментов лексической системы языка [6]. Подобные исследования проводятся также на материале других языков. Так, в одной из своих последних работ Г. Андерсен проследит прагматическую адаптацию англицизма [jobb] ‘работа’ в норвежском языке от момента заимствования в XIX в. до настоящего времени [2]. Много исследований выполнено в сопоставительном аспекте, например, авторы статьи изучают вопрос о концептуализации понятия ‘красивый’ в английском, испанском и русском языках [3].

Многие лингвисты, изучающие изменения, происходящие в современном русском языке, обращаются к словам *амбиции*, *амбици-*

озный, амбициозность. В работах исследователей преобладает мнение о том, что слово *амбиции* и производные от него сменили свою оценку на противоположную – с отрицательной на положительную. Например, Л. П. Лобковская, рассуждая об изменениях в «эмотивном коде языка», говорит о том, что у слова *амбиции* «наблюдается нейтрализация отрицательной коннотации; более того, процесс не останавливается на нейтральной отметке, а сдвигается в сторону положительной коннотации» [16, с. 137]. Е. В. Маринова заявляет уже о полной утрате отрицательного компонента значения: «Новым в начале XXI века оказывается и значение прилагательного *амбициозный*. Его можно сформулировать так: “перспективный, масштабный, направленный на достижение больших целей”. <...> Как видим, отрицательный компонент значения полностью утратился» [17, с. 62].

Действительно, то, что слово *амбициозный* может употребляться с негативной окраской, вызывает удивление у большинства молодых носителей русского языка. Подтверждение этому находим в многочисленных дискуссиях участников интернет-общения, где слово *амбициозный* часто становится объектом обсуждения: «Может ли амбициозный человек быть нерешительным? И обязательно ли он высокомерен?»¹.

Споры относительно семантики слова *амбициозный* не утихают уже в течение нескольких лет. Приведенный выше пример обсуждения датирован 2008 г., а в декабре 2015 г. на одном из сайтов появилось приглашение к очередной дискуссии: «В интересное время мы с вами живём – сегодня можно трактовать слова как угодно, но у каждого слова с

точки зрения физики своя вибрация, а значит, по моему мнению, оно несёт чёткую информацию – имеет конкретное значение и несёт определённую психологическую нагрузку. И с этой точки зрения меня заинтересовало слово “амбиции”»². Причину такого интереса обычных носителей языка к семантике слов И. Т. Вепрева видит в «бурных» изменениях в политической и экономической жизни общества, которые привели к пересмотру сложившихся представлений человека о мире: «Обновление концептуального мира носителя языка, концептуализация знаний о преобразующемся мире при представлении их в языковой форме сопровождается оценочной интерпретацией языкового знака, которая проявляется в феномене метаязыкового комментирования, в обостренной рефлексии носителя языка» [11, с. 23].

Цель статьи – показать динамические процессы в прагматически маркированной лексике, происходящие в современном русском языке в начале XXI в. На примере слова *амбициозный* попытаемся показать, что утверждение некоторых исследователей о полной утрате негативного компонента значения слова является преждевременным и не вполне обоснованным.

Материалы и методы исследования

В своем исследовании мы используем различные источники материала. Прежде всего мы обращаемся к данным словарей различных типов. Методика лексикографического анализа позволяет выполнить разноаспектную интерпретацию слова *амбициозный*

¹Амбициозный. Говорим и пишем правильно. – URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/4562241.html> (дата обращения 30.08.2016).

²Приглашаю к дискуссии: Амбиции – это последнее прибежище неудачников или что-то другое? – URL: <http://www.b17.ru/article/42028/> (дата обращения 30.08.2016).

(этимологическую, семантическую, прагматическую и т. д.). Признавая тот факт, что лексикографическая интерпретация многих слов не соответствует их современной семантической и прагматической характеристике, мы уделяем особое внимание выявлению смысловых компонентов, не отраженных в лексикографических источниках. С этой целью анализируется влияние контекстного окружения на формирование позитивной или негативной коннотации в слове *амбициозный*. Решение данной задачи стало возможным в результате обращения к различным типам текстов: публицистическим, политическим, рекламным. Привлечение в качестве материала исследования рефлексивных высказываний интернет-пользователей позволяет нам показать формирование представлений об амбициях в разных слоях современного общества, что отражает социолингвистический аспект исследования.

Проведенный анализ большого количества современных употреблений слов *амбиции*, *амбициозный* позволяет высказать сомнение по поводу полной утраты отрицательного компонента лексического значения исследуемых слов. Было бы удивительно, если бы лексическое значение слова с почти трехсотлетней историей утратилось языком за два десятилетия. Мы наблюдаем более сложные семантико-прагматические преобразования, во многом обусловленные социальными факторами, среди которых наиболее важными оказываются возраст, статус, профессиональные и гендерные особенности говорящих.

Результаты исследования

В своем исследовании мы опираемся прежде всего на данные словарей русского

языка. Все словари русского языка, включая этимологические, толковые, а также словари иностранных слов, описывают только негативную семантику лексем *амбиции* и *амбициозный*. Прослеживается единство лингвистов и во взглядах на происхождение данных слов. Словарные статьи из разных этимологических словарей указывают на родство с латинским значением «честолюбие, тщеславие», при этом отмечается высокая степень проявления этих отрицательных компонентов в семантике. Например: «**Амбиция**. Заимствовано в Петровскую эпоху из польск. яз. (Смирнов, 36). По КСРС впервые фиксируется в Архиве князя Куракина, 1711 г. Ср. также в “Лексиконе вокабулам новым”: *амбицио* “гордость, пыха”. Польск. *ambicja* восходит к лат. *ambitio* “честолюбие, тщеславие”, суффиксальному производному от *ambire* “домогаться, добиваться” (милости, чести, места, чина). – Укр. *амбіція*, бел. *амбіцыя*, польск. *ambicja*, чешск. *ambice*, словацк. *ambicja*, болг. *амбиция*, с.-х. *амбиција*, словенск. *ambicija*»³; «**Амбиция** “обострённое честолюбие”, со времени Петра I; см. Смирнов 36, Христиани 23. Через польск. *ambicja* из лат. *ambitio*»⁴. По мнению А. В. Бастрикова, «нельзя выводить русское слово амбиция из французского языка, так как, во-первых, новое слово входило в русский язык в латинском или польском оформлении, во-вторых, время его вхождения характеризовалось скорее сильным польским влиянием, нежели французским» [9, с. 187]. Ср. толкование в словаре иностранных слов А. Д. Михельсона: «**Амбиция** – франц. *ambition*, от лат. *ambitio*. Сперва домогательство места; потом стремление к милости и повышению в чины;

³ Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994. – 400 с.

⁴ Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; Пер. с нем. О. Н. Трубачева. – 4-е Изд., Стер. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – Т. 1. – 588 с.

теперь самолюбие»⁵. Из данной словарной статьи также следует, что слово *амбиция*, заимствованное русским языком в начале XVIII в., первоначально обозначало «ходящий кругами, обхаживающий, уговаривающий людей голосовать за него на выборах», при этом не имело отрицательных коннотаций. А. В. Бастриков объясняет появление негативного значения следующим образом: «"Честолюбие" до XVIII века – средневековое понятие следования чести как единственно верному пути (честь рода, семьи). В XVIII веке поведение человека по законам чести (т. е. рода, фамилии) начинает противоречить осознанному равенству людей (внесловная ценность человека). Честь рода хотя и уважается, но с позиций демократической литературы начинает оцениваться негативно, чрезмерная любовь к своей "чести" подвергается осмеянию: важна не принадлежность к древнему роду, а личные заслуги, достижения» [9, с. 191].

Двойственный характер семантики слова *амбиция* представлен в толковом словаре В. И. Даля: «**Амбиция**, ж. франц. чувство чести, благородства; самолюбие, спесь, чванство; требование внешних знаков уважения, почета. Он при амбиции, шуточно, при шпаге. Амбициозный, себялюбивый, тщеславный, жадный до почестей, похвал, поощрений наградами и отличиями»⁶. В толковом словаре Д. Н. Ушакова также отмечено положительное значение: «**Амбиция**, -и, ж. [лат. ambitio]. Самолюбие, чувство чести. Задеть чью-н. *амбицию*. || Чванство, спесь. *Человек с амбицией*.

На грош амуниции, на рубль амбиции. Поговорка. ◇ Вломиться в амбицию (*разг.*) – обидевшись, выразить неудовольствие»⁷.

Современные толковые словари русского языка практически одинаково представляют семантическую структуру слова. Как правило, выделяется два значения: обостренное самолюбие, чрезмерное самомнение; претензии, притязания на что-либо. Например: «**Амбиция**, -и, ж. 1. Обостренное самолюбие, а также спесивость, чванство. *Войти* (вломиться, удариться) *в амбицию* (обидевшись, рассердиться; *разг.*) 2. *обычно мн.* Претензии, притязания на что-н. (*неодобр.*). *Ничем не обоснованные амбиции*. || прил. *амбициозный, -ая, -ое*»⁸. Следовательно, по определению толковых словарей, человек с амбициями – это высокомерный, с необоснованной гордостью, тщеславный, слишком высокого мнения о себе и превозносящий себя перед окружающими. В некоторых словарных статьях, как видим из приведенных выше примеров, на отрицательную оценку указывает также помета *неодобр.* (неодобрительно). Анализ словарных дефиниций позволяет говорить не только об отрицательной эмоциональной оценке слова, но и о высокой степени её проявления: *обостренное самолюбие, чрезмерное самомнение, чрезмерно преувеличенное чувство собственного достоинства; повышенную обидчивость*.

Новое лексическое значение «перспективный, масштабный, направленный на достижение больших целей», появившееся у слова *амбициозный* в русском языке в конце XX – начале XXI века, многие лингвисты рассмат-

⁵ Михельсон А.Д. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. – М., Собственное издание автора, 1866. – 771 с.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 1. – 699 с.

⁷ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 3 т.: А – М / сост.: Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.]; под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Вече: Мир книги, 2001. – Т. 1. – 704 с.

⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 750 с.

ривают как результат вторичного заимствования из английского языка, где слово *амбиции* имеет нейтральное значение «стремление, цель, предмет желаний», а *амбициозный* – это «претендующий на высокую оценку, на успех; ставящий перед собой высокие цели и имеющий достаточно целеустремленности, чтобы их достичь» [17, с. 62]. На наш взгляд, утверждение о том, что эти лексические значения не могли стать результатом семантического развития слов в русском языке очевидно: почти три столетия *амбициозный* человек в русской культуре был представлен как носитель отрицательных качеств, таких как подлость, корысть, высокомерие.

Подтверждение этому находим в советском дискурсе: можно проследить взаимосвязь смысловых компонентов в лексических значениях слов.

1. Амбициозность и подлость. Описывая концепт *подлость* в ценностной картине мира говорящих, Т. А. Трипольская приходит к выводу, что это центральный концепт в нравственной парадигме носителей языка, его ядро составляют такие компоненты, как предательство, трусость, ложь, коварство [21, с. 30]. Ср.: *Обыденная жизнь первобытного стада превратила стадо в общество. Среда обитания – социальная среда – изменилась. Человек вынужден был приспособиться – возникли мораль, право, нравственность. Иначе общество рухнуло бы из-за нескончаемой грызни людей, получивших вместе с разумом амбиции и подлость.* (Вячеслав Рыбаков. Вечер пятницы (1990)). Люди с амбициями обычно подлые: способные на бесчестные и безнравственные поступки, вызывающие крайне негативные реакции окружающих вплоть до отвращения, омерзения. Их поведение противоречит требованиям чести, оно бесчестное, лишено порядочности. Т. А. Трипольская справедливо отмечает, что «эмотивно-

оценочные смыслы, связанные с поступками и поведением, квалифицируемым как подлость, достаточно однородны – все они относятся к области резко негативной оценочной и эмотивной реакции говорящих» [21, с. 30]. Анализ реакций говорящих на стимулы подлость, подлый, подлец позволили автору высказать предположение о том, что «возможно, это самый сурово оцениваемый человеческий порок», а подлые «поступки говорящие рассматривают как не заслуживающие прощения» [21, с. 31].

2. Амбиции и корысть. Амбициозного человека отличают стремление к получению личной выгоды, часто материальной. Например: *Я вижу националистов и у татар, и у грузин, и у армян, азербайджанцев, евреев, русских. Эти люди проявляют свои амбиции, корысть и начальственное самолюбие. С такими началами я думаю, связаны многие нынешние национальные обиды. Преодолеть их можно, повторяю, повысив образованность и интеллигентность людей.* (Э. Гусева. «Кто совершает поступки, идет до конца» // «Работница», 1989). Однако не только стремление к наживе и жадность к деньгам движут им, но и любовь к почестям, стремление к ним – амбициозный человек корыстен и честолюбив: *Понимал, что они могут помочь партии удержаться в определенных рамках политические амбиции и честолюбие ее наиболее выдающихся руководителей.* (Рой Медведев. О Сталине и сталинизме. Исторические очерки // «Знамя», 1989).

3. Амбиции и высокомерие (гордыня). В словаре синонимов русского языка З. Е. Александровой слово *амбиция* включено в синонимический ряд с доминантой *высокомерие*: «Высокомерность, гордость, надменность, важность, спесь, спесивость, кичливость, чванство, чванливость, барство, заносчивость, зазнайство, гонор, фанаберия

(разг.), форс (прост.), гордыня (уст.)»⁹. Амбициозный человек относится к особому психологическому типу личности с преобладанием презрительно-надменного отношения «высока» к окружающим. Например: *Люди, уважающие себя, вернее преисполненные чувства собственного достоинства (нет-нет, не амбициозные или гордые, а потому напыщенные, чванливые — нет именно полные достоинства, а значит, способные уважать вас и даже восхищаться пусть не великими вашими качествами, даже служить вам возвышенно и красиво), такие люди не забывают своего прошлого, не отбрасывают его на обочину с усмешкой или высокомерной гримасой.* (Булат Окуджава. Упраздненный театр (1989–1993)).

Амбициозного человека отличает преувеличенно высокое мнение о себе и презрительное отношение к другим, он заносчив, выказывает убеждение в собственном превосходстве и достоинстве, надменный, самодовольно-высокомерный. Одно из его качеств – самолюбие, которое определяется в словаре Д. Н. Ушакова следующим образом: «Высокая оценка своих сил, сочетающаяся с ревнивым отношением к мнению о себе окружающих; чувствительность к мнению окружающих о себе»¹⁰.

Таким образом, в приведенных примерах каждой выделенной группы отражены укоренившиеся в русской культуре советского времени представления о том, что человек с амбициями – это человек слишком высокого мнения о себе, чрезмерно уверен в себе, самолюбив, тщеславен, горд, высокомерен, коры-

стен, ищет во всём выгоду, а эти качества личности традиционно не одобряются русской культурой. Поэтому слова *амбиция*, *амбициозный* в советскую эпоху имели ярко выраженную отрицательную окрашенность.

Появление на рубеже XX–XXI вв. нового значения связано с изменением ценностных ориентиров в обществе: духовно-нравственные ценности отходят на второй план, пропагандируется культ «жизненного успеха» и «материального благосостояния».

В первом выпуске Активного словаря современного русского языка (2014) одно из новых значений прилагательного *амбициозный* определяется следующим образом: «Такой, у которого есть сильное желание добиться успеха в выбранной области деятельности»¹¹.

Анализ современного дискурса позволил нам выделить слова, наиболее часто встречающиеся в одних контекстах со словами *амбиции*, *амбициозный*.

1. Амбициозность и успешность.

В конце XX в. становится значимым для русской языковой картины мира образ успешного человека: такой, который имеет высокие доходы, который много добился в жизни [15; 23]. Неотъемлемым качеством успешного человека является амбициозность. Ср.: *Успешных и амбициозных, жаждущих свободы и финансовой независимости людей, приглашаю в красивый современный бизнес EDELSTAR. Французская косметика, парфюмерия, экологически чистые товары для дома, бижутерия, товары для здоровья. Французское качество по доступным ценам*¹².

⁹ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. – М.: Рус. яз., 1986. – 600 с.

¹⁰ Толковый словарь русского языка: в 4 т./ сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.]; под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Терра, 1996. – Т. 4. – 752 с.

¹¹ Активный словарь современного русского языка. Первый выпуск / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – Т. 1. – 408 с.

¹² EDELSTAR - бизнес для миллионов. – URL: <http://www.rbz.ru/ob/143746/> (дата обращения 26.08.2016).

Амбициозность и жажда финансовой независимости – характерные черты современного успешного человека. Семь ‘деньги’, ‘карьерный рост’ актуализируются в большом количестве текстовых фрагментах, содержащих слово *амбициозный*. Например: *Если ты целеустремленный, амбициозный, общительный и хочешь много зарабатывать, мы будем рады принять тебя в свою команду активных и успешных людей*¹³.

Материальный достаток, карьерный рост как составляющие успеха выходят на первый план. Любовь к деньгам, стремление к личному обогащению сейчас расценивается как результат доминирования западных индивидуалистических ценностей. В русской культуре исключительное стремление извлекать из всего для себя выгоду, корысть, жажда наживы оценивались крайне отрицательно. Ср. в Библии: «Корень всех зол есть сребролюбие».

2. Амбициозность и активность. Человек с амбициями – это тот, который не сидит на месте, а стремится быть в курсе всех событий, у него много идей, он активен, всегда занят какой-либо деятельностью, его отличает постоянное стремление к саморазвитию и самосовершенствованию. Ср.: *И молодежь сегодня продвинутая, все более активная и творческая, у нее есть хорошие амбиции, стремится к самореализации и, конечно, должна ставить высокие жизненные цели и достигать их*¹⁴.

Отметим огромную роль массмедийного дискурса в формировании у молодого поколения новых ценностей и иных моделей речевого поведения, в частности относительно использования слова *амбициозный*: рекламные тексты рисуют очень позитивный и притягательный образ амбициозного человека.

3. Амбициозность и внешние атрибуты (дорогие бренды). Важный акцент делается не только на личностных качествах, но и на внешней составляющей образа амбициозного человека: он носит одежду известных брендов, у него все лучшее (часы, ароматы, кресло, записная книжка и т. п.). Ср.: *Коллекции одежды бренда Elegance создается профессиональными дизайнерами для самоуверенных и амбициозных женщин, которые любят роскошь и себя*¹⁵; *Металлические детали отделки и классическое исполнение делает блокнот Cross Classic Century размера А7 прекрасным подарком для мужчины с амбициями*¹⁶. Преобладание в массмедийном пространстве текстов такой направленности привело к тому, что слово *амбициозный* стало характеризовать человека с положительной стороны, а амбициозность считается основной чертой преуспевающей личности. «Старые» негативные смысловые компоненты семантики получают новую оценочную интерпретацию: корысть превращается в желание зарабатывать большие деньги, самоуверенность, высокомерие – в уверенность в достижении поставленных целей любой ценой. Подлость, низость, способность совершать бесчестные поступки всегда осуждались в русской культуре,

¹³ Работа для менеджера по недвижимости. – URL: <https://spb.superjob.ru/vakansii/menedzher-poneedvizhivosti.html> (дата обращения 29.08.2016).

¹⁴ Научный лекторий профессором и доцентов УрФУ для старшеклассников получил признание. – URL: <http://www.uiec.ru/news/0/12852.html> (дата обращения 29.08.2016).

¹⁵ Elegance: марка класса люкс. – URL: <https://blog.wildberries.ru/elegance-marka-klassa-lyuks/> (дата обращения 29.08.2016).

¹⁶ Блокноты, записные книжки Cross. – URL: <http://www.compare-price.ru/notebooks-diary/Cross/1/> (дата обращения 29.08.2016).

но, например, готовность применять «техники продаж» в следующем контексте вряд ли можно назвать образцом благородного, порядочного поведения: *Ищу людей уверенных, решительных и амбициозных! Того, кто действительно нацелен на результат и хочет работать, того, кто не отступит перед первыми же трудностями. Если ты неординарный, позитивный молодой человек и готов продать на собеседовании козинаки беззубому или солнцезащитные очки шахтёру, то я рад видеть тебя!*¹⁷. Умение продать ненужное («козинаки беззубому или солнцезащитные очки шахтёру») ставится в заслугу современному амбициозному человеку.

«Активный словарь современного русского языка» (2014) сопровождает пометой «уходящее» одно из лексических значений слова *амбициозный*: «такой, который имеет преувеличенно высокое мнение о себе и ожидает от окружающих его людей признания ценности своей личности, соответствующего этому мнению»¹⁸. Несмотря на огромное количество современных употреблений слова *амбициозный* в положительном значении, на наш взгляд, рано квалифицировать негативную семантику этого слова как устаревшую. Актуальность негативного значения подтверждают материалы многочисленных форумов, на которых участники активно обсуждают вопросы, связанные и с семантикой самого слова *амбициозный*, и с тем, как относиться к амбициозным людям – положительно или отрицательно. Ср.: *Если человек не амбициозен, то он*

*не то, что до цели не доберется, он ее даже не определит. А посмотрите в объявлениях о приеме на работу, везде **требуются амбициозные люди**. Без амбиций даже на хорошую работу не устроишься. Об остальном уже не говорю*¹⁹; *Для меня это слово вообще **ругательное**, как можно его употреблять для положительной характеристики людей?! Для меня “амбициозный” – это чванливый, напыщенный и во всё лезущий болван и **карьерист***²⁰. Очевидно, следует говорить о контрастной полисемии или о расщепленной коннотации, когда одно и то же слово приобретает разные оценки для разных социальных групп. В основе этого языкового явления лежат социальные факторы, и прежде всего – расслоение общества. Положительный знак оценки слова *амбициозный* мы наблюдаем у тех людей, которые приняли новые западные ценности, кто добился материального благополучия, сделал карьеру, стал успешным человеком. Ср.: *Амбиции – замечательная вещь. Человек не обремененный амбициями обречен на жалкое существование в нищете, а то и того хуже. Под нищетой я понимаю обыкновенный уровень дохода людей, проживающих на территории бывшего СССР*²¹.

Другая часть современного российского общества считает, что формирование новой системы ценностей не привело к положительным результатам, а люди, называющие себя амбициозными, на самом деле часто бывают весьма посредственными работниками. Значи-

¹⁷ Предложение: Требуется менеджер в компанию ТТК в Саратове. – URL: <http://omsk.barahla.net/services/195/4159301.html> (дата обращения 29.08.2016).

¹⁸ Активный словарь русского языка. Т. 1. А–Б / Отв. ред. академик Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – Т. 1. – 408 с.

¹⁹ Что такое амбиции? – URL: <http://www.taynayamagiya.ru/viewtopic.php?id=9494> (дата обращения 28.08.2016).

²⁰ Вопрос по употреблению слов "экспертиза" и "амбициозный". Говорим и пишем правильно. – URL: <http://pishu-pravilno.livejournal.com/4642421.html?thread=90378357> (дата обращения 29.08.2016).

²¹ Амбиции – что это такое? Вопросум.ру – познавательный интернет-журнал. – URL: <http://voprosum.ru/ambicii-cto-eto-takoe> (дата обращения 29.08.2016).

тельная часть наших современников очень хорошо поняла «формулу успеха»: чтобы быть успешным, надо быть амбициозным. Стало не модно говорить о высоких целях, устремлениях, теперь надо заявлять о своих амбициях. Слово *целеустремленный* – «стремящийся к определенной, заранее намеченной цели» – имело положительную коннотацию, что следует из контекста, приведенного в словарной статье в «Малом академическом словаре»: «Важное место в формировании нового человека, обогащенного всеми завоеваниями мировой культуры, идейно целеустремленного, занимают советская наука и искусство»²². Вместе со словом *амбиции*, вторично заимствованным русским языком в начале XX в. уже из английского языка, произошел импорт концепта, чуждого русскому национальному сознанию, но быстро занявшего доминирующие позиции в современной системе ценностей значительной части русских. В. И. Карасик считает, что такие концепты, «апеллирующие к иной системе ценностей, имеют частнооценочный характер». По мнению автора, именно «частнооценочные концепты дают возможность прийти к определенным объяснениям, которые в той или иной степени модифицируют всю сетку оценочных отношений в языковом сознании» [12, с. 177].

Однако не у всех русских амбициозность получает одобрение – частотным оценочным отношением является неприятие новой семантики, которое, по мнению В. И. Карасика, мо-

жет выражаться «широким спектром отношений – активное противоборство, высмеивание, мягкий юмор, игнорирование и т. д.» [12, с. 184]: *Я как работодатель прекрасно знаю, какой труд найти качественного специалиста, а не раздолбая с мизерным опытом, мизерными знаниями и амбициями*²³; *Из серии “меня бесит”. То и дело слышу “требуется амбициозный сотрудник...”, “это очень амбициозный проект...” и даже “я, амбициозный и перспективный молодой человек...”*. Когда это слово перекрасилось в позитивный оттенок? До недавнего времени определение сочеталось “чересчур амбициозный”, “чуть что – в амбицию”. Значение слова “амбициозный” для меня – *тщеславный, с завышенной самооценкой*, по сути – *дурак, с неправильным пониманием своей значимости. Или такие сейчас востребованы?*²⁴

Негативное отношение к сдвигам, происходящим в семантике слова *амбициозный*, высказывает автор «Словаря модных слов» Вл. Новиков: «В русском языке столько красивых эпитетов для оценки перспективных проектов: изобретательный, смелый, отважный, дерзновенный, новаторский, многообещающий, окрыляющий... Стоит ли весь этот богатый спектр подменять бесцветным прилагательным “амбициозный”? А может быть, это слово станет в будущем характеристикой неразумных проектов и начинаний, принесших больше вреда, чем пользы»²⁵.

Как уже отмечалось выше, расщепление семантики слова *амбициозный* в конце XX –

²²Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. 2-го изд. А. П. Евгеньева; Ин-т русского языка АН СССР. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 4. С - Я / ред. А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова, 1984. – 794 с.

²³ Почему сейчас столько самоуверенных, высокомерных, амбициозных людей? – URL: <http://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/4158974/3/> (дата обращения 29.08.2016).

²⁴ Из серии “меня бесит”. – URL: https://www.facebook.com/oe.karpov/posts/957771404252776?comment_id=957775747585675¬if_t=like (дата обращения 29.08.2016).

²⁵ В. Новиков. Словарь модных слов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 256 с.

начале XXI в. на негативную и позитивную вызвано социальным расслоением общества на сторонников и противников принятия новых западных ценностей. Немаловажную роль в закреплении в сознании носителей русского языка положительных смыслов слова играют средства массовой информации, прежде всего тексты рекламного характера, благодаря которым данное слово стремительно приобретает черты ключевого слова эпохи, т. к. обозначает понятие, находящееся в фокусе социального внимания, что соответствует определению ключевых слов эпохи²⁶. Например: *Мужской аромат Escada Magnetism Man от Escada предназначенный для мужчины амбициозного, уверенного в себе, сильного, активного и нацеленного на успех*²⁷. Использование в одном ряду слова *амбициозный* и имен собственных, представляющих собой названия «фирменных предметов и услуг» и функционирующих как своего рода «индексы элитарности» [13, с. 274], способствует формированию и закреплению стереотипа амбициозного человека как успешного, который добивается многого в материальном и социальном плане. Известно, что рекламные тексты легче всего воздействуют на молодежь, т. к. система ценностей представителей этой социальной группы лишена стабильности, поэтому вполне ожидаемо закрепление позитивной семантики слова *амбициозный* прежде всего в сознании молодых людей. Таким образом, на характер оценки слова влияет не только принадлежность говорящего к определенной социальной группе (принимающей или не принимающей новые духовно-нравственные ценности), но и

возрастной фактор носителей языка. Считается, что амбиции вообще в большей степени свойственны молодым людям. Ср.: *В этом возрасте еще живы амбиции и надежда нет-нет да всколыхнет душу забредшей из юности мечтой, но старость уже маячит на горизонте размытым силуэтом, и порой с заката жизни явственно тянет холодом равнодушия к себе, не говоря уже о мире. ... А что поделать — душа с возрастом известкуется, и уже нет ни сил, ни желания отвечать на чувства; и любовь, недостучавшись, проходит мимо.* (Николай Дежнев. В концертном исполнении (1993)).

Анализ текстов СМИ показал, что слово *амбициозный* с позитивно-оценочной коннотацией очень часто употребляется в одном ряду с такими словами, как **молодой, молодежь**. Например: *Сегодня наша страна активно занимает утраченные лидерские позиции: у нее деятельные, молодые, амбициозные руководители, строящие развитую, инновационную экономику, реализующие современную социальную политику, закладывая фундамент могущества страны на десятилетия вперед*²⁸.

Тексты такого типа формируют стереотипы сознания носителей русского языка, определенным образом воздействуют на ценностные ориентиры молодой аудитории, задавая стандарты поведения, в том числе и речевого. Сами участники интернет-общения замечают, что полярные оценки слова *амбициозный* наметились у представителей разных поколений. Ср. ответы на вопрос «Амбициозный человек – это положительная или отрицательная характеристика?», размещенный одним из

²⁶ Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – М.: Высшая школа, 1992. – 220 с.

²⁷ Интернет-магазин элитной парфюмерии "Elite Style". – URL: <http://www.myparfume.ru/product/escada-magnetizm-man/> (дата обращения 29.08.2016).

²⁸ Амбиции современной молодежи (поколения ТИМ) и страны. – URL: <http://www.eurekanet.ru/ewww/promo/7785.html> (дата обращения 29.08.2016).

пользователей социальной сети «ВКонтакте»: *Мой ответ – положительная. Но моя мама употребляет слово амбиции только в отрицательном значении и даже не догадывается, что у этого слова может быть положительная коннотация; По фильтру видно, что пользователи старше 35 проголосовали больше за отрицательное, а молодые – больше за положительное*²⁹.

Можно согласиться с мнением Н. П. Савицкого, который считает, что речь должна идти «не столько о “расщеплении оценок”, сколько о частичном обмене местами между положительными и отрицательными оценками и о проникновении “расщепленных” оценок в общедоступную печать»³⁰.

Высокая частотность употребления слова *амбициозный* в текстах СМИ привела к быстрому усвоению новой положительной семантики, однако у этого явления есть противоположная сторона – слово также стремительно превращается в штамп, а его использование часто оказывается простым следованием моде. Наиболее ярко это проявляется в текстах объявлений о знакомстве. В одном ряду с лексемой *амбициозный* оказываются слова *позитивный, веселый, добрый*, не имеющие общих сем: *Роман. Ищет человека от 25 до 33 лет, с такими чертами характера как: амбициозный, добрый, жизнерадостный, ласковый, надёжный, общительный, оптимист, с чувством юмора, целеустремлённый*³¹. Включение слова *амбициозный* в тексты-самопрезентации

можно интерпретировать как проявление шаблонности мышления. И мужчины, и женщины, усвоив стереотип «хорошо быть амбициозным», выбирают речевые штампы, надеясь на то, что это принесет им успех, однако, как справедливо замечает Л. Кинг, «прибегнув к такой фразе, вы легко сможете войти в контакт с собеседником, но если вы будете часто ее повторять, то станете казаться недалеким человеком, который не умеет выразить свои мысли»³².

Различия в оценочной характеристике амбициозного человека зависят не только от социальной принадлежности и возраста говорящего, но и еще определяются тем, кто является оценивающим субъектом: сам амбициозный человек или окружающие его люди. Несмотря на созданный рекламой образ яркой, уверенной, успешной личности амбициозный человек чаще воспринимается как носитель крайне негативных качеств, таких как способность «идти по головам» для достижения своих целей, неоправданно высокая самооценка, самоуверенность, отсутствие внимания к интересам окружающих людей. Например: *У меня начальник такой был, орал в истериках “Я тут главный, я-я-я!”, из-за него и уволилась). Тож же амбиций через край, а ума мало; Хуже всего, когда начальник молодая глупая и амбициозная баба..., как у нас. Не слышит никого, понимать не желает, разговор на тонах...*³³.

Активная реализация амбиций вызывает раздражение или неприятие у большинства

²⁹ Как вы говорите? – URL: https://vk.com/wall-59790825_80 (дата обращения 29.08.2016).

³⁰ Савицкий Н. П. Позитивное и негативное отражение общества в языке // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996. – С. 155–159.

³¹ Агентство знакомств «Сердца Двух». Каталог анкет. – URL: <http://twohearts.ru/catalog/filter/man/list/3> (дата обращения 29.08.2016).

³² Кинг Л. Как разговаривать с кем угодно, когда угодно и где угодно. Альпина Бизнес Букс, 2006.

³³ Женщина-руководитель. У кого из вас? Как работает? – URL: <http://www.galya.ru/clubs/show.php?id=956802> (дата обращения 29.08.2016).

окружающих людей. Часто в речевом поведении амбициозного человека проявляется неуважение к собеседнику, пренебрежение к нему, принижение его статуса, причем часто неосознанно. Наиболее ярко обнаруживается в отношениях «начальник – подчиненный».

Противоположная оценка амбиций – позитивная – представлена в высказываниях-самооценках. Например: *Амбициозность в нашей стране считается чрезмерным “себялюбием”, а на западе нормальным процессом человека, стремящегося к успеху. Например, меня все считают амбициозной и намекают на то, что мне нужно “снизить свою планку”, но я так не считаю, потому что я стремлюсь к лучшему и это нормально, каждый имеет право добиваться того, о чем мечтает*³⁴.

Подобные высказывания стали возможны в русском языке только с закреплением в семантической структуре слова нового лексического значения, которое квалифицируется как положительное и лингвистами, занимающимися проблемами динамических процессов в русской лексике, и самими носителями языка, активно обсуждающими семантику слова в интернете. С чем нельзя согласиться, так это с мнением об утрате словом негативной семантики. Т. Б. Радбиль высказывает мнение, что «английское слово *ambitious* ‘стремящийся к (чему-л.); жаждущий (чего-л.)’ нельзя передавать соответствующим русским заимствованием *амбициозный*, так как русский вариант содержит явную негативную оценку» [19, с. 570]. Правильнее говорить о проявлении эмоционально-оценочной энтимосемии, вызванной поляризацией семантики. Будучи вторично заимствованным русским языком в конце XX в. из английского

языка слово *амбиции* вступило в противоречие с устоявшейся в течение трех столетий негативной семантикой. Как отмечает А. Д. Шмелев, рецепция «западного» концепта русской культурой не всегда приводит к тому, что концепт ассимилируется, приспособливается к особенностям русской языковой картины мира. Иногда концепт заимствуется в «исходном» виде, и это влечет за собою перестройку соответствующего фрагмента языковой картины мира» [23, с. 21]. И если для носителя западноевропейских языков выражение «У меня есть *амбиция* стать учителем» нейтрально, то в современном русском языке слова *амбиции/амбициозный* всегда эмоционально окрашены. Несмотря на то что положительная оценка достаточно быстро завоевывает свои позиции в речи носителей русского языка, частотным оказывается использование семасиологического метапоказателя *в хорошем смысле этого слова*, что позволяет признать сохранение отрицательного значения. Рассуждая о функции таких выражений, Н. П. Перфильева замечает, что семасиологические метапоказатели «вводятся с целью актуализации определенных сем в том случае, когда слово-топик (выражение-топик) имеет несколько лексико-семантических вариантов и/или обладает значительным диапазоном смысловых оттенков» [18, с. 101]. Употребление слов *амбиции* и *амбициозный* в сочетании с оценочным метаязыковым комментарием *в хорошем смысле этого слова* наблюдаем не только в разговорной речи, но и в текстах рекламного характера. Например: *У человека амбиции должны быть, но в хорошем смысле этого слова. Ведь, в первую очередь, это устремлен-*

³⁴ Как вы относитесь к самоуверенным и амбициозным девушкам? – URL: <http://www.galya.ru/clubs/show.php?id=931623> (дата обращения 29.08.2016).

ность, любовь к делу, которое тобою выбрано³⁵; Ваш друг, коллега, знакомый – уважаемый человек, отличный руководитель, способный грамотно властвовать, занимает высокий пост... или **просто амбициозный (в хорошем смысле этого слова) человек?** Тогда наш оригинальный и функциональный набор ВЛАСТЬ – именно то, что Вам нужно! Статусный набор ВЛАСТЬ станет достойным знаком внимания для любого честолюбивого человека!³⁶ Т. В. Шмелева считает, что люди, понимающие трудность, возникшую при совпадении нового слова со старым, «употребляют его с оговорочкой – в хорошем, а мол не в том, плохом смысле надо понимать»³⁷.

Выводы

Семантические и прагматические изменения лексемы *амбициозный* в современном русском языке отражают изменения, происходящие в коллективном языковом сознании носителей русского языка. Мы наблюдаем некоторое культивирование с помощью СМИ понятия амбициозности как положительного качества современной личности. Однако более

глубокое и детальное изучение речевого поведения носителей русского языка не позволяет говорить о том, что освоение новой семантики слова *амбициозный* происходит легко и без затруднений. Аналогичные проблемы с этим словом наблюдаются, например, в китайском языке, где накопление личного богатства, алчность, достижение своих целей во что бы то ни стало никогда не поощрялось, поэтому различия в эмоциональной окраске соответствующих слов в разных языках приводят к непониманию в общении людей [7, с. 148].

В русском языке негативная коннотация слов *амбиции*, *амбициозный* сохраняется: даже самые активные защитники нового значения среди интернет-коммуникантов при попытке прокомментировать способы достижения целей, которые ставит амбициозный человек, выходят на отрицательные черты характера личности, а слишком активная реализация амбиций вызывает чаще всего раздражение и неприятие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Andersen G. Pragmatic borrowing // Journal of Pragmatics. – 2014. – Vol. 67. – P. 17–33. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2014.03.005>
2. Andersen G. A corpus study of pragmatic adaptation: The case of the Anglicism (*jobb*) in Norwegian // Journal of Pragmatics. – 2017. In Press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2016.12.015>
3. Gladkova A., Romero-Trillo J. Ain't it beautiful? The conceptualization of beauty from an ethnopragmatic perspective // Journal of Pragmatics. – 2014. – Vol. 60. – P. 140–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2013.11.005>

³⁵ Ольга Пирагс: Амбиции должны быть, но в хорошем смысле слова. – URL: http://rus.tvnet.lv/wo_men/dom_sjemja/274547-olga_pirags_ambicii_dolznyi_bit_no_v_horoshjem_smislje_slova (дата обращения 29.08.2016).

³⁶ Ассорти подарков. Подарочный набор ВЛАСТЬ. – URL: https://assorti-podarkov.ru/catalog/polnyy_katalog/podarochnyy_nabor_vlast/ (дата обращения 29.08.2016).

[katalog/podarochnyy_nabor_vlast/](http://sibforum.sfu-kras.ru/node/188) (дата обращения 29.08.2016).

³⁷ Шмелева Т. В. Вы не амбициозны? Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. – URL: <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/188> (дата обращения 29.08.2016).

4. **Mišić Plić B.** Pragmatic borrowing from English into Serbian: Linguistic and sociocultural aspects // Journal of Pragmatics. – 2017. In Press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2017.01.010>
5. **Onysko A., Winter-Froemel E.** Necessary loans – luxury loans? Exploring the pragmatic dimension of borrowing // Journal of Pragmatics. – 2011. – Vol. 43, Issue 6. – P. 1550–1567. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2010.12.004>
6. **Prince E. F.** On pragmatic change: The borrowing of discourse functions // Journal of Pragmatics. – 1988. – Vol. 12, Issues 5–6. – P. 505–518. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166\(88\)90045-8](http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166(88)90045-8)
7. **Wang Xiao-yan.** Cultural Factors Behind Semantic Differences // US-China Education Review B. – 2014. – Vol. 4, No. 2. – P. 146–150.
8. **Xiang M.** Toward a Neo-economy Principle in pragmatics // Journal of Pragmatics. – 2017. – Vol. 107. – P. 31–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2016.11.004>
9. **Бастриков А. В.** Пополнение лексического состава русского литературного языка XVIII века иноязычными заимствованиями (на примере формирования наименований этических понятий) // Ученые записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 185–196.
10. **Березович Е. Л., Сурикова О. Д.** К семантической истории «многоканальных» заимствований: случай *кураж* // Вопросы языкознания. – 2016. – № 4. – С. 35–55.
11. **Вепрева И. Т.** Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 380 с.
12. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
13. **Киклевич А. К.** Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. – Харьков: Гуманитарный центр, 2014. – 444 с.
14. **Китанина Э. А.** «Оценочная революция» конца XX – начала XXI вв. и прагматика иноязычного слова (на примере галлицизмов) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 3. – С. 215–218.
15. **Левонтина И. Б.** Русский со словарем. – М.: Азбуковник, 2010. – 365 с.
16. **Лобковская Л. П.** К проблеме изменения оценочной коннотации заимствований // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 7. – С. 136–139.
17. **Маринова Е. В.** Могут ли амбиции быть здоровыми? // Русская речь. – 2012. – № 5. – С. 57–63.
18. **Перфильева Н. П.** Семасиологические метапоказатели в семантико-функциональном аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Том 11, Вып. 9: Филология. – С. 99–104.
19. **Радбиль Т. Б.** «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6-2. – С. 569–573.
20. **Резанова З. И., Шиляев К. С.** Этнонимы «Русин», «Русинский» в русской речи: корпусное исследование // Русин. – 2015. – № 1 (39). – С. 239–255. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/18572685/39/15>
21. **Трипольская Т. А.** Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – 166 с.
22. **Шаховский В. И.** Меняющаяся картина мира в динамике языка и речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: языкознание. – 2015. – Т. 14, № 1. – С. 7–20. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.1>
23. **Шмелев А. Д.** Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. – 2009. – № 4. – С. 14–21.

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.10)

Lyudmila Nikolaevna Khramtsova, Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Head of the Department of Modern Russian Language, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-7395-517X>

E-mail: llyudmilanik@yandex.ru

DYNAMIC PROCESSES IN THE PRAGMATICALLY MARKED VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY (WITH THE FOCUS ON THE WORD *AMBITIOUS*)

Abstract

Introduction. *The article is devoted to the problem of the current interest in modern linguistics – the relationship between language and society. The article presents the results of a study of the Russian language lexical system fragment, where dynamic processes caused by changes in the social life take place. The purpose of this article is to reveal changes in semantics and functioning of the word “ambitious” taking place in the modern Russian language at the beginning of the XXI century. The author notes that the opinion of some researchers about the complete loss of the negative component of the word's meaning is premature and not entirely justified.*

Materials and Methods. *The article examines numerous usage examples of the words “ambition” and “ambitious” in different types of texts (journalistic, advertising, spoken) and also dictionary data, that allows the author to talk about more complex semantic-pragmatic transformations, largely due to social factors. The lexicographic method and contextual and discourse analysis are used.*

Results. *The dependency of using the words “ambition” and “ambitious” with positive or negative connotation on the speaker's age, social status, and psychological personality type is revealed. The article traces the trend of consolidating the positive semantics of the word “ambitious” mostly in the minds of young people. The author emphasizes that mass media, especially advertising texts, play an important role in such consolidation in the minds of Russian native speakers. The author notes that the highly frequent usage of the word “ambitious” in mass media texts leads, on one hand, to a rapid assimilation of the new positive semantics, and on the other hand, the word itself is becoming a cliché. This conclusion is based on the analysis of a range of texts including, but not limited to, job offers and dating advertisements.*

Conclusions. *In conclusion, the author identifies the analyzed phenomenon as enantiosemy, rather than a simple loss of a negative component. The author emphasizes that splitting the connotation of the word “ambitious” into the negative and positive is the consequence of the stratification of society into supporters and opponents of the adoption of the new Western values.*

Keywords

Semantics; pragmatics; borrowing; modern Russian language; world language picture; splitting of connotation; enantiosemy.

REFERENCES

1. Andersen G. Pragmatic borrowing. *Journal of Pragmatics*. 2014, vol. 67, pp. 17–33. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2014.03.005>
2. Andersen G. A corpus study of pragmatic adaptation: The case of the Anglicism (*jobb*) in Norwegian. *Journal of Pragmatics*. 2017. In Press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2016.12.015>
3. Gladkova A., Romero-Trillo J. Ain't it beautiful? The conceptualization of beauty from an ethnopragmatic perspective. *Journal of Pragmatics*. 2014, vol. 60, pp. 140–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2016.11.004>
4. Mišić Ilić B. Pragmatic borrowing from English into Serbian: Linguistic and sociocultural aspects. *Journal of Pragmatics*. 2017. In Press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2017.01.010>
5. Onysko A., Winter-Froemel E. Necessary loans – luxury loans? Exploring the pragmatic dimension of borrowing. *Journal of Pragmatics*. 2011, vol. 43, issue 6, pp. 1550–1567. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2010.12.004>
6. Prince E. F. On pragmatic change: The borrowing of discourse functions. *Journal of Pragmatics*. 1988, vol. 12, issues 5–6, pp. 505–518. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166\(88\)90045-8](http://dx.doi.org/10.1016/0378-2166(88)90045-8)
7. Wang Xiao-yan. Cultural Factors Behind Semantic Differences. *US-China Education Review B*. 2014, vol. 4, no. 2, pp. 146–150. DOI: <http://dx.doi.org/10.17265/2161-6248/2014.02B.009>
8. Xiang M. Toward a Neo-economy Principle in pragmatics. *Journal of Pragmatics*. 2017, vol. 107, pp. 31–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2016.11.004>
9. Bastrikov A.V. Enrichment of a Russian Literary Lexis of the 18th Century by Foreign Borrowings (on the Example of Ethical Concept Names Forming). *Scientists notes of the Kazan University. Series Humanities*. 2008, no. 2, pp. 185–196. (In Russian)
10. Berezovich E. L., Surikova O. D. On the semantic history of “multi-channel” borrowings: The case of *kuraž*. *Topics in the study of language*. 2016, no. 4, pp. 35–55. (In Russian)
11. Vepreva T. I. *Linguistic Reflexion in the Post-Soviet Era*. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2002, 380 p. (In Russian)
12. Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, Peremena Publ., 2002, 477 p. (In Russian)
13. Kiklevich A. K. *Dynamic Linguistics: Between Code and Discourse*. Kharkov, Humanitarian Center Publ., 2014, 144 p. (In Russian)
14. Kitanina E. A. «Estimated revolution» in the late 20th – early 21st centuries and pragmatics of loan word (by the example of gallicisms). *Historical and social-educational ideas*. 2012, no. 3, pp. 215–218. (In Russian)
15. Levontina I. B. *Russian with dictionary*. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, 365 p. (In Russian)
16. Lobkovskaja L. P. To the problem of changes in the estimated borrowing connotations. *Proceedings of Volgograd State Pedagogical University*. 2009, no. 7, pp. 136–139. (In Russian)
17. Marinova E. V. Can ambitions be healthy? *Russian speech*. 2012, no. 5, pp. 57–63. (In Russian)
18. Perfilyeva N. P. The semasiological metatextual indicators in the semantico-functional aspect. *Vestnik Novosibirsk State University, Series: History and Philology*. 2012, vol. 11, issue 9. Philology, pp. 99–104. (In Russian)
19. Radbil T. B. «Language of values» in modern russian speech and the ways of its calculation. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2011, no. 6-2, pp. 569–573. (In Russian)
20. Rezanova Z. T., Shilyaev K. S. Ethnonyms “Rusin” and “Rusinian” in Russian discourse: a corpus study. *Rusin*. 2015, vol. 1 (39), pp. 239–255 (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/18572685/39/7>

21. Tripolskaya T. A. *Emotive-evaluative discourse: cognitive and pragmatic aspects*. Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 1999, 166 p. (In Russian)
22. Shakhovskiy V. I. Alterations in the worldview and the dynamics of language and speech practice. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2015, vol. 14, no. 1, pp. 7–20 (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.1>
23. Shmelev A. D. Russian language picture of the world: system shift. *The World of Russian Word*. 2009, no. 4, pp. 14–21. (In Russian)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© О. А. Казакова, Е. А. Головачева, Т. Б. Фрик

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.11)

УДК 811.111'255.4

ЖАНРЫ РЕЧИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ)

О. А. Казакова, Е. А. Головачева, Т. Б. Фрик (Томск, Россия)

Проблема и цель. В работе, выполненной на пересечении актуальных направлений теории речевых жанров и теории перевода, предлагается решение теоретической и практической проблемы роли жанра речи в переводе. Исследование направлено на выявление влияния жанрообразующих параметров научного текста на перевод.

Методология. Работа выполнена на материале трех жанров, относящихся к разным типам научных текстов: научно-техническая монография (собственно научные тексты), научно-популярная речь (научно-популярные тексты) и руководство пользователя (научно-деловые тексты). Речевой жанр рассматривается как модель высказывания, специфика которого формируется набором жанрообразующих признаков. В процессе исследования осуществлен жанровый анализ исходных текстов на английском языке, их официальных переводов, а также русскоязычных текстов соответствующих жанров; проведено сопоставление официальных переводов с подстрочным переводом, рассмотрены случаи расхождения официального перевода и подстрочного по основным жанрообразующим параметрам (коммуникативная цель, образ автора и адресата, диктум, языковые особенности).

Результаты. Описаны применяемые переводчиками научного текста жанровые трансформации – изменения жанрообразующих параметров исходного текста с учетом особенностей данных параметров, характерных для жанра принимающего языка. Обнаружено, что нередко переводчики стремятся сохранить в переводе коммуникативную цель и коммуникативные задачи исходного текста (т. е. не применяют необходимые жанровые трансформации по данному жанрообразующему параметру), что приводит к нарушениям языковых и жанрово-стилистических норм принимающего языка.

Заключение. Сделан вывод о том, что все жанрообразующие параметры научного текста оказывают влияние на перевод: соблюдая принятую в переводе жанрово-стилистическую

Казакова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Институт социально-гуманитарных технологий, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

E-mail: kazakovaoa@tpu.ru

Головачева Екатерина Александровна – аспирант, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Институт социально-гуманитарных технологий, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

E-mail: eagolovacheva@tpu.ru

Фрик Татьяна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Институт социально-гуманитарных технологий, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

E-mail: tfrik@tpu.ru

норму перевода, профессиональные переводчики применяют жанровые трансформации. При этом степень влияния жанрообразующих параметров на перевод зависит, в первую очередь, от типа композиционно-смысловой организации научного текста: жанры с «жесткой» структурой требуют большего количества жанровых трансформаций, жанры с «мягкой» структурой в процессе перевода почти не претерпевают изменений. Поставлена задача жанроориентированного обучения профессиональных переводчиков.

Ключевые слова: речевой жанр; научный стиль; научный текст; перевод; переводческие трансформации; коммуникативная цель; автор; адресат; русский язык; английский язык.

Постановка проблемы

Проблема жанров речи, поставленная М. М. Бахтиным¹ и вновь поднятая в 1990-х гг. Т. В. Шмелевой², до сих пор не теряет своей актуальности. Реализуя задачу создания энциклопедии речевых жанров, в конце XX в. лингвисты активно исследовали различные жанры разговорной речи на материале как художественных произведений, так и естественной речи³. В дальнейшем теория речевых жанров сконцентрировалась на исследовании жанров разных стилей и дискурсов (официально-деловой речи, научного стиля, жанры СМИ, жанры виртуального дискурса, медицинского, военного и т. д. [1–3]) и на рассмотрении проблем интеграционного характера: жанры речи и концепт, жанры речи и культура и т. п.⁴ Для современной теории речевых жанров характерен интерес к трансформациям

жанра: исследуются междискурсивные трансформации жанров (переход жанра из одного дискурса в другой) [4] и внутридискурсивная жанровая динамика (изменения речевого жанра за определенный период времени) [5] – закладываются основы «речежанровой теории актуальных процессов современности» [6, с. 81]. Другим развивающимся направлением теории речевых жанров на данном этапе становится развитие прикладных аспектов исследования, основными из которых являются проблемы «жанры речи в обучении языку» (см., например, [7–8]) и «жанры речи в переводе».

Как известно, «процесс кросскультурной коммуникации рассматривается как столкновение “своей” и “чужой” культуры» [9, с. 155]. Одним из элементов «своей» и «чужой» культуры, влияющих на данный процесс, является жанр речи. В работах по переводоведению

¹ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 249–299.

² Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 88–99.

³ См., например: Деметьев В. В. Жанровая структура фатической коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1995. – 20 с.; Рытنيкова Я. Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1996. – 20 с.; Седов К. Ф. Жанры речи в становлении дискурсивного мышления языковой личности // Русский язык в контексте

культуры. – Екатеринбург, 1999. – С. 86–99; Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: АРГО, 1996. – С. 73–94.

⁴ См. тематические сборники: Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2005. – Вып. 4. Жанр и концепт. – 440 с.; Жанры речи. – Саратов: Наука, 2007. – Вып. 5. Жанр и культура. – 440 с.; Жанры речи. – Саратов: Наука, 2009. – Вып. 6. Жанр и язык. – 440 с.; Жанры речи. – Саратов: Наука, 2011. – Вып. 7. Жанр и языковая личность. – 351 с.

давно утверждается влияние жанра на перевод. Так, В. Н. Комиссаров говорит о жанрово-стилистической норме перевода, предполагающей, что текст перевода должен соответствовать жанровым и стилистическим особенностям данного типа текста в принимающем языке⁵. Учет жанровых особенностей текста является одним из основных положений коммуниктивно-функционального подхода к переводу, предполагающего что переводимый текст необходимо рассматривать в той коммуниктивной ситуации, в которой он был создан как инструмент взаимодействия между конкретными участниками коммуникации [10]. Специалисты в области теории и практики перевода предлагают классификации текстов для перевода и дают общие рекомендации по переводу текстов разных типов. Однако подробное изучение отдельных речевых жанров в аспекте перевода только становится задачей лингвистических исследований: анализируются особенности перевода отдельных языковых явлений на материале конкретных речевых жанров [11]; ставится задача обучения переводу с опорой на речевой жанр [12]; рассматриваются особенности перевода текстов определенного типа [13]. Однако нередко, заявляя в работе жанровый подход, исследователи концентрируют свое внимание только на языковых особенностях речевого жанра, оставляя за рамками анализа остальные жанрообразующие параметры.

В качестве объекта исследования в нашей работе выбраны жанры научной речи. Научно-технический прогресс, глобализация и процессы научной интеграции способствуют актуализации переводческой деятельности в рамках данной сферы общения, а

также повышению требований к качеству переводов, в связи с этим проблема перевода научных текстов становится одной из актуальных практических и теоретических проблем, привлекающих интерес филологов.

В современных работах, посвященных вопросам перевода научного текста, обсуждаются способы использования риторических стратегий (rhetorical strategies) при переводе научного текста с целью сохранения «магии оригинала» (to save the magic of the original) [14, p. 87]; даются конкретные рекомендации по переводу терминов, в том числе аббревиатур [15]; рассматриваются возможности использования лингвистических корпусов [16] и облачных технологий [17] для улучшения качества перевода специализированных текстов; разрабатываются стратегии перевода научных текстов (academic text translation strategy) [18] и др.

Итак, настоящее исследование сконцентрировано на пересечении актуальных задач теории речевых жанров и теории перевода и направлено на выявление влияния жанрообразующих параметров научного текста на перевод.

Методология

Речевой жанр в данном исследовании рассматривается с позиций речеведческого подхода, вслед за Т. В. Шмелевой понимается как модель высказывания, специфика которого формируется набором жанрообразующих признаков (параметров): коммуниктивная цель, образ автора и образ адресата, образ прошлого и образ будущего, диктумное содержание, языковое воплощение (формальная организация)⁶. Жанровый анализ предполагает описание особенностей проявления каждого

⁵ Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

⁶ Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 88–99.

из названных параметров в анализируемом жанре. Отметим, что признаки «образ прошлого» и «образ будущего» связаны «с местом каждого РЖ в цепи речевого общения»⁷, характеризуют «предшествующий и последующий эпизоды общения», т. е. имеют жанрообразующую силу в первую очередь для жанров диалогической речи, поэтому в нашем исследовании не рассматриваются. Говоря о параметре «языковое воплощение», подразумевающим «спектр возможностей, лексических и грамматических ресурсов жанра»⁸, в данной работе остановимся на общих лингвостилистических особенностях научных текстов.

В качестве предмета исследования выбраны три жанра – монография, научно-популярная речь, руководство – как ядерные жанры наиболее востребованных для перевода типов текстов научного стиля: академических (собственно научных), научно-популярных и инструктивных (научно-деловых)⁹. Материалом для исследования послужили англоязычные тексты трех указанных жанров¹⁰, их официальные переводы на русский язык¹¹, а также русскоязычные тексты рассматриваемых жанров¹². Отметим принципиальность выбора для нашей работы нескольких жанров. Несомненно, что в качестве предмета исследования

⁷ Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 92.

⁸ Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 95.

⁹ Классификацию типов научных текстов см.: Троянская Е. С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей / АН СССР, Каф. иностр. яз.; отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – М.: Наука, 1986. – С. 16–28.

¹⁰ Bohr N. *Atomic Physics and Human Knowledge*. – Mineola, New York: DOVER PUBLICATIONS, 1961. – 111 p.; Joshi S. D. *Horizontal Well Technology*. – Tulsa, OK, U.S.A. – Pennwell Publishing Company, 1991. – 535 p.; Extended user guide KODAK EASYSHARE Camera / C1530 [Электронный ресурс] // Kodak. – 2011. – URL: http://resources.kodak.com/support/pdf/en/manuals/urg01242/C1530_xUG_GLB_en.pdf (дата обращения 16.01.2017); Instruction Manual Olympus DIGITAL CAMERA E-M1 [Электронный ресурс] // Olympus-Россия. – 2013. – URL: http://www.olympus.com.ru/site/rmt/media/consumer/pim/_manuals_aw2013/_E-M1_MANUAL_EN.pdf (дата обращения 16.01.2017); Owner's Manual Fujifilm DIGITAL CAMERA FINEPIX AX200/AV200 Series [Электронный ресурс] // Fujifilm Global. – 2011. – URL: http://www.fujifilm.com/support/digital_cameras/manuals/pdf/index/a/finepix_av100_manual_01.pdf (дата обращения 16.01.2017); User Manual Samsung NX10 [Электронный ресурс] // Samsung – Мобильные устройства, бытовая техника, мониторы и принтеры. – 2010. – URL: http://downloadcenter.samsung.com/content/UM/201302/20130202090154613/NX10_Russian.pdf (дата обращения 16.01.2017).

[com/content/UM/201302/20130202090154613/NX10_English.pdf](http://resources.kodak.com/support/shtml/ru/manuals/urg01242/urg01242toc.shtml) (дата обращения 16.01.2017).

¹¹ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание / пер. с англ. В. А. Фока и Л. В. Лермонтовой. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – 152 с.; Джоши С. Д. Основы технологии горизонтальной скважины / пер. с англ. и научно-техническое редактирование Будников В. Ф., Проселков Е. Ю., Проселков Ю. М. – Краснодар: Советская Кубань, 2003. – 424 с.; Расширенная инструкция по эксплуатации цифровой фотокамеры KODAK EASYSHARE C1530 [Электронный ресурс] // Kodak. – 2011. – URL: <http://resources.kodak.com/support/shtml/ru/manuals/urg01242/urg01242toc.shtml> (дата обращения 16.01.2017); Руководство по эксплуатации. Цифровой фотоаппарат Olympus DIGITAL CAMERA E-M1 [Электронный ресурс] // Olympus-Россия. – 2013. – URL: http://www.olympus.com.ru/site/rmt/media/consumer/pim/_manuals_aw2013/_E-M1_MANUAL_RU.pdf (дата обращения 16.01.2017); Руководство пользователя камерой Fujifilm DIGITAL CAMERA FINEPIX Серия JX200/JV200 [Электронный ресурс] // Fujifilm Europe. – 2011. – URL: http://www.fujifilm.eu/fileadmin/countries/russian/products/JX_200_250_300_350_400/JX_JV_series.pdf (дата обращения 16.01.2017); Руководство пользователя камерой Samsung NX10 [Электронный ресурс] // Samsung – Мобильные устройства, бытовая техника, мониторы и принтеры. – 2010. – URL: http://downloadcenter.samsung.com/content/UM/201302/20130202090154613/NX10_Russian.pdf (дата обращения 16.01.2017).

¹² Каница П. Л. Эксперимент. Теория. Практика: статьи и выступления. – 4-е изд., испр. и доп. – М.:

мненно, каждый из них нуждается в отдельном изучении в заявленном аспекте на широком языковом материале (что можно отнести к перспективам исследования по данной тематике); однако данная публикация имеет общую методологическую задачу – на примере нескольких жанров рассмотреть в целом роль основных жанрообразующих параметров в переводе научных текстов с английского языка на русский. С этой задачей связан также принципиальный выбор анализируемых текстов, относящихся к разным «зонам» научного стиля (ядерной, периферийной и пограничной¹³) и к разным временным периодам. Кроме того, выбранные жанры относятся к разным типам по особенностям композиционно-смысловой организации: к жанрам с «мягкой» структурой (монография, речь) и к жанрам с жестко фиксированной структурой (руководство)¹⁴. Представляется, что такой выбор предмета и материала исследования позволит сделать принципиальные выводы о сформировавшихся в российской практике перевода закономерностях передачи жанровых особенностей научных текстов. При этом задача разграничения рассматриваемых жанров между собой в нашем исследовании на данном этапе не ставится. Дальнейшее изучение обсуждаемой проблемы может охватывать не только каждый речевой жанр в отдельности, но и вопрос проявления авторского стиля переводчика.

Опираясь на теоретическое положение А. В. Ачкасова о том, что при рассмотрении

жанровых аспектов перевода следует учитывать контрастивный анализ жанров в сопоставляемых языках и изучение жанровых особенностей исходных и переводных текстов [19], авторы работы в процессе исследования осуществили жанровый анализ исходных текстов, жанровый анализ переводных текстов, провели сопоставление официальных переводов с подстрочным переводом, рассмотрели случаи расхождения официального перевода и подстрочного по указанным жанровым параметрам. Такие случаи расхождения жанровых параметров в исходном тексте и переводном, по аналогии с переводческими терминами «лексические, грамматические, семантические трансформации»¹⁵, можно назвать «жанровыми трансформациями в переводе», под которыми понимается изменение жанровых параметров исходного текста с учетом особенностей данных параметров, характерных для жанра принимающего языка. С целью выявления таких особенностей рассматриваемых жанров в русском языке в работе осуществлен анализ русскоязычных текстов изучаемых жанров, позволяющий делать выводы о степени соответствия/несоответствия переводных текстов особенностям жанров русской речи.

Результаты исследования

Коммуникативная цель. Основная коммуникативная цель научного текста (дискурса) – обработать и передать адресату научную информацию [20]. В жанре монографии данная информация связана с комплексным,

Наука, 1987. – 496 с.; *Хисамов Р. С.* Особенности геологического строения и разработки многопластовых нефтяных месторождений. – Казань: Мониторинг, 1996. – 288 с.; ЗЕНИТ-412DX: Руководство по эксплуатации [Электронный ресурс] // ZENITcamera. – 2000. – URL: <https://www.zenitcamera.com/mans/zenit-412dx/zenit-412dx.html> (дата обращения 16.01.2017).

¹³ *Троянская Е. С.* Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные

проблемы функциональных стилей / АН СССР, Каф. иностр. яз.; отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – М.: Наука, 1986. – С. 16–28.

¹⁴ *Баженова Е. А., Котюрова М. П.* Жанры научной литературы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 58.

¹⁵ *Миньяр-Белоручев Р. К.* Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980. – 238 с.

разноаспектным рассмотрением и решением какой-либо актуальной научной проблемы¹⁶. Жанр научно-популярной речи, как и другие жанры научно-популярного подстиля, нацелен на популяризацию научных знаний в доступной форме, ориентирован на широкую аудиторию [21]. Близкая цель – облегчить адресату понимание информации – осуществляется в жанре руководства (инструкции), «поскольку научно-техническая информация предлагается реципиентам-неспециалистам»; при этом информативная функция в жанре руководства дополняется директивной (инструктивной)¹⁷.

Анализируемые переводы в целом сохраняют коммуникативную цель исходного текста за счет нередко почти дословного перевода: *To remove the battery from the charger, lift slightly in the direction of the arrow* (подстрочный перевод: *Чтобы извлечь батарею из зарядного устройства, слегка приподнимите в направлении стрелки*) = официальный перевод: *Чтобы вынуть батарею из зарядного устройства, слегка приподнимите ее в направлении, указанном стрелочкой*. В особенности эта тенденция характерна для перевода научно-популярной речи: *...but as a background for the following considerations I shall remind you briefly of some of the main features of the development* (подстрочный перевод: *...но в качестве фона для последующих соображений я напомню вам вкратце о некоторых из главных особенностей этого развития*) = официальный перевод: *...но в качестве фона для дальнейших рассуждений я напомню вам вкратце некоторые из главных особенностей этого развития*.

В анализируемых переводных текстах преимущественно не изменяются авторские интенции, конкретные коммуникативные намерения: *Naturally, the purpose of the horizontal well is to increase the reservoir contact area* (подстрочный перевод: *Естественно/конечно, целью горизонтальной скважины является повышение площади контакта с коллектором*) = официальный перевод: *Конечно, цель горизонтальной скважины заключается в увеличении контактной поверхности с коллектором*. Переводная научно-техническая монография сохраняет характерную для исходного текста яркую модальность (проявляющуюся в большом количестве слов и словосочетаний, указывающих на отношение автора к сообщаемой информации: *probably/вероятно, naturally/конечно, important/важно, normally/как правило, typically/обычно, как правило*), не типичную для русского научного текста. Лишь в некоторых случаях переводчики нейтрализуют модальные интенции автора исходного текста, используя прием опущения, тем самым приближая переводной текст к стилистическим нормам языка перевода: *Moreover, we assume that the fracture has an infinite conductivity* (подстрочный перевод: *Кроме того, мы предполагаем, что трещина имеет бесконечную проводимость*) = официальный перевод: *Кроме того, трещина имеет бесконечную проводимость*; *Many water injection wells are known to have uniform-flux fractures* (подстрочный перевод: *Многие водонагнетательные скважины, как известно, имеют трещины однородного потока*) = официальный перевод: *Многие водонагнетательные скважины имеют трещины с однородным потоком*. В связи с небольшим

¹⁶ Баженова Е. А., Котурова М. П. Жанры научной литературы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 59.

¹⁷ Моцанская Е. Ю., Киндеркнехт А. С. Инструкция по эксплуатации как жанр директивного дискурса: предпереводческий анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7 (25), Ч. I. – С. 134–137.

количеством таких трансформаций по параметру «коммуникативная цель» анализируемая переводная монография не всегда соответствует нормам научного стиля русского языка, в частности особенностям жанра научно-технической монографии.

Стремление переводчиков руководств сохранить коммуникативную цель исходных текстов также в некоторых случаях приводит к нарушению норм принимающего языка, к неблагозвучности переводного текста: *Increasing the number of pictures that can be taken* (подстрочный перевод: *Увеличение количества снимков, которые могут быть сделаны*) = официальный перевод: *Увеличение количества снимков, которые могут быть сделаны*; *Handle and store your camera carefully and sensibly* (подстрочный перевод: *Используйте и храните свою камеру аккуратно и разумно*) = официальный перевод: *Аккуратно и разумно обращайтесь с камерой, храните ее надлежащим образом*. В данных случаях видим, что дословный перевод, позволяющий переводчикам полностью сохранить коммуникативные задачи исходного текста, приводит к грамматическим и лексическим ошибкам: злоупотребление пассивной конструкцией в первом случае (более удачным представляется вариант перевода с помощью безличного предложения «которые можно сделать») и нарушение лексической сочетаемости во втором случае: вместо не характерного для русского языка словосочетания «разумно обращайтесь» предпочтительнее было использовать словосочетание «бережно обращайтесь» (ср. с текстом русскоязычной инструкции: *Фотоаппарат – точный оптико-механический прибор. обращайтесь с ним бережно*).

Таким образом, видим, что по жанровому параметру «коммуникативная цель» переводы монографии и руководства в большей степени сохраняют особенности исходного научного текста, что приводит к нарушению лексических, грамматических, жанровых, стилистических норм принимающего языка.

Почти без изменений передаются на русский язык все коммуникативные установки текста научно-популярной речи: *To avoid misunderstanding, however, it is essential to note that...* (подстрочный перевод: *Во избежание недоразумений, тем не менее/однако, важно отметить, что...*) = официальный перевод: *Во избежание недоразумений важно, однако, отметить, что...* Однако в данном случае нарушения жанровых норм не наблюдаются, по своей коммуникативной цели переводная научно-популярная речь полностью соответствует этому жанру в русском языке (ср. фрагмент речи русскоязычного автора: *Нужно отметить, что в конце прошлого и в начале этого столетия во Франции делались наиболее интересные работы по магнетизму*). По всей видимости, данный факт объясняется тем, что из анализируемых жанров научно-популярный жанр речи является самым свободным, не жестким по композиционно-содержательной структуре.

Образ автора и адресата. Как известно, для англоязычного научного текста характерно более индивидуализированное взаимодействие автора и адресата, общение носит более личный характер. Авторы текстов на английском языке ведут достаточно активный диалог со своим читателем, постоянно обращаются к реципиенту¹⁸. В текстах переводов

¹⁸ Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

монографии и руководства данное взаимодействие обычно нейтрализуется, язык перевода более «сухой» по сравнению с исходным текстом. В следующих примерах видим, что переводчики убирают обращения автора к читателю, удаляя из перевода некоторые слова и словосочетания или заменяя их менее эмоциональными вариантами:

– *Before you start to use your new camera, please read these instructions carefully to enjoy optimum performance and a longer service life* (подстрочный перевод: *Перед тем как начать использовать новую камеру, пожалуйста, внимательно прочитайте* эти инструкции, чтобы *наслаждаться* оптимальной производительностью и более длительным сроком службы) = официальный перевод: *Перед началом использования нового фотоаппарата внимательно прочтите* данное руководство для *обеспечения* оптимальной эффективности и длительного срока службы;

– *Note that external casing packers may not hold pressure differentials that are required for propped fracture treatments* (подстрочный перевод: *Обратите внимание, что внешние пакеры обсадной колонны могут не выдержать перепадов давления, которые необходимы для расклинивания гидроразрыва пласта*) = официальный перевод: *Важно при этом помнить, что наружные пакеры для обсадных колонн могут не выдерживать разницу давлений, требуемую для проведения гидроразрыва пласта с расклинивающим агентом* (ср. текст русскоязычной монографии: Следует также помнить, что в высокопродуктивных коллекторах сосредоточена еще значительная часть запасов горизонта Д);

– *A careful observation of Equation 2–2 tells us...* (подстрочный перевод: *Внимательное наблюдение уравнения 2–2 говорит нам...*) = официальный перевод: *Анализ уравнения 2–2 показывает, что...*

В целом отмечено стремление переводчиков монографии и руководства нейтрализовать более персонализированное общение автора и адресата в англоязычных текстах. Перевод научно-популярной речи не требует таких трансформаций от переводчика, т. к. для этого жанра в русском языке тоже характерно активное общение автора и адресата. Ср.: русскоязычный текст: *Я надеюсь, что для вас будет интересно, если на основе моего многолетнего участия в этой области я вспомню о том...*; англоязычный текст: *As I shall attempt to show...* (подстрочный перевод: *Как я попытаюсь/попробую показать...*) = официальный перевод: *Как я постараюсь показать...*

Другой характерной чертой передачи параметра «образ автора и адресата», обнаруженной во всех анализируемых переводах, является тенденция учета адресата переводного текста. Основным приемом, позволяющим переводчику реализовать эту задачу, служит прием добавления: к информации исходного текста в переводном тексте добавляются дискурсивные маркеры, отражающие «процесс взаимодействия автора и читателя» [22, с. 72], – слова и словосочетания, дающие возможность более четко структурировать сложный научный текст, подчеркнуть логику высказывания, оказать необходимое воздействие на читателя: *This new system uses specially designed short mud motors* (подстрочный перевод: *Эта новая система использует специально разработанные короткие забойные двигатели*) = официальный перевод: *Кроме того, в этих системах используются специально спроектированные короткие забойные двигатели; This reduced permeability around the wellbore...* (подстрочный перевод: *Это привело к снижению проницаемости вокруг ствола скважины...*) = официальный перевод: *Это, в свою очередь, уменьшает проникновение флюида...; Thread the strap in the direction*

of the arrows (подстрочный перевод: *Пропустите ремень в направлении стрелки*) = официальный перевод: *Аккуратно вставьте ремешок в направлении, указанном стрелками*.

Также для облегчения восприятия перевода адресатом переводчики (особенно в жанрах научно-технической монографии и научно-популярной речи) добавляют в переводной текст дополнительные слова, расширяя информацию исходного текста: *Typically, it costs about 1.4 to 3 times more than a vertical well* (подстрочный перевод: *Обычно это стоит приблизительно от 1,4 до 3 раза больше, чем в вертикальной скважине*) = официальный перевод: *Типичная горизонтальная скважина дороже приблизительно в 1,4–3 раза, чем вертикальная скважина*; *The whole formalism which can be applied only to closed phenomena must in all such respects be considered a rational generalization of classical physics* (подстрочный перевод: *Весь формализм, который может быть применен только к замкнутым явлениям, должен во всех таких отношениях считаться рациональным обобщением классической физики*) = официальный перевод: *Во всех этих отношениях формальный аппарат квантовой механики, применимый только к замкнутым явлениям, должен рассматриваться как рациональное обобщение классической физики*.

Итак, образ автора и адресата исходного текста в переводе подвергается трансформации: по этому жанровому параметру переводные тексты соответствуют жанрово-стилистическим нормам языка перевода; фрагменты переводных текстов, отражающие проявление образа автора и образа адресата, не содержат

лексических, грамматических и стилистических ошибок. Для всех переводов характерна ориентация на адресата переводного текста.

Диктум. Жанровый параметр «диктум» – диктумное (событийное) содержание¹⁹ – при переводе научного текста подвергается трансформациям в меньшей степени, т. к. главная задача переводчика научного текста – «точно передать мысль автора»²⁰.

В анализируемых переводах жанра «научно-популярная речь» изменения диктумного содержания исходного текста отсутствуют. В переводе научно-технической монографии содержание текста подвергается некоторым трансформациям – в нескольких случаях переводчик не передает на русский язык конкретную информацию, не имеющую большого значения для российского читателя: *A few early horizontal wells have been completed open hole but the present trend is away from using open hole completions, except in formations such as Austin Chalk* (подстрочный перевод: *Несколько ранних горизонтальных скважин были завершены открытым стволом, но современная тенденция находится далеко от использования открытых завершений отверстий, за исключением образований, таких как Austin Chalk*) = официальный перевод: *Некоторое время назад горизонтальные скважины заканчивались открытым стволом, но в настоящее время этот метод используется реже*.

Наиболее значительные изменения диктума исходного текста выявлены в переводах текстов жанра «руководство»: здесь используется не только прием опущения (удаление частей текста, которые относятся к адресатам

¹⁹ Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 95.

²⁰ Агузарова К. К. Особенности перевода английского научно-технического текста // Труды молодых ученых. – 2010. – № 2. – С. 175.

(покупателям, потребителям) из других государств); но и прием замены – актуальная для адресатов информация, непосредственно связанная с обслуживанием предмета руководства, заменяется российскими реалиями.

Лингвостилистические особенности.

Для текстов научного стиля на обоих языках характерны такие стилистические черты, как безэмоциональность, безличность, объективность, точность, логичность, ясность и т. п. [21; 23]. Исследователи отмечают, что, несмотря на сходство лингвостилистических особенностей научной речи на русском и английском языках, для английского научного текста характерны проявления образности, меньшая строгость в употреблении терминов, нарушения требования логичности, присутствие элементов эмоциональности²¹. В теории и практике перевода сложилась система переводческих решений, направленных на сглаживание указанных различий и приведение переводного текста в соответствие с нормами научного стиля русского языка: опущения, добавления, синонимические замены²². В целом в анализируемых в нашем исследовании переводах используются общепринятые переводческие решения:

– нейтрализация исходного текста за счет удаления или замены лексических единиц: *For the latest information, please visit the Olympus website* (подстрочный перевод: *Для получения самой последней информации, пожалуйста, посетите веб-сайт Olympus*) = официальный перевод: *Новейшая информация об этом находится на веб-сайте Olympus*;

– стилистическая замена – замена нейтральных или разговорных слов английского языка словами, более характерными для научного стиля русского языка: *This also tells us that the...* (подстрочный перевод: *Это также говорит нам о том, что...*) = официальный перевод: *Становится очевидно, что...; Indeed, it was taken for granted that our sense organs...* (подстрочный перевод: *В самом деле / Действительно / Ну и ну!, это было нечто само собой разумеющееся, что наши органы чувств...*) = официальный перевод: *Считалось очевидным и не требующим доказательства, что наши органы чувств...*;

– соблюдение грамматических особенностей научного стиля русского языка за счет морфологических и синтаксических трансформаций: *However, the best way to handle this completion problem is to design a well path slightly up-dipping or down-dipping, depending upon the reservoir mechanism* (подстрочный перевод: *Тем не менее, лучшим способом регулировать эту проблему заканчивания является разработать траекторию скважины с уклоном слегка вверх-вниз, в зависимости от механизма коллектора*) = официальный перевод: *Тем не менее, лучший способ преодоления таких проблем – проектирование профиля скважины с незначительным уклоном вверх или вниз, в зависимости от свойств коллектора* – глаголы исходного текста в переводе традиционно заменены отглагольными существительными; *If a horizontal well is drilled in such a reservoir, the damage due to horizontal wells will be larger than that in the vertical well. This is because horizontal drilling takes a longer time*

²¹ Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

²² Козеренко Е. Б. Проблема эквивалентности языковых структур при переводе и семантическом выравнивании параллельных текстов // Компьютерная

лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006». – М.: Изд-во РГТУ, 2006. – С. 252–258.

than vertical drilling, resulting in a conical-shape damage zone (подстрочный перевод: *Если горизонтальная скважина пробурена в таком коллекторе, ущерб из-за горизонтальных скважин будет больше, чем в вертикальной скважине. Это происходит потому, что горизонтальное бурение занимает больше времени, чем вертикальное бурение, что приводит к зоне повреждения конической формы*) = официальный перевод: *Если в таком коллекторе бурится горизонтальная скважина, повреждение коллектора будет более значительным, т. к. горизонтальная скважина бурится дольше, чем вертикальная, и это приводит к конической форме поврежденной зоны* – два предложения исходного текста объединены в одно.

Заключение

Таким образом, в результате выполненного сопоставительного жанрового анализа можно сделать вывод, что жанровые параметры научного текста оказывают влияние на перевод, при этом степень влияния зависит, в первую очередь, от композиционно-смысловой организации текста: жанры с «жесткой» структурой требуют большего количества изменений текста, жанры с «мягкой» структурой в процессе перевода почти не претерпевают жанровых трансформаций.

В целом при переводе научных текстов профессиональные переводчики преимущественно придерживаются «жанрово-стилистической нормы перевода». Наиболее четко соблюдается традиция передачи лингвостилистических характеристик текста: они приводятся в соответствие со стилистическими нормами русского языка. Жанрообразующие па-

раметры «образ автора и адресата», «диктумное содержание» в переводном тексте также претерпевают изменения с учетом особенностей жанров в принимающем языке. Жанровые трансформации по параметру «образ автора и адресата» при переводе английского научного текста на русский язык, в первую очередь, связаны с нейтрализацией персонализированного общения участников коммуникации, характерного для английской научной речи. Трансформации по параметру «диктумное содержание» обусловлены связью содержания текста с реальной действительностью и в большей степени проявляются в жанре руководства. По параметру «коммуникативная цель» жанровых трансформаций, по нашим наблюдениям, оказывается недостаточно (в отношении текстов с более «жесткой» структурой): переводчики стремятся почти полностью сохранить коммуникативную цель исходного текста, что может приводить к нарушению языковых (лексических и грамматических) и жанрово-стилистических норм языка перевода. Для того чтобы цель научного текста была полностью реализована в принимающем языке, переводчик должен учитывать все жанровые особенности текста в языке перевода: не только образ автора и адресата, диктум и лингвостилистические характеристики, но и коммуникативную цель. В связи с этим необходимо обучать будущих переводчиков профессиональному (лингвистическому) жанровому анализу, формировать у них «жанровое мышление»²³ и вырабатывать приемы «жанрового перевода».

Несомненно, главным залогом успешного перевода научного текста являются знания переводчиком лексики конкретной предметной области на обоих языках [18; 24; 25],

²³ Шмелева Т. В. Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 62–67.

однако немаловажную роль играет представление о специфике речевого жанра: для осуществления качественного перевода профессиональный переводчик научного текста должен обладать жанровой компетенцией, т. е.

знать особенности речевого жанра в родном и иностранном языках и быть способным учитывать их при переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Koven M.** Interviewing: Practice, ideology, genre, and intertextuality // *Annual Review of Anthropology*. – 2014. – Vol. 43. – P. 499–520. DOI: <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-anthro-092412-155533>
2. **Orts M. A.** Power distance and persuasion: The tension between imposition and legitimation in international legal genres // *Journal of Pragmatics*. – 2016. – Vol. 92. – P. 1–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2015.11.009>
3. **Parkinson J.** The Student Laboratory Report Genre: A Genre Analysis // *English for Specific Purposes*. – 2017. – Vol. 45. – P. 1–13. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.esp.2016.08.001>
4. **Курьянович А. В.** Парадигмальность жанра в зеркале предпочтений современной лингвистики (из опыта анализа *online-петиций* как особой разновидности эпистолярных текстов) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2. – С. 150–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1602.13>
5. **Кочеткова М. О., Тубалова И. В.** Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 1 (27). – С. 39–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19986645/27/4>
6. **Дементьев В. В.** Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. – 2015. – № 6. – С. 78–107.
7. **Abbaszadeh Z.** Genre-Based Approach and Second Language Syllabus Design // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2013. – Vol. 84. – P. 1879–1884. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.07.052>
8. **Vorobyova L. V., Kazakova O. A., Frik T. B.** Journalistic Texts in Training Russian as Foreign Language: Genre-Oriented Approach // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – Vol. 215. – P. 112–117. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.583>
9. **Кшеновская У. Л., Стародубцева А. В.** Языковые лакуны в публицистическом тексте и способы их элиминирования в процессе перевода // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 4. – С. 154–166. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1604.14>
10. **Sdobnikov V.** In Defense of Communicative-Functional Approach to Translation // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2016. – № 231. – P. 92–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.09.076>
11. **Merakchi K., Rogers M.** The Translation of Culturally Bound Metaphors in the Genre of Popular Science Articles: A Corpus-Based Case Study from Scientific American Translated into Arabic // *Intercultural Pragmatics*. – 2013. – Vol. 10, Issue 2. – P. 341–372. DOI: <http://doi.org/10.1515/ip-2013-0015>
12. **Косицкая Ф. Л.** Обучение письменному переводу с опорой на речевой жанр // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Вып. № 9 (137). – С. 131–136.

13. **Stepanova V. V.** Translation Strategies of Legal Texts (English-Russian) // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2017. – Vol. 237. – P. 1329–1336. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2017.02.218>
14. **Плынская Л., Иванова О., Сенко З.** Rhetoric of Scientific Text Translation // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2016. – Vol. 231. – P. 84–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.09.075>
15. **Abdelaty R. M.** Abbreviations in Specialized Texts and the Problem of their Translation into Arabic – A Model Based on Technical Texts // *Lebende Sprachen*. – 2015. – Vol. 60, Issue 1. – P. 177–191.
16. **Barbosa M. M. V.** Specialized corpora as a translation resource: Analysis of the thematic chains and its textual markers in scientific papers on neuromuscular diseases in pediatrics // *Onomazein*. – 2013. – Vol. 27, Issue 1. – P. 78–100.
17. **Gajda R.** The Phenomenon of Translation Cloud // *Language and Culture*. – 2016. – № 2 (8). – P. 31–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/24109266/8/3>
18. **Rogozhkin S. E., Mitchell P. J.** Specifics of Academic Text Translation Strategy // *Language and Culture*. – 2016. – № 2 (8). – P. 75–82. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/24109266/8/8>
19. **Achkasov A. V.** Generic Integrity and Generic Shifts in Translation // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2015. – № 12. – P. 2802–2811. DOI: <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-2015-8-12-2802-2811>
20. **Гричин С. В., Демешкина Т. А.** Авторизация в тексте научного произведения: когнитивно-дискурсивный аспект // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. – 2016. – № 6 (44). – С. 5–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19986645/44/1>
21. **Жирова И. Г.** К вопросу о совмещении элементов научной, научно-публицистической и научно-популярной речи в стилистике и семантике научной статьи // *Вестник Московского государственного областного университета*. – 2016. – № 2. – С. 41–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2310-712X-2016-2-41-46>
22. **Резанова З. И., Когут С. В.** Функционирование дискурсивных маркеров в научном тексте: этнокультурные и дискурсивные детерминации // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. – 2016. – № 1 (39). – С. 62–79. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19986645/39/6>
23. **Klimova B.** Scientific Prose Style and its Specifics // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2013. – Vol. 83. – P. 52–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.06.011>
24. **Balliu C.** Training Translation Students to Understand Medical Texts: Some Reflections // *Panacea*. – 2013. – Vol. 14, Issue 38. – P. 275–279.
25. **Sharkas H.** The Effectiveness of Targeted Subject Knowledge in the Teaching of Scientific Translation // *The Interpreter and Translator Trainer*. – 2013. – Vol. 7, Issue 1. – P. 51–70. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13556509.2013.798843>

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.11)

Olga Anatolievna Kazakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian as Foreign Language, Institute of Humanities, Social Sciences, and Technologies, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-4795-2389>

E-mail: kazakovaoa@tpu.ru

Ekaterina Aleksandrovna Golovacheva, Postgraduate Student, Senior Instructor, Department of Russian as Foreign Language, Institute of Humanities, Social Sciences, and Technologies, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-2744-8767>

E-mail: eagolovacheva@tpu.ru

Tatyana Borisovna Frik, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian as Foreign Language, Institute of Humanities, Social Sciences, and Technologies, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-1406-0616>

E-mail: tfrik@tpu.ru

SPEECH GENRES IN THE ASPECT OF TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF SCIENTIFIC TEXTS)

Abstract

Introduction. *The paper focuses on actual scientific areas in theory of speech genres and translation. The current study aims to propose solutions to theoretical and practical problem of speech genre role in translation. This paper is intended to identify genre forming factors of scientific text influencing translation.*

Materials and Methods. *The current study is implemented on materials of three genres referring to different types of scientific texts: scientific-technical monograph (scientific texts), popular scientific speech (popular scientific texts), and user's guide (documentary texts (scientific and business)). Speech genre is considered as a model of statement; its specificity is formed by a set of genre's characteristics. Genre analysis of the original English texts, the official translations, and Russian texts of respective genres has been conducted; a comparison of the official and interlinear translations has been undertaken; the cases of discrepancies between the official and interlinear translation on the main genre parameters such as the communicative goal, the image of the author and the recipient, dictum, and linguistic features have been also discussed.*

Results. *Genre transformations and modification of genre-forming parameters of the original text (taking into account the features of these parameters specific to genre of host language) often made by scientific text translators have been described. It was discovered that the translators seek to preserve in translation the communicative purpose and the communicative goals of the original text (i.e. do not apply the necessary genre transformation according to the genre-forming parameter), which leads to disorders of language, genre, and stylistic norms of the host language.*

Conclusions. All genre-formed parameters of the scientific text have an impact on translation: professional translators use the genre transformation in accordance with the common genre and stylistic translation rules. The degree of influence of genre-forming parameters on translation primarily depends on the type of compositional and semantic organization of scientific text: genres with 'fixed' structure require more genre transformations; genres with 'loose' structure do not need genre transformations. There is the problem of genre-oriented training of professional translators at present.

Keywords

Speech genre; scientific style; academic text; translation; translation transformations; communicative purpose; author; recipient; Russian; English.

REFERENCES

1. Koven M. Interviewing: Practice, Ideology, Genre, and Intertextuality. *Annual Review of Anthropology*. 2014, vol. 43, pp. 499–520. DOI: <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-anthro-092412-155533>
2. Orts M. A. Power Distance and Persuasion: The Tension Between Imposition and Legitimation in International Legal Genres. *Journal of Pragmatics*. 2016, vol. 92, pp. 1–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2015.11.009>
3. Parkinson J. The Student Laboratory Report Genre: A Genre Analysis. *English for Specific Purposes*. 2017, vol. 45, pp. 1–13. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.esp.2016.08.001>
4. Kur'janovich A. V. Multiparadigmatic Character of the Petition Genre in the Mirror of Modern Linguistics (An Analysis of Online-Petitions as a Special Kind of Epistolary Texts). *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2016, no. 2, pp. 150–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1602.13> (In Russian)
5. Kochetkova M. O., Tubalova I. V. Development of the Blog as a Genre of the Blogosphere Discourse: the Sociolinguistic Aspect. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2014, no. 1 (27), pp. 39–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19986645/27/4> (In Russian)
6. Dementyev V. V. «Speech Genre» Theory and Actual Processes in Contemporary Speaking. *Voprosy Jazykoznanija*. 2015, no. 6, pp. 78–107. (In Russian)
7. Abbaszadeh Z. Genre-Based Approach and Second Language Syllabus Design. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013, vol. 84, pp. 1879–1884. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.07.052>
8. Vorobyova L. V., Kazakova O. A., Frik T. B. Journalistic Texts in Training Russian as Foreign Language: Genre-Oriented Approach. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015, vol. 215, pp. 112–117. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.583>
9. Kshenovskaja U. L., Starodubseva A. V. Language Lacunae in Journalistic Text and Ways of Eliminating Them in Translation. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2016, no. 4, pp. 154–166. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1604.14> (In Russian)
10. Sdobnikov V. In Defense of Communicative-Functional Approach to Translation. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016, vol. 231, pp. 92–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.09.076>
11. Merakchi K., Rogers M. The Translation of Culturally Bound Metaphors in the Genre of Popular Science Articles: A Corpus-Based Case Study from Scientific American Translated into Arabic. *Intercultural Pragmatics*. 2013, vol. 10, issue 2, pp. 341–372. DOI: <http://doi.org/10.1515/ip-2013-0015>

12. Kositckaya F. L. Teaching Translation Based on the Speech Genre. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2013, no. 9 (137), pp. 131–136. (In Russian)
13. Stepanova V. V. Translation Strategies of Legal Texts (English-Russian). *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2017, no. 237, pp. 1329–1336. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2017.02.218>
14. Ilynska L., Ivanova O., Senko Z. Rhetoric of Scientific Text Translation. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016, vol. 231, pp. 84–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.09.075>
15. Abdelaty R. M. Abbreviations in Specialized Texts and the Problem of their Translation into Arabic – A Model Based on Technical Texts. *Lebende Sprachen*. 2015, vol. 60, issue 1, pp. 177–191.
16. Barbosa M. M. V. Specialized Corpora as a Translation Resource: Analysis of the Thematic Chains and its Textual Markers in Scientific Papers on Neuromuscular Diseases in Pediatrics. *Onomazein*. 2013, vol. 27, issue 1, pp. 78–100.
17. Gajda R. The Phenomenon of Translation Cloud. *Language and Culture*. 2016, no. 2 (8), pp. 31–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/24109266/8/3>
18. Rogozhkin S. E., Mitchell P. J. Specifics of Academic Text Translation Strategy. *Language and Culture*. 2016, no. 2 (8), pp. 75–82. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/24109266/8/8>
19. Achkasov A. V. Generic Integrity and Generic Shifts in Translation. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015, no. 12, pp. 2802–2811. DOI: <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-2015-8-12-2802-2811>
20. Grichin S. V., Demeshkina T. A. Evidentiality in the Text of a Research Work: a Cognitive-Discursive Aspect. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2016, no. 6 (44), pp. 5–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19986645/44/1> (In Russian)
21. Zhirona I. Academic, Publicistic and Popular Scientific Elements in Stylistics and Semantics of Scholarly Paper. *Bulletin of Moscow State Region University*. 2016, no. 2, pp. 41–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2310-712X-2016-2-41-46> (In Russian)
22. Rezanova Z. I., Kogut S. V. The functioning of discourse markers in the academic text: ethnocultural and discursive determinations. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2016, no. 1 (39), pp. 62–79. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19986645/39/6> (In Russian)
23. Klimova B. Scientific Prose Style and its Specifics. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013, vol. 83, pp. 52–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.06.011>
24. Balliu C. Training Translation Students to Understand Medical Texts: Some Reflections. *Panacea*. 2013, vol. 14, issue 38, pp. 275–279.
25. Sharkas H. The Effectiveness of Targeted Subject Knowledge in the Teaching of Scientific Translation. *The Interpreter and Translator Trainer*. 2013, vol. 7, issue 1, pp. 51–70. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13556509.2013.798843>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© А. Е. Козлов

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.12)

УДК 821.161.1 + 82.0

К ВОПРОСУ О ДИАХРОНИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ XIX ВЕКА

А. Е. Козлов (Новосибирск, Россия)

Постановка проблемы. Статья посвящена дискуссионному вопросу современной истории литературы – диахроническому изучению произведений беллетристики. Несмотря на более чем вековую традицию осмысления данного подхода (А. Н. Веселовский, Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум, Ю. М. Лотман, Б. В. Дубин), можно констатировать, что в отечественной исследовательской практике он по-прежнему определяет перспективы филологических исследований. Актуальную **методологическую проблему** представляют презумпция авторского текста, принципиальная неустраиваемость фигуры автора/писателя, свойственные для синхронического изучения литературы. **Целью статьи** является анализ методологических операций, позволяющих представить беллетристику как аксиологически значимое явление культуры, функционирование которого предполагает двоякую интерпретацию – в контексте синхронии и диахронии.

Методология. Через категории вторичности и альтернативности, осмысляемые в статье как своеобразные квазисинонимы, рассматриваются так называемые стохастические факторы литературного процесса. В качестве примеров рассматриваются произведения так называемого второго литературного ряда: романы Д. В. Григоровича «Проселочные дороги» и Вас. Ив. Немировича-Данченко «На пути к вечности», повести М. В. Авдеева («Тамарин») и Н. Д. Ахшарумова («Игрок», «Натурицица» и пр.). Используются историко-литературные и теоретико-литературные **методы, методы сопоставительного и контрастивного анализа.**

Результаты исследования. Исходя из осуществленного анализа, автор статьи формулирует ряд гипотез.

– Осмысление слов классика/беллетристика подражание/эпигонство, вторичность/альтернативность как терминов, имеющих жесткие терминологические границы, значительным образом изменяет исходное представление о литературной репутации и месте писателей-беллетристов в культурном пространстве.

– Феноменология творчества беллетриста, взятая в схематическом ракурсе, может быть представлена как действие эксплицитной силы, направленной на диалог и часто спор, и имплицитной силы, возникающей вследствие осознания собственной неполноценности. Каждый этап освоения литературной традиции, по указанию автора статьи, наряду с творением представляет вторение.

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

– Сложившемуся в современности представлению о многих фигурах литературного процесса способствовало закрепление этих мнений и оценок в поздней аналитической критике и популярных исследовательских работах.

– Текст беллетриста и текст классика существуют как феноменологическая условность. Автором показано, что текст беллетриста обладает поливалентностью смыслов, равно как и тексты признанных русских классиков.

В заключение сделан вывод о возможности изучения второстепенных линий литературы, образующих ее альтернативную историю, показана необходимость переосмысления диахронического подхода к изучению истории литературы. Автор показывает, что описание беллетристики как социального поля предполагает двоякую интерпретацию: в контексте синхронии и диахронии. Такая оптика, согласно выводам исследователя, позволяет преодолеть презумпцию авторского текста и литературной репутации писателя.

Предлагаемый исследователем подход может приблизить филологическое научное знание к постнеклассическому типу понимания литературы и литературного процесса как сложно организованной, подвижной и изменяемой модели.

Ключевые слова: вторичность и альтернативность; классика; беллетристика; синхрония; диахрония; литературная репутация; русская литература XIX века.

Постановка проблемы

Историческое изучение литературы как упорядоченной системы эстетических и социально значимых доминант зачастую корректируется введением в исходные условия новых фигур – «забытых», исключенных из памяти культуры текстов и «представительствующих» от их имени литературных репутаций¹.

Обращение к произведениям второго и третьего литературного рядов зачастую изменяет определяемые внешними условиями индексы, вносит случайные, «стохастические» факторы в мнимо устоявшуюся модель литературного процесса². Так, соседство басен И. А. Крылова с «Путешествием критики» С. К. Ферельца, многочисленные совпадения в сюжетосложении комедии Г. Ф. Квитки-Основьяненко

¹ Вслед за В. Шмидом мы полагаем, что «любая история литературы – нарратив, руководимый, как и все нарративы, субъективной точкой зрения. Объективные истории литературы так же невозможны, как и объективные истории политических происшествий» (Шмид В. История литературы с точки зрения нарратологии // Вопросы литературы. – 2012. – № 5. [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/5/s13.html> (дата обращения: 18.01.2017).

² См. о взаимодействии классики и беллетристики: Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. – Л.: Прибой, 1929; Тынянов Ю. Н. Проблемы изучения литературы и языка // Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 282–283; Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – Т. 1. – Таллинн, 1992; Кондаков Б. В. Классика в свете современной интерпретации // Классика и современность. – М.:

МГУ, 1991; Маркович В. М. К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность; Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. – СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999; Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения. – М.: Русский мир, 2006; Пенская Е. Н. Проблемы альтернативных путей в русской литературе: поэтика абсурда в творчестве А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. В. Сухова-Кобылина. – М.: Carte Blanche, 2000; Она же: Журнальные контексты драматического жанра в русской культуре XIX века // Универсалии русской литературы. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009; Дубин Б. В. Литературный текст и социальный контекст // Слово – письмо – литература. Очерки социологии современной культуры. – М., 2001.

«Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе» и «Ревизоре» Н. В. Гоголя или параллельность беллетристических опытов критика и писателя Н. Д. Ахшарумова творческому пути Ф. М. Достоевского демонстрируют вариативность и множественность эстетических поисков русской беллетристики XIX века. Однако своего рода альтернативная история литературы по-прежнему рассматривается в общей практике как составляющий большую историю фон, не имеющий права и возможности в перспективе стать чем-то большим.

Констатируемый в современной теории литературы антропологический поворот (Bernaerts L., Boehmer E., Prince G., Reagan A. J. and other) [1; 2; 5; 8], связанный с «изменением объекта интерпретации и самого модуса интерпретации»³ [1, p. 283], тем не менее не оказывает влияния на традиции отечественного литературоведения. Говоря об этом разрыве, современный исследователь подчеркивает: «Презумпция теории Бахтина, Тынянова, Виноградова довлеет над содержанием. Вместо верификации существующих литературных дефиниций, современные исследователи осложняют их ненужным коннотативным фоном» (Zeng J) [9, p. 138]⁴. Следует признать, что в исследовательском пространстве по-прежнему недостаточно осмыслена концепция Ю. Н. Тынянова, представившего историю литературы в свете эволюции⁵. Ошибочное представление об эволюции как о системном процессе, построенном на причинно-следственных связях, подлежащих исторической типологизации, исключает «случайные»,

«стохастические» факторы, заставляя считать такие явления как эпигонство и подражание *отклонением* развития эстетической системы. Об этом убедительно пишет Г. Хаммарберг, разводя *эпигонство* как свойство творческой системы и *эпигонизм* как стратегию текстопождения [6].

Как показывают современные исследования, история канонизации художественной литературы, тем более утверждения нового литературного канона, постоянно заявляет о своем имплицитном присутствии (такой взгляд наиболее последовательно представлен в работах Б. В. Дубина [13]). Кажется знаменательным, что освоив опыт постструктуралистской методологии и утверждая презумпцию текста над фигурой автора, современный историко-литературный анализ не устраняет автора/писателя, а скорее делает его присутствие скрытым или имплицитным.

Самая презумпция литературной репутации писателя кажется ключевой. Например, нарратологический анализ романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», вне зависимости от определения нарративных стратегий и тактик, будет определяться знанием авторского текста (имплицитной или эксплицитной соотнесенностью с индивидуально-авторской моделью творчества), в то же время аналогичный анализ романа М. В. Авдеева «Тамарин» в своей основе будет иметь презумпцией фактор вторичности этого произведения. «Тамарин» будет прочитываться в контексте лермонтовского влияния, хотя такой способ интерпретации является довольно произвольным. Так, декларируя свою подражательность

³ Здесь и далее перевод – А. К.

⁴ Продолжение этих рассуждений в применении к анализу «поля Достоевского» см. в другой статье исследователя: [10].

⁵ Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. – Л.: Прибой, 1929;

Тынянов Ю. Н. Проблемы изучения литературы и языка // Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. Заслуживает также внимания анализ поэтики художественных текстов Ю. Тынянова в контексте его научных интересов [4].

на уровне формы и содержания, М. В. Авдеев тем не менее конструирует свой роман (или цикл повестей) по принципу английской новеллы, тем самым изменяя исходные координаты французского романа. В этом далеко не всегда объективном модусе исследовательской оценки можно видеть принципиальную неустранимость фигуры автора/писателя.

В связи с этим можно констатировать, что особой напряженной рефлексии сегодня требуют термины *вторичность* и *альтернативность*, их изучение в феноменологическом и философском ракурсе. Этим определяется и цель настоящей статьи – методологическая рефлексия и обоснование гипотез, направленных на утверждение нового аксиологического статуса русской беллетристики XIX века.

Методология

Традиционный историко-литературный метод, являющийся базовым в исследовании, требует существенных корректировок, направленных на уточнение базовых дефиниций. К таковым мы относим понятия *классика* и *беллетристика*, *синхрония* и *диахрония*, *вторичность* и *альтернативность*.

Вторичность как магистральное свойство русской культуры и одно из определяющих свойств национального самосознания отражается как на прецедентных, так и наоборот «погасающих» в культурном пространстве текстах. По всей видимости, можно говорить о вторичности как конституирующем свойстве мышления, характеристике индивидуально-авторского творчества и свойстве национальной традиции. В первом случае вторичность – это осознаваемая принадлежность части к целому, что в некотором смысле связано

с феноменологией бытия. В остальных, непосредственно интересующих нас случаях, этот феномен оказывается неразрывно связан с эстетической деятельностью как индивида, так и этноса. Эта несамостоятельность отнюдь не отменяет возможность оригинального самовыражения и представления мысли в художественном объекте – слове, являя, скорее, очевидную сложность идентификации в культурном времени и пространстве [17].

С течением времени осознаваемая современниками сюжетная вторичность текстов нейтрализуется, что в ряде случаев делает неудовлетворительной концепцию классики как системы эстетических доминант, через которые прочитываются вторичные (или беллетристические) тексты. Исходя из современной литературной теории, построенной на феноменологических и герменевтических методах, мы можем утверждать, что креативная интенция большинства авторов несводима к воспроизведению и следованию образцу, зачастую важен фактор соревновательности, нередко связанный с конкуренцией (или конкурентностью) биографических фигур⁶. Так, история русского провинциального романа демонстрирует своеобразную потенцию продолжения канонического текста Н. В. Гоголя. Взятые вместе, эти тексты: «Проселочные дороги» Д. В. Григоровича, «Тысяча душ» А. Ф. Писемского, «Обличители» М. М. Стопановского, «Портретная галерея» Н. Данковского, «Чужое имя» Н. Д. Ахшарумова и пр., организуют своеобразный метатекст [14–15] *околопоэмы*, встраиваясь в него на правах вариантов и альтернативных сюжетных линий. Такое вхождение в метатекст зачастую становилось объектом авторской рефлексии. Например, завершая своё произведение, Д. В. Григорович

⁶ См.: Современная литературная теория / под ред. И. Кабаковой. – М.: Флинта, 2011. – 303 с.

писал: «Я готов поручиться чем угодно, что если какому-нибудь наблюдателю вздумалось заглянуть по прошествии этого года в Горшковский уезд, и затем явилось бы желание передать свои впечатления, ему неизбежно пришлось бы повторить историю просёлочных дорог, чего я от души не желаю ни ему, ни читателю»⁷. Отказываясь от продолжения, Д. В. Григорович фактически завершает некоторый сюжетный цикл, возобновление которого может привести лишь к повторению написанного. Продолжая эстетическую программу Н. В. Гоголя, Д. В. Григорович обращается к оптическим метафорам: «Горшковский уезд играет здесь роль вогнутого зеркала, к которому автор подводит фантастические лица, заслуживающие насмешки»⁸. По всей видимости, конструируя провинциальный роман, Д. В. Григорович размышляет о развитии «литературной оптики», совмещая этические максимы «Ревизора» и «Мертвых душ».

Вторичность как свойство эстетической системы и оценка эстетической деятельности (включая самооценку и авторефлексию) пред-

ставляет важный феномен истории литературы. Значение этого феномена часто раскрывается на определенной исторической дистанции и, как правило, опосредуется критической или исследовательской традицией. Не учитывая этот фактор, историк литературы, на наш взгляд, оказывается во власти условного представления, литературной репутации, заменяющей имя и текст⁹. Происходит синхроническое изучение феномена, в то время как изучение его вторичности как образующей потенции позволяет выйти за пределы такого представления. На наш взгляд, именно такой подход превращает читаемый текст в произведение, комментарий, чье изучение зачастую подразумевает обращение к герменевтическим принципам его создания. Обращение к литературным репутациям писателя-разночинца В. А. Слепцова или Вас. Ив. Немировича-Данченко, крупного беллетриста конца XIX века, в полной мере подтверждает эту мысль. В частности, повесть-роман В. А. Слепцова «Трудное время», воспринимаемая в исторических и актуальных интерпретациях¹⁰ как

⁷ Григорович Д. В. Просёлочные дороги. Роман без интриги. Часть шестая и последняя // Отечественные записки. – 1852. – Т. 87. – С. 186.

⁸ Григорович Д. В. Просёлочные дороги. Часть первая // Отечественные записки. – 1852. – Т. 80. – С. 129.

⁹ В понимании литературной репутации мы руководствуемся как классическими (Розанов И. Н. Литературные репутации. – М.: Кооп. изд-во писателей «Никитинские субботники», 1928. – 147 с., Винокур Г. О. Биография и культура. – М.: Русские словари, 1997. – 316 с.), так и современными работами отечественных литературоведов (Акимова Н. Н. Ф. В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф. — Хабаровск: Хабаровский гос. пед. ун-т, 2002; Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. – М.: НЛЮ, 2009. – 448 с.; Вдовин А. В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. – Тарту, 2011; Печерская Т. И. Свидетельство современников как

источник литературной репутации // Памяти А. И. Журавлевой. – М.: Три квадрата, 2012. С. 69–84; Костионова М. В. Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2015; Лаврова С. Ю. Литературная репутация и социальная справедливость: к вопросу о творчестве беллетриста XIX века Н. Д. Ахшарумова // Проблемы социальной справедливости. Современный мир. – Череповец, 2016. – С. 49–55; Боева Н. Г. Возможна ли история русской литературы как история «литературных репутаций» // Поэтика художественного текста. – Борисоглебск, 2015. – С. 28–32). См. также наши рассуждения по этому поводу: [15].

¹⁰ История изучения текста В. А. Слепцова последовательно изложена в статьях и монографии У. Брумфилда [3; 11–12].

поздний нигилистический роман, направленный на утверждение ценностных ориентиров, заданных утопией Н. Г. Чернышевского, уместно рассмотреть как своеобразный роман-комментарий,веряющий (и опровергающий) социальные взгляды автора «Что делать?» Подобное замечание можно высказать и в отношении дилогии В. И. Немировича-Данченко «На пути к счастью» и «На пути к вечности». Беллетрист воспроизводит основные сюжетные решения романистики Л. Н. Толстого, связанные с супружеской изменой, бегством героев, смертью героини под колесами скорого поезда. Однако мотивация самоубийства оказывается принципиально разной: самоубийство Карениной, как и её измена, находятся в зоне морального выбора персонажа. Копрова всего лишь следует «року», её измена – необходимость, лежащая за пределами морального выбора. В. И. Немирович-Данченко увлечён идеей пути вечного страдания, Л. Н. Толстой – идеей лабиринта сцеплений, отдельного человеческого бытия на фоне человеческих судеб. Финальный выбор Николая Семигорова фактически актуализирует альтернативный выбор беллетриста, поиск им аксиологически значимого эквивалента, позволяя ему «отмежеваться» от очевидного тождества: «И идут дни и годы, века и тысячелетия, народы сменяются народами, миры мирами, но всё теми же неисповедимыми путями, сквозь несбывшиеся надежды, муки и терзания Господь ведёт избранных Своих. Смертью пробуждает к жизни, страданиями к радости. И страшен порог бытия к тому неведомому и бесконечному, и колеблется над ним человек, как преступит через

него, и ад в его душе и сомнение. Но видит слабость его Всевышний и идёт на помощь, как мать к ребёнку. Разобьёт ему сердце горем великим, и легка человеку смерть – не труден становится этот таинственный и грозный *путь к вечности*»¹¹.

В противоположность вторичности как декларативной несамостоятельности, *альтернативность* представляет намеренное, осмысленное желание противостоять существующему *канону*, или основному потоку (*mainstream*), что в каждом отдельном случае определяет совершенно разный результат: связанный с появлением классиков, таких как Л. Н. Толстой, «литературных еретиков», таких как Н. С. Лесков, или «посредственностей», таких как Н. Г. Чернышевский. Очевидно, что альтернативность вызвана потребностью идти «против течения» – политического, социального или культурного, и поиском новой идентичности, т. е. сознательной необходимостью избегать вторичности. Альтернативность в равной мере обусловлена существующим каноном и маргиналиями, возникающими вследствие его деформации или открытого неприятия¹². История русской беллетристики являет множество ярких и самобытных примеров альтернативности. В частности, повести и романы Н. Д. Ахшарумова, точно реферирующего магистральную линию русской литературы («Игрок» → «Пиковая дама» А. С. Пушкина, «Чужое имя» → «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Под колесом» → «Ася» и «Вешние воды» И. С. Тургенева, наконец, «Двойник», «Игрок» и «Концы в воду» → Ф. М. Достоевский), в каждом рассматриваемом случае предполагает новые решения не

¹¹ Вас. И. Немирович-Данченко. На пути к вечности // Нива. – 1898. – № 51. – С. 101.

¹² Следует оговориться, что понимание вторичного текста в лингвистике и литературоведении значительно разнится. Объединяя эти представления,

можно создать своеобразный диагностический комплекс, позволяющий отнести текст к вторичному.

только на уровне фабулы [16], но и нарратива, актуализируя «архаические» стилевые системы, возвращающие деформированному литературному стилю «пушкинскую» нормативность. Особенно показательна в этом ряду повесть Н. Д. Ахшарумова «Натурщица», представляющая в жанровом отношении так называемую юридическую фикцию. В этом произведении, совместив парадоксальность Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, Н. Д. Ахшарумов выходит к пониманию роли автора и героя в художественном тексте, предвосхищая модернистские эксперименты В. В. Набокова [7].

Достаточно беглого взгляда, чтобы констатировать, что *альтернативность* и *вторичность* в своем узусе являются антонимами. Однако простейшая исследовательская операция (что показывают приведенные выше примеры) обнаруживает умозрительность такой антонимии, демонстрируя сложность семантических отношений: контекстуально возникающих между ними синонимии и антонимии, так и квазиантонимии и синонимии. Иными словами, совмещение синхронного и диахронного подходов в изучении литературного процесса позволяет скорректировать представление о вторичности и альтернативности как своего рода антиномиях его развития в пользу диалектической, или, в противоположность Г. Гегелю, диалогической модели взаимодействия.

Результаты исследования

Сказанное позволяет выдвинуть ряд гипотез.

1. Семантическая ёмкость понятий *классика/беллетристика* *подражание/эпигонство*, *вторичность/альтернативность*, превышая узусальное значение, способствует искажению исходного представления о литературном процессе. Осмысление этих слов как

терминов, имеющих жесткие терминологические границы, значительным образом изменяет исходное представление о литературной репутации и месте писателей-беллетристов в культурном пространстве.

2. Произведение, принадлежащее беллетристике, далеко не всегда может быть названо вторичным. Регулярно движущей силой становится не слепое подражание, определяемое скрытым *обожанием* объекта подражания, но и *состяжание*. Иными словами, феноменология творчества беллетриста, взятая в схематическом ракурсе, может быть представлена как действие эксплицитной силы – направленной на диалог и часто спор и силы имплицитной, возникающей вследствие осознания собственной неполноценности [17]. Проводя формалистские аналогии, можно констатировать, что каждый этап освоения литературной традиции наряду с *творением* представляет *вторение*.

3. Высказывания о вторичности обладают повышенным рефлексивным значением. Резонанс этих высказываний в культурном пространстве часто способствует упрочению, зачастую «кристаллизации» сложившейся репутации и «спрямлению» творчества писателя-беллетриста. Сложившемуся в современности представлению о многих фигурах литературного процесса способствовало закрепление этих мнений и оценок в поздней аналитической критике и популярных исследовательских работах. Взятые вместе эти источники должны быть подвергнуты критическому рассмотрению.

4. Текст беллетриста обладает поливалентностью смыслов, равно как и тексты признанных русских классиков. *Текст беллетриста* и *текст классика* существуют как феноменологическая условность. Фактически пространство мировой литературы существует

вне рядов и иерархий, исходя из этого, кажется возможным отказаться от иерархического осмысления литературы.

Заключение

На наш взгляд, диахроническое изучение истории литературы позволяет объединить категории вторичности и альтернативности в интегральном компоненте – *метанарративном потенциале*. Действительно – то, что для современников становилось знаком несамостоятельности или эстетической неполноценности, в актуальном исследовательском пространстве становится бесценным свидетельством рефлексии, требующим фиксации и расшифровки.

Для подтверждения выдвинутых гипотез и осуществления необходимых исследовательских операций руководящим принципом является *соединение* диахронического и синхронического подходов к изучению истории литературного процесса. Рассмотрение беллетристических текстов в синхронии и диахронии с постоянным приближением и удалением создает новую оптику, позволяющую, на наш взгляд, синхронизировать и создать корреляцию между взглядом читателя-современника и современного читателя (не устрояя из этого процесса и читателя-исследователя). Таким

образом, исследование литературного текста в его различных социальных проекциях оказывается неразрывно связанным с созданием альтернативных моделей литературного развития. Другой, не менее продуктивной, исследовательской операцией можно считать имманентное рассмотрение текстов беллетристической литературы. Предпринятые в последние годы исследования произведений Н. Г. Чернышевского [19–20], Ф. М. Решетникова [21], В. А. Слепцова [3; 11–12], А. К. Толстого [18] и др. показывают продуктивность такой исследовательской операции.

Реализация этих подходов, по нашему мнению, определяет создание своего рода альтернативной истории литературы, выявляет «стохастические» факторы и рудименты, т. е. приближает научное знание о литературе к постнеклассическому типу понимания сложно организованной, подвижной и изменяемой модели.

Таким образом, одной из актуальных задач диахронического изучения истории русской беллетристики остается построение альтернативной картины развития русской литературы, конечно, несколько не отменяющей существующую, но дающей некоторое дополнительное измерение известным и ранее исчисленным эстетическим феноменам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Bernaerts L.** Narrative across Versions: Narratology Meets Genetic Criticism // Poetics Today. – 2013. – Vol. 34, Issue 3. – P. 281–326. DOI: <http://dx.doi.org/10.1215/03335372-2325232>.
2. **Boehmer E.** Reading between life and work: reflections on 'JM Coetzee' // Textual Practice. – 2016. – Vol 30, Issue 3. – P. 435–450. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/0950236X.2016.1158933>
3. **Brumfield W.** Sleptsov Redivivus // Knoldege. Understanding. Skill. – 2014. – № 2. – P. 357–389. http://zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/2/Brumfield_Sleptsov-Redivivus/index.php?sphrase_id=194086
4. **Ivleva V.** Literary Theory in Practice: Rethinking Jurij Tynjanov's 'The Wax Figure' // Russian Literature. – 2006. – Vol. 60, Issue 2. – P. 127–157. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2006.09.001>.

5. **Reagan A. J., Mitchell L., Kiley D., Danforth C. M., Dodds P. S.** The emotional arcs of stories are dominated by six basic shapes // *EPJ Data Science*. – 2016. – Vol. 5 (31). DOI: <http://dx.doi.org/10.1140/epjds/s13688-016-0093-1>.
6. **Hammarberg G.** Karamzinolatry and Epigonism // *Russian Literature*. – 2014. – Vol. 75, Issues 1–4. – P. 189–217. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2014.05.009>.
7. **Masing-Delic I.** Replication or Recreation? The Eurydice Motif in Nabokov's Russian Oeuvre // *Russian Literature*. – 2011. – Vol. 70, Issue 3. – P. 391–414. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2012.01.003>.
8. **Prince G.** Unnatural Narrative: Theory, History, and Practice // *Poetics Today*. – 2016. – Vol. 37. – P. 691–696. DOI: <http://dx.doi.org/10.1215/03335372-3638220>.
9. **Zeng J.** Reference to and Transformation of Bakhtin's Theory in Kristeva's "Word, Dialogue and Novel" // *Foreign Literature Studies*. – 2014. – Issue 1. – P. 133–139. http://caod.oriprobe.com/articles/41354289/Reference_to_and_Transformation_of_Bakhtin_s_Theory_in_Kristeva_s_Wor.htm
10. **Zhang J.** Awareness of "Aggregation and Harmony" in the Art of Dostoevsky's Fiction Writing // *Foreign Literature Studies*. – 2010. – Vol. 32. – № 5. – P. 73–78. http://en.cnki.com.cn/Article_en/CJFDTOTAL-WLXY201005015.htm
11. **Брумфилд У.** Базаров и Рязанов: романтический архетип в русской литературе // *Знание. Понимание. Умение*. – 2015. – № 3. – С. 95–113. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.3.24>.
12. **Брумфилд У.** Социальный проект в русской литературе XIX века. – М.: Три квадрата, 2009. – 303 с.
13. **Дубин Б. В.** Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 344 с.
14. **Киселев В. С.** Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX века. – Томск: Изд-во ТГУ, 2006. – 542 с.
15. **Козлов А. Е.** Рефлексия эпигонов в русской прозе первой половины XIX века // *Критика и семиотика*. – 2014. – № 1. – С. 169–179.
16. **Лаврова С. Ю.** Языковая личность Н. Д. Ахшарумова в семиотическом пространстве русской литературы второй половины XIX века (к постановке проблемы) // *Вестник Череповецкого государственного университета*. – 2015. – № 4. – С. 100–106.
17. **Лаппо М. А.** Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 180 с.
18. **Пенская Е. Н.** Проблемы альтернативных путей в русской литературы: поэтика абсурда в творчестве А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. В. Сухово-Кобылина. – М.: Carte Blanche, 2000. – 308 с.
19. **Печерская Т. И.** Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. – Новосибирск: Нонпарель, 1999. – 300 с.
20. **Печерская Т. И.** «Сапоги в квадрате»: сапожный сюжет в русской литературе 1840–1870-х годов // *Сюжетология и сюжетография*. – 2014. – № 1. – С. 38–49.
21. **Созина Е. К.** Индивидуальное и общее в судьбе и творчестве литератора-разночинца: размышления над прозой Ф. М. Решетникова // *Уральский исторический вестник*. – 2009. – № 1. – С. 41–50.

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.12)

Aleksey Evgenievich Kozlov, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Russian and Foreign Literature, Literature Theory and Methods of Literature Training, Institute of Philology, Mass Information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

DIACHRONIC STUDY OF THE HISTORY OF FICTION XIX CENTURY AT PHILOLOGY

Abstract

Introduction. *The article is devoted to discussion questions of modern literary history as diachronic method in investigation of fiction. Despite more than a century-long tradition of understanding of this approach (A.N. Veselovsky, Ju. N. Tynjanov, V.B. Shklovsky, B.M. Eikenbaum, Ju. M. Lotman, B.V. Dubin), we can stay that in the domestic research practice it still determines the prospects of philological research. Presumption of author model, principally unavoidable figure of the author / writer, typically for the synchronic study of literature, define special value proposed research operations.*

Materials and methods. *Within the category of secondary and alternative considered the so-called "stochastic" factors of the literary process. Examples are considered works of the so-called "second literary layer". There are novels Dmitry Grigorovich's "Country Roads" and Basil Nemirovich-Danchenko "On the Way to Eternity", the stories of Mikhail Avdeev "Tamarin" and Nikolay Aksharumov "The Player", "The Model" and other).*

Results. *Based on the analysis carried out, the researcher formulates hypotheses:*

a. *Understanding the word classic / fiction / imitation, secondary / alternative as terms is main for designation of terminological significantly. It can be change the original idea of the literary reputation and place of "secondary" writers in the cultural space.*

b. *Phenomenology of creativity novelist, taken in schematic perspective, can be presented as an act of explicit powers. That's aimed at dialogue and debate and often implicit force arising as a result of awareness of their inferiority.*

c. *Fold in the modern conception of the many figures of the literary process contributed to strengthening these opinions and assessments in later analytical criticism and popular research papers.*

d. *So-called "secondary text" and the "text of the classic" are phenomenological convention. Text novelist has polyvalent meanings, as well as the texts of recognized Russian classics.*

Conclusions. *In conclusion, the presented hypotheses about the status of the fictional text, the conclusion about the possibility of exploring alternative lines of literature, forming alternative history. Such a transition, according to the author, will bring scientific knowledge to the philological postnon-classical type of understanding of literature and the literary process as a complexly organized, mobile and variable model.*

Keywords

Secondary and alternative; classic; fiction; synchrony; diachrony; secondary and alternative; the literary reputation; diachronic method; Russian literature of XIX century.

REFERENCES

1. Bernaerts L. Narrative across Versions: Narratology Meets Genetic Criticism. *Poetics Today*. 2013, vol. 34, issue 3, pp. 281–326. DOI: <http://dx.doi.org/10.1215/03335372-2325232>.
2. Boehmer E. Reading between life and work: reflections on 'JM Coetzee'. *Textual Practice*. 2016, vol. 30, issue 3, pp. 435–450. DOI: [10.1080/0950236X.2016.1158933](https://doi.org/10.1080/0950236X.2016.1158933)
3. Brumfield W. Sleptsov Redivivus. *Knoldege. Understanding. Skill*. 2014, no. 2, pp. 357–389. http://zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/2/Brumfield_Sleptsov-Redivivus/index.php?sphrase_id=194086
4. Ivleva V. Literary Theory in Practice: Rethinking Jurij Tynjanov's 'The Wax Figure'. *Russian Literature*. 2006, vol. 60, issue 2, pp. 127–157. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2006.09.001>
5. Reagan A. J., Mitchell L., Kiley D., Danforth C. M., Dodds P. S. The emotional arcs of stories are dominated by six basic shapes. *EPJ Data Science*. 2016, vol. 5 (31). DOI: <http://dx.doi.org/10.1140/epjds/s13688-016-0093-1>
6. Hammarberg G. Karamzinolatry and Epigonism. *Russian Literature*. 2014, vol. 75, issues 1–4, pp. 189–217. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2014.05.009>
7. Masing-Delic I. Replication or Recreation? The Eurydice Motif in Nabokov's Russian Oeuvre. *Russian Literature*. 2011, vol. 70, issue 3, pp. 391–414. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2012.01.003>
8. Prince G. Unnatural Narrative: Theory, History, and Practice. *Poetics Today*. 2016, vol 37, pp. 691–696. DOI: <http://dx.doi.org/10.1215/03335372-3638220>.
9. Zeng J. Reference to and Transformation of Bakhtin's Theory in Kristeva's "Word, Dialogue and Novel". *Foreign Literature Studies*. 2014, issue 1, pp. 133–139. http://caod.oriprobe.com/articles/41354289/Reference_to_and_Transformation_of_Bakhtin_s_Theory_in_Kristeva_s_Wor.htm
10. Zhang J. Awareness of "Aggregation and Harmony" in the Art of Dostoevsky's Fiction Writing. *Foreign Literature Studies*. 2010, vol. 32, no. 5, pp. 73–78. http://en.cnki.com.cn/Article_en/CJFDTOTAL-WLXY201005015.htm
11. Brumfield W. Bazarov and Riazanov: The Romantic Archetype in Russian Literature. *Knoldege. Understanding. Skill*. 2015, no. 3, pp. 95–113. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.3.24>
12. Brumfield W. *Social project in Russian literature of XIX century*. Moscow, Three squares Publ., 2009, 303 p. (In Russian)
13. Dubin B. V. *The Classic: after and near*. Moscow, New literary review 2010, 344 p. (In Russian)
14. Kiselev V. S. Metatext Narrative Structures in the Russian prose of the end of XVIII – the first third of the XIX century. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2006, 542 p. (In Russian)
15. Kozlov A. E. Epigone's Reflection in Russian prose of 1st part of XIX century. *Critics and Semiotics*. 2014, no. 1, pp. 169–179. (In Russian)
16. Lavrova S. Ju. Linguistic personality of N. D. Akhsharumov in Semiotic Space of Russian Literature of the 2nd Part Of the XIX century. *Cherepovets State University Bulletin*. 2015, no. 4, pp. 100–106. (In Russian)
17. Lappo M. A. *Self-Awareness: semantics, pragmatics, language resources*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Sciences Publ., 2013, 180 p. (In Russian)
18. Penskaja E. N. *Problemes of alternative ways of Russian literature*. Moscow, Carte Blanche Publ., 2000, 308 p. (In Russian)
19. Pecherskaja T. I. *Commoners of the 60th of the XIX Century. The phenomenon of Self-Awareness in the Aspect of Philological Hermeneutics*. Novosibirsk, Nonparel Publ., 1999, 300 p. (In Russian)

20. Pecherskaja T. I. «Boots Squared»: Shoe Story In Russian Literature of the 1840-1870s. *Sujetologia and Sujetografia*. 2014, no. 1, pp. 38–49.
21. Sozina E. K. The public and the private in life and work of an author reflection on the prose of F. M. Reshetnikov. *Historian Bulletin of Ural*. 2009, no. 1, pp. 41–50. (In Russian)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Научный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета» – электронное периодическое издание, учрежденное ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», в котором публикуются ранее не опубликованные статьи, содержащие основные результаты исследований в ведущих областях научного знания.

Материалы статей, подготовленные автором в соответствии с правилами оформления регистрируются, лицензируются, проходят научную экспертизу, литературное редактирование и корректуру.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционным советом электронного журнала.

Регистрация статьи осуществляется в on-line режиме на основе заполнения электронных форм. По электронной почте статьи не регистрируются.

Редакционная коллегия электронного журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов. Все статьи, не соответствующие тематике электронного журнала, правилам оформления, не прошедшие научную экспертизу, отклоняются. Корректур статей авторам не высылается.

Тексты статей необходимо оформлять в соответствии с международными требованиями к научной статье, объемом в пределах половины печатного листа (20000 знаков).

Публикуемые сведения к статье на русском и английском языках:

- заглавие – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/ авторов, город, страна, а также УДК;
- адресные сведения об авторе – указывается основное место работы, занимаемая должность, ученая степень, адрес электронной почты;
- аннотация статьи (от 1500 знаков) – отражает проблему, цель, методологию, основные результаты, обобщающее заключение и ключевые слова;
- пристатейный список литературы – оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008; формируется в соответствии с порядком упоминания в тексте статьи; регистрируется ссылкой (ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат порядковый номер в списке литературы и страницы цитируемой работы).

Подробнее с правилами публикации можно ознакомиться на сайте журнала:

<http://vestnik.nspu.ru/avtoram>

GUIDE FOR AUTHORS

The scientific journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin» is electronic periodical founded by Novosibirsk State Pedagogical University. Journal articles containing the basic results of researches in leading areas of knowledge were not published earlier.

The materials of articles, carefully prepared by the author, are registered, are licensed, materials are scientific expertise, literary editing and proof-reading.

The decision about the publication is accepted by an editorial board and editorial advice of electronic journal.

Also it is displayed in personal "cabinet" of the author.

Registration of article is carried out in on-line a mode on the basis of filling electronic forms e-mail articles are not registered.

The Editorial Board of the electronic journal reserves the right to itself selection of sent materials. All articles are not relevant to the content of electronic magazine, to rules of the registrations rules that have not undergone scientific expertise, are rejected. The proof-reading of articles is not sent to authors. Manuscripts are not returned.

Texts of articles are necessary for making out according to professional requirements to the scientific article, volume within the limits of 0,5 printed page (20000 signs).

Published data to article in Russian and English languages:

the title – contains article name, the initials and a surname of authors / authors, the city, the country;

address data on the author – the basic place of work, a post, a scientific degree, an e-mail address for communication is underlined;

abstract (200–250 words) – reflects its basic maintenance, generalizing results and keywords;

references – is made out according to requirements of GOST P 7.0.5-2008; it is formed according to order of a mention in the text of paper; it is registered by the reference (references in the text are made out in square brackets, contain a serial number in the References and page of quoted work).

Simultaneously with a direction in edition of electronic journal of the text of articles prepared for the publication, it is necessary for author to send accompanying documents to articles, issued according to requirements.

In detail the rules of the publication on the site of journal:

<http://en.vestnik.nspu.ru/avtoram>